

ПОСВЯЩАЕТСЯ 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Провал операции «Шаровая молния»

ТАТАРЫ В ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДАХ БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2010

Редакционная коллегия: *А.Ахтамзян, Р.Гайнетдинов, Р.Измайлов, Р.Мустафин, М.Хакимов*

Составитель: *Рафаэль Мустафин*

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах». Воспроизведение всей книги или ее части на любых видах носителей запрещается без письменного разрешения издательства.

Провал операции «Шаровая молния». Татары в партизанских отрядах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны : сборник статей / сост. : Р.А.Мустафин. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2010.

ISBN 978-5-298-01959-0

Этот сборник научно-популярных статей посвящен 65-летию Великой Победы. В нем рассказывается о переходе 825-го батальона легиона «Идель-Урал» на сторону белорусских партизан в феврале 1943 года. Этот переход означал для фашистского командования провал тщательно подготовленной операции «Кугельблиц» («Шаровая молния») и крах планов по использованию представителей народностей Поволжья в борьбе против своей Родины.

© Татарское книжное издательство, 2010

© Мустафин Р.А., сост., 2010

Р.Мустафин,
кандидат филологических наук,
лауреат республиканских
и государственных премий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не пропавшие без вести

(От составителя)

Это событие, произошедшее в белорусских лесах в ночь на 23 февраля 1943 года, малоизвестно широкому кругу читателей.

825-й батальон легиона «Идель-Урал» или Волго-татарского легиона, как его предпочитали называть сами немцы, в количестве 930 человек с полным вооружением и боеприпасами, направленный на борьбу против белорусских партизан, едва прибыв на место, в район Витебска, поднял восстание, перебил немецких офицеров и перешел к партизанам.

В масштабах большой войны это был, конечно, лишь эпизод. Но эпизод далеко не местного значения.

Во-первых, он показал, что части татарского легиона, по выражению самих фашистов, «являются самыми ненадежными» – для немецкого рейха, разумеется. После этого немецкое командование уже не решается посылать татарских легионеров на Восточный фронт.

А во-вторых, переход этого воинского соединения в бригаду Бирюлина, насчитывающую всего около 500 человек личного состава, резко изменил соотношение сил в пользу партизан. Восставшие привезли с собой пушки, пулеметы и 26 подвод с боеприпасами. Уже на следующий день перешедшие вступили в схватку с превосходящими силами противника. Многие погибли в этих боях. Благодаря этому тщательно спланированная немецким командованием карательная операция под кодовым названием «Кугельблиц» («Шаровая молния»), рассчитанная на полное уничтожение белорусских партизан, провалилась. А ведь немцы бросили в так называемый «Суражский треугольник» 28 тысяч снятых с фронта солдат с танками, артиллерией и авиацией. В отрядах же белорусских партизан насчитывалось всего 6 тысяч боеспособных единиц, а с вооружением и боеприпасами они испытывали постоянные трудности.

В самые трудные переломные месяцы войны партизаны Белоруссии продолжали «рельсовую войну», пускали под откос фашистские поезда, наносили серьезный урон живой силе и технике противника, срывали поставки фронту. Во всех этих операциях принимали активное участие и наши земляки-татарстанцы.

Решающую роль в организации перехода к своим сыграла подпольная организация татарских военнопленных, впоследствии получившая название группы Джалиля – Курмаша. Эта подпольная группа была создана осенью 1942 года в лагерях для военнопленных Демблин, Седльце и др. (Польша). В создании подпольной организации принял непосредственное участие поэт Муса Джалиль. О его роли в деле перехода 825-го батальона существуют разные мнения. Скорее всего сам поэт в этом не участвовал, так как находился в это время в закрытом лагере для военнопленных Вустрау. Но косвенно, через устную пропаганду и надежных людей, безусловно, мог повлиять на ход событий.

Как уже говорилось выше, этот эпизод, известный еще с военных лет, долго оставался вне поля зрения военных и гражданских историков. И только в последние годы, особенно в связи с подготовкой к празднованию 65-летия Великой Победы, об этом эпизоде Отечественной войны появилось более десятка солидных публикаций, собранных в этой книге. О восстании в 825-м батальоне писали доктор исторических наук А.Ахтамзян, доктор военных наук, генерал армии М.Гареев, кандидат исторических наук

Р.Гайнетдинов, другие ученые Москвы, Белоруссии и Татарстана. В текстах документов сохранены стилистические, орфографические, грамматические особенности, очевидные неточности и погрешности. При таком комплексном подходе к изучению истории Великой Отечественной войны, несмотря на неизбежные в таких случаях повторы, удалось прояснить многие темные моменты событий давно минувших лет. Каждый из исследователей по-своему прочитывал немногие дошедшие до нас документы, находя в них что-то новое и добавляя ранее неизвестное.

А самое главное, благодаря усилиям десятков людей, удалось найти списки участников перехода. Мы часто и не всегда к месту повторяем известный лозунг: «Никто не забыт, ничто не забыто». На деле же обращаем слишком мало внимания на судьбы конкретных людей, тех, кто рискуя жизнью и здоровьем, ковал нашу победу. Вот и в этой книге впервые приводятся документальные данные о тех, кто до сих пор считался пропавшим без вести. Их около 200 человек. И у каждого, вероятно, остались родные и близкие, ничего не знающие об их трагической судьбе. Нет, они не были ни предателями, ни изменниками Родины. Думается, публикация этих списков послужит основанием для гражданской реабилитации наших земляков и возвращения их доброго имени.

Это нужно не павшим, это нужно живым.

Р.Мустафин,
кандидат филологических наук,
лауреат республиканских
и государственных премий

ТРИ СИГНАЛЬНЫЕ РАКЕТЫ

В конце февраля 1943 года в лагере Вустрау распространилась весть: «первый (по немецким документам 825-й) батальон Волго-татарского легиона, отправленный на Восточный фронт, перебил немецких офицеров и перешел к белорусским партизанам». Прибывшие из Едлино рассказывали, что из тысячи отправленных на фронт легионеров через две недели вернулось человек семьдесят, а из сотни немецких офицеров в живых осталось всего несколько человек.

Вскоре в Едлино приехал, как его представили легионерам, руководитель Татарского комитета, будущий «президент» «Идель-Урала» Шафи Алмас.

Брызгая слюной, он говорил, что «после позорного для нас случая» правители Германии будто бы распорядились разогнать Волго-татарский легион, а всех военнопленных татар отправить в концлагеря. Якобы он, Шафи Алмас, хлопотал лично перед самим фюрером, обещал ему, что «больше такого позора не будет», и добился, чтобы Волго-татарский легион продолжал свое существование.

Подробностей перехода в то время никто не знал, но несомненно было одно: восстание в первом батальоне показало правомерность тактики подпольщиков.

За долгие годы поисков Гази Кашшафу удалось найти только одного участника этого восстания – Габдельхака Шакирова. Он был рядовым легионером, не знал всего размаха деятельности подпольщиков. Кроме того, Шакиров уже не помнил многих имен и дат, так как в свое время не придавал им особого значения.

Зимой 1967 года в Казань приехал бывший начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Кондратьевич Понамаренко. Выступая с лекциями о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны, он рассказал и о той роли, которую сыграл переход 825-го батальона на сторону партизан.

Я встретился с Пантелеймоном Кондратьевичем, и он сообщил мне имена и адреса тех, кто принимал непосредственное участие во встрече 825-го батальона: бывшего командира 1-й Витебской партизанской бригады Михаила Федоровича Бирюлина, комиссара этой же

бригады Владимира Андреевича Хабарова, начальника штаба бригады Льва Павловича Корнеева, командира партизанской бригады имени Ленинского комсомола Даниила Федотовича Райцева и других. Большинство из них жило и работало в Витебске и Витебской области.

Списавшись с ними, я выехал в Белоруссию. Встречался с бывшими партизанами, расспрашивал, записывал, уточнял детали, работал в архивах. И постепенно перед моими глазами встала довольно полная картина событий военных лет...

– Немцы пришли!

Деревня затаилась, притихла. Ни лая собак, ни мычания коров, ни петушиного крика. Почти весь скот спрятан в лесу. Все, кто мог держать в руках оружие, ушли с партизанами. В деревне остались только женщины, старики и дети.

Это были странные немцы. Они никого не трогали, не вешали, не жгли, не расстреливали. За каждую миску картошки и кринку молока расплачивались немецкими марками. Между собой говорили не по-немецки, а на каком-то странном, непонятном наречии. И песни у них были особенные – длинные, тягучие. Почти все хорошо говорили по-русски.

Один из них, одетый в форму немецкого офицера, зашел в стоявшую на отшибе избу Буйниченко. Поздоровался по-русски, снял шапку и остановился на пороге. Встретившая его пожилая женщина, не отвечая на приветствие, продолжала громыхать ухватом. Вошедший, не обращая внимания на хмурый вид хозяйки, начал расспрашивать о житье-бытье, поинтересовался, не обижают ли их немцы. Женщина спросила:

– А ты сам из каких будешь? Уж не наш ли, случаем?

– Наш, наш, – радостно закивал головой офицер. – Жуков моя фамилия. А зовут Григорий... Тут все из военнопленных...

– Что-то выговор у тебя не похож на русский...

– Да я не русский, я чуваш... С Волги.

– С Волги, говоришь? – Женщина повернулась к нему, опершись на ухват. – Как же ты говоришь «наш», а сам форму фашистскую надел? В своих, значит, стрелять будешь? Гад ты, и больше никто...

Муж Буйниченко умер от ран, полученных еще в первую германскую, а два ее сына воевали на фронте. Всякое повидала она на своем веку, но чтобы свои надели немецкую форму – это она видела впервые.

– Да, гад я, сам понимаю, что гад. Но я не предатель, мамаша. И большинство наших не предатели. Не по своей воле надели мы эти шинели. Да и стрелять в своих никто не собирается. Слышали мы, что у вас в деревне были партизаны. Может, подскажешь нам, мамаша, как связаться с ними?

Женщина с минуту внимательно разглядывала вошедшего. Потом отрезала:

– Не знаю я никаких партизан...

– Да ты не смотри, что мы в форме. Мы и сами рады бы скинуть ее, да не знаем, как это сделать...

– Как сумели надеть, так и сымайте...

И хозяйка, повернувшись спиной, снова загремела ухватом.

Когда Жуков ушел, из-за печи вылезла спрятавшаяся там восемнадцатилетняя дочь хозяйки Нина. Перед войной она закончила десятилетку, была комсомолкой. Партизаны оставили девушку в деревне связной.

– Может, мама, и вправду не врет он?

– Да ведь кто их разберет, доченька. Кто раз пошел на предательство, от того всего можно ожидать...

– Нет, мама, похоже, эти и в самом деле не хотят воевать против своих. Надо известить командира отряда...

В жарко натопленной штабной землянке 1-й Витебской партизанской бригады душно, накурено. Собравшиеся на совещание командиры и комиссары партизанских отрядов,

побросав в кучу отсыревшие за дни и ночи непрерывных боев ватники и полушубки, сгрудились над длинным дощатым столом. Прибыли представители и из соседних бригад. В тусклом свете коптилки, сделанной из снарядной гильзы, с трудом угадывались усталые, обросшие лица. Докладывал начальник разведки бирюлинской бригады Яков Ефимович Анащенко.

Три дня назад на помощь немецкой дивизии, ведущей карательную экспедицию против витебских партизан, прибыло свежее пополнение. Партизанская разведка уточнила, что это 825-й батальон легиона «Идель-Урал». В составе батальона свыше тысячи солдат, хорошо вооруженных и специально обученных для борьбы с партизанами. На всех командных должностях, в штабе и в отделе разведки – немцы. Их около ста человек.

Половина батальона расположилась в деревне Сеньково, в двенадцати километрах к северу от Витебска. Остальные остановились в деревнях Гралево и Сувары. Как сообщили партизанские связные, прибывшие неохотно подчинялись приказам немецкого командования. По отношению к местному населению никаких зверств не замечено. Наоборот, с первого же дня наблюдались попытки установить контакт с партизанами.

Анащенко рассказал, что военврач батальона Жуков не раз бывал в доме партизанской связной Буйниченко. Посоветовавшись с командиром отряда Сысоевым, она предложила ему выделить для переговоров с партизанами четырех парламентариев. Вместо пароля Нина дала им свою красную косынку.

Парламентариев в условленном месте встретила партизанская засада. Они рассказали, что действуют по заданию подпольной организации, созданной еще на месте формирования батальона в местечке Едлино. Во главе этой организации, по их словам, стоит какой-то татарский поэт, оставшийся в Германии. Парламентарии заявили, что не позднее этой ночи батальон должен перейти к партизанам, иначе завтра будет поздно.

После доклада Анащенко в землянке воцарилось молчание.

– Да, – задумчиво сказал командир бригады Бирюлин, поигрывая карандашом. – А вдруг это троянский конь?

– Пусти козла в огород... – поддержал его кто-то.

Все понимали, насколько это рискованно: пустить в тыл столь крупное воинское соединение. Судя по всему, на этот раз фашисты решили одним ударом покончить с Витебским партизанским районом. С фронта отозваны отборные воинские части. За неделю кровопролитных боев немцам удалось окружить партизан с трех сторон и захватить их в клещи, готовые вот-вот сомкнуться. Начало завершающего этапа операции назначено на ближайшие дни. А вдруг фашисты задумали провокацию?

– Что привлекает – так это боеприпасы, – бросил реплику командир первого отряда Сысоев. – Тут каждый патрон на счету, дрожишь над каждым снарядом, а у них с собой целый обоз боеприпасов...

– А может, согласимся для виду принять их, выберем удобное место и... ликвидируем, – предложил кто-то. – Все равно предатели...

Но это предложение отвергли. Михаил Федорович Бирюлин подчеркнул, что легионеры, по имеющимся данным, в боях участия не принимали, а если им отказать в переходе к партизанам, у них не останется иного выхода, кроме как воевать на стороне немцев.

– Мы должны принять необходимые меры предосторожности, быть начеку, но мы не можем забывать и того, что удачный исход этой операции сразу изменит соотношение сил в нашу пользу.

Бирюлина поддержали и представители соседних бригад.

Пригласили парламентариев и договорились об условиях перехода. Первое и самое главное условие – перебить немецких офицеров, убрать предателей и уничтожить немецкие гарнизоны, расположенные в деревнях Сеньково, Гралево и Сувары. Второе – переходить к партизанам не всем сразу, а тремя группами, погарнизонно. И третье –

вывезти с собой все орудия, минометы, пулеметы и обоз с боеприпасами и сразу же после перехода сдать оружие.

Для большей безопасности батальон решили расформировать, а людей – распределить между партизанскими бригадами. Место для перехода выбрали на высоком западном берегу Двины, где удобно было замаскировать пулеметные расчеты, а переходящие, в случае провокации, оказались бы на открытом льду реки как на ладони.

Парламентеры приняли все условия. Совместно с ними штаб бригады тщательно разработал план операции. Начало вооруженного наступления батальона было назначено на полночь 22 февраля 1943 года. Сигнал к восстанию – взрыв немецкого штаба в Сенькове. После уничтожения немецкого гарнизона восставшие выпускают три сигнальные ракеты. Это будет означать: «Задание выполнено, к переходу готовы». Затем батальон движется к Двине. Выйдя на берег, восставшие подают сигнал карманным фонариком – сначала белый свет, потом красный и зеленый. Это будет означать: «Начинаем переход через реку. Встречайте».

Двух парламентаров партизаны оставили у себя в заложниках, двух других проводили обратно в Сеньково.

Комиссар первого партизанского отряда Исаак Георгиевич Григорьев раздвинул заснеженные лапы сосны и долго вглядывался в белесую мглу. Слегка вьюжило. Где-то за низкими неплотными тучами светила луна, и в ее зыбком свете еле угадывался противоположный берег. Григорьев с беспокойством посмотрел на часы. Уже пятнадцать минут первого. А со стороны Сенькова не доносится ни звука, не заметно никакого движения.

Подошел командир отряда Сысоев:

– Наши наблюдатели на подступах к Сенькову передают, что в назначенный час выступление не началось.

Григорьев молча кивнул.

– Ребята третий час лежат в снегу, замерзли, – продолжал Сысоев. – А завтра утром – в бой.

– Надо ждать, – коротко бросил Григорьев, не отрывая глаз от противоположного берега. Он явно не был расположен разговаривать.

– Я велел усилить наблюдение за тылом и флангами, выдвинул туда несколько пулеметов, – продолжал Сысоев. – Не нравится мне что-то эта задержка.

Не дождавшись ответа, он немного потоптался на месте и ушел.

Григорьев, на которого была возложена ответственность за проведение операции, перебирал всевозможные варианты. Неужели обманули? Григорьев вспомнил, как один из парламентаров по фамилии Фахрутдинов, невысокий, скуластый, черноволосый, с мягким акцентом говорил: «Наша Родина – здесь, наша мать – здесь, наше сердце – здесь, как мы можем быть с немцами?»

Нет, обмана быть не должно!

Вдруг со стороны Сенькова донеслись глухие взрывы.

Григорьев даже вздрогнул от неожиданности, хотя давно с нетерпением ждал этой минуты. Над деревней вспыхнуло зарево. Затрещали автоматные очереди. Подбежал связной:

– Началось, товарищ комиссар! Штаб в Сенькове взорван!

Перестрелка все усиливалась и скоро перешла в сплошной гул. Минут через десять-пятнадцать все стихло. Только на северной окраине деревни некоторое время еще раздавались одиночные хлопки. А затем в центре села в воздух взлетели три сигнальные ракеты.

Через полчаса на том берегу зашевелились тени, заморгал условный сигнал: белый, красный, зеленый. Григорьев начал спускаться по крутому откосу. Сысоев на минуту задержал его:

– Может, кого другого пошлем, Исаак? Все-таки комиссар у нас один...

– С парламентарями я вел переговоры. Они знают меня в лицо, а я – их. Не волнуйся, все будет в порядке.

На середине реки ветер задувал сильнее. Григорьев еще издали заметил идущую ему навстречу цепочку людей в серо-зеленых бушлатах, вооруженных автоматами. Ездовые осторожно спускали по крутому откосу упирающихся лошадей, запряженных в тяжело груженные сани. Другие на руках катили орудия по глубокому снегу. Когда до цепочки осталось несколько шагов, Григорьев узнал идущего первым Фахрутдинова. Шел он как-то странно – пошатываясь, припадая на одну ногу. Фахрутдинов тоже узнал Григорьева и, не доходя двух шагов, остановился:

– Товарищ комиссар партизанского отряда! Задание выполнено. Немецкий штаб в Сенькове взорван. Гарнизон уничтожен.

Он вдруг покачнулся и осел в снег. Григорьев кинулся к нему:

– Что с тобой?

– Я ранен, товарищ комиссар, – с трудом проговорил Фахрутдинов. – Принимайте людей... Все они... с чистым сердцем...

Встреча с партизанами произошла на берегу. По знаку Григорьева они вышли навстречу. Что тут началось! Объятия, слезы. Легионеры бросали оружие в стоявшие у берега сани, срывали с себя фашистские погоны, целовали мерзлую землю на откосе. Сам собой возник митинг. Григорьев, встав на пенек, поздравил бывших легионеров с успехом операции. Он сказал, что теперь они на своей земле – земле, которая не покорилась фашистам и никогда не покорится. Выступавшие легионеры клялись отомстить за муки и страдания, которые они перенесли в фашистском плену, за кровь товарищей, слезы матерей. Один из выступавших прочел какие-то стихи на татарском языке. Партизаны ничего не поняли, но им объяснили, что это хорошие, патриотические стихи. Их написал оказавшийся в плену известный татарский поэт.

Позднее командир бригады устроил Григорьеву разнос за этот стихийный митинг.

– А если бы немцы пошли вдогонку? Несколько залпов из миномета – и от вас осталось бы мокрое место. Надо знать, где митинговать и когда!

– Понимаете, Михаил Федорович, – оправдывался Григорьев, – у людей было такое настроение... Они ж действительно к нам с открытым сердцем... Если бы вы там были, тоже бы не удержались, сказали несколько слов... Ну а наблюдатели и пулеметные расчеты оставались на своих местах, так что случайностей быть не могло...

Для гостей в партизанской столовой устроили товарищеский ужин. Партизаны постарались на совесть. Спирту, правда, раздобыть не удалось, но зато на столе были наваристые щи, пахучие ломти ржаного домашнего хлеба, свежая баранина. В столовой светило электричество – в освобожденном от немцев районе работала своя электростанция. Гостям раздали небольшие, размером с тетрадный листок, номера только что вышедшей партизанской газеты «За Родину». Ее печатали в лесу, в походной типографии. По рукам пошли и свежие номера «Правды», доставленные самолетами. Гости с жадностью накинулись на газеты – сколько лет они их не читали!

А на рассвете, разбившись по отрядам, «гости» уже отбивали натиск карателей.

В ту же ночь перешла к партизанам и остальная часть батальона, расположенная в деревнях Сувары и Гралево...

Всего из фашистской неволи вырвалось более 800 человек, которые принесли с собой до тысячи винтовок, автоматов и пистолетов, двенадцать станковых и более ста ручных пулеметов, доставили несколько орудий и минометов, грузовую автомашину и 26 подвод с боеприпасами, амуницией и продовольствием.

Выяснилась и причина задержки с наступлением батальона.

После возвращения парламентарей подпольщики провели заседание. Распределили обязанности, наметили, кто оповещает подразделения, ликвидирует связь с Витебском, окружает и забрасывает гранатами штаб. Договорились, кого из немецких ставленников и предателей следует «убрать» до начала наступления. Но среди легионеров оказался

провокатор (предполагали, что это Худояров, личный шофер командира батальона). Когда до начала выступления оставалось несколько часов, немцы арестовали руководителей подпольной организации – военврача Григория Жукова (настоящая фамилия его, как выяснилось впоследствии, Григорий Волков), батальонного адъютанта Рашида Таджиева, начальника хозяйственной части батальона Рахимова и других.

Арестованных после короткого допроса отправили в тыл. После жестоких пыток всех их расстреляли на «Юрьевой горке» в Витебске.

Но гитлеровцы не учли, что сеть подпольной организации была достаточно разветвленной. После ареста руководителей инициативу взял в свои руки один из членов подпольного комитета Хусаин Мухаметов¹.

Арест руководителей подполья задержал начало наступления, но не смог предотвратить его. Патриоты начали восстание раньше, чем подоспели вызванные из Витебска немецкие части. На следующий день на улицах деревни подобрали 74 трупа немецких солдат и офицеров. Командиру батальона майору Цёку удалось уйти от возмездия. Его увез на машине предатель Худояров.

Если о переходе 825-го батальона удалось узнать немало, то о деятельности подпольной организации, особенно о ее связи с руководящим центром в Берлине и Вустрау, известны пока лишь скудные, отрывочные сведения.

– Татары много рассказывали мне о работе своей подпольной группы, – вспоминает Бирюлин. – Говорили, что они готовились к предстоящему восстанию еще в Едлино и сами просили, чтобы их направили на Восточный фронт. У них там дело поставлено было основательно. Среди пленных распространялись листовки с призывом повернуть оружие против фашистов. Лагерная самодеятельность устраивала вечера для военнопленных, где исполнялись народные песни, читались стихи. Причем делалось все так, чтобы не вызвать подозрений у немцев. Даже молитвы использовались для антигитлеровской пропаганды. Об этом мне рассказывал бывший мулла батальона, фамилии его я не помню. Он говорил, что руководство осуществлял какой-то поэт, назвал его имя. Но в то время имя это мне ни о чем не говорило. Лишь спустя несколько лет, когда в печати появилось имя Мусы Джалиля, я понял, что речь шла о нем.

Нина Федоровна Буйниченко (позднее она жила в одном из городов Прибалтики) также припоминает, что Григорий Жуков рассказывал ей о связи с берлинским подпольем и о поэте Мусе Джалиле, осуществлявшем общее руководство сетью подпольной организации.

Поиски в трофейных немецких архивах полностью подтвердили рассказы участников перехода. Удалось найти ряд донесений отдела один-це Волго-татарского легиона, свидетельствующих о подпольной антифашистской деятельности в батальоне. В одном из них говорится, что в ночь на 5 декабря 1942 года патрульные задержали «на месте преступления» 20 легионеров из первого батальона, расклеивавших написанные от руки листовки. Содержание листовок не приводится. Говорится только, что они имели «пробольшевистский характер» и были выпущены в честь Дня Советской Конституции.

В другом донесении упоминается о превентивных мерах, проведенных накануне отправки батальона на Восточный фронт: по доносу провокатора арестовали несколько «ненадежных легионеров», возможно, имевших какое-то отношение к подпольной организации. Дальнейшие события показали, что гитлеровцы явно недооценили патриотические настроения военнопленных и силу подпольной организации.

Переход батальона оказал заметное влияние на ход событий в лесах Витебщины. Вместе с татарским батальоном фашисты двинули против партизан и несколько соединений, сформированных из донских казаков, но после восстания в первом батальоне, испугавшись новых эксцессов, спешно отозвали их обратно.

Широко задуманная февральская кампания «по полному уничтожению витебских партизан» закончилась провалом. Потеряв на одном только участке бригады Бирюлина 880 убитых и свыше тысячи раненых, немцы вынуждены были уйти ни с чем.

Бывшие legionеры сражались бок о бок с белорусскими партизанами вплоть до подхода советских войск. Многие сложили головы в белорусских лесах. Немало раненых вывезли на самолетах на Большую землю. Оставшиеся в живых влились в состав регулярных частей Советской Армии, чтобы с оружием в руках гнать фашистов с родной земли.

1974

Р.Мустафин,
кандидат филологических наук,
лауреат республиканских
и государственных премий

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Самый малоизученный и даже загадочный период в биографии Мусы Джалиля – время, когда он был «на той стороне». Когда по заданию подпольной организации пошел на службу к немцам. Перед ним и другими членами подпольной группы стояла совершенно четкая цель – сорвать черные замыслы фашистов по созданию так называемых «национальных легионов», повернуть вложенное в руки legionеров оружие против самих фашистов.

Из донесения бывшего подпольщика Яна Габдуллина на имя ЦК ВКП(б), написанного еще в 1943 году, вскоре после перехода через линию фронта, мы знаем, что в лагерях для военнопленных существовала разветвленная сеть подпольных групп. Вначале подпольщики намеревались бойкотировать легионы, вели пропаганду против вступления в них. Но эта тактика не принесла успеха. Немцы ни у кого не спрашивали согласия, сгоняли в легионы насильно. Если кто-то не соглашался или каким-то образом выражал свой протест, без лишних разговоров выводили за пределы лагеря и расстреливали.

Кроме того, многие шли в легионы не из идейных соображений, а просто чтобы выжить, ибо в лагерях для военнопленных люди ежедневно гибли сотнями и тысячами от голода и болезней. Вот почему подпольщики приняли решение самим идти в легионы, чтобы развернуть там агитацию против немцев и «взорвать легионы изнутри», как говорилось в донесении Яна Габдуллина.

О том, что же происходило потом, мы до сих пор знали очень мало и отрывочно. А это, в свою очередь, послужило почвой для всевозможных грязных слухов и домыслов. Теперь, когда открылись ранее совершенно недоступные архивы КГБ, появилась возможность ознакомиться с делами бывших legionеров, тех, кто был рядом с Джалилем или как-то общался с ним. Судьба этих свидетелей сложилась трагически. Большинство из них погибло в сталинских лагерях и тюремных застенках. Но их показания остались в пыльных папках с грифом «совершенно секретно».

Конечно, каждый из них знал немного. Но из этих отрывочных сведений, как из кусочков мозаики, складывается общая картина.

Фильтрационный лагерь Вустрау

По воспоминаниям бывших военнопленных Р.Хисамутдинова, Ф.Султанбекова, Г.Фахрутдинова и других мы знаем, что вплоть до конца 1942 года Муса Джалиль томился в лагере для военнопленных в польской крепости Демблин. Голодал, как и все, мучился от ран и фурункулеза, спал на каменном полу неотапливаемого каземата, потом он вдруг, неожиданно для товарищей, исчез из лагеря.

О том, как же это случилось, стало известно из показаний бывшего legionера А.Зайнутдинова, допрошенного еще в 1945 году. Он был освобожден из лагеря Демблин несколько раньше, т.к. выразил согласие служить в татарском легионе. По его словам, перед ним стояла дилемма: либо смерть от голода, либо служба в легионе. Он выбрал жизнь.

Судя по всему, А.Зайнутдинов пользовался некоторым доверием у руководства лагеря. В начале января 1943 года немецкий офицер приказал ему отвезти военнопленного Мусу Гумерова в лагерь Едлино в той же оккупированной Польше. Именно здесь формировались первые части татарского легиона. Ехали в вагоне в сопровождении немецкого охранника, в пути разговорились, и «учитель Гумеров» не скрыл от своего сопровождающего, что он – татарский поэт Муса Джалиль. Впрочем, немцы уже знали об этом, но считали, что «Джалиль» – псевдоним. Почему отобрали именно М.Джалиля? Судя по воспоминаниям других участников войны, в конце 1942 года по лагерям для советских военнопленных ездила группа татарских эмигрантов во главе с Шафи Алмасом. Они отбирали более образованных людей для работы в Татарском комитете. Видимо, они-то и выбрали Джалиля.

В Едлино М.Джалиль провел всего один день. На следующее утро его по этапу отправили в Германию, в особый лагерь Вустрау.

Киям Гилязиев, бывший заместитель главного редактора газеты «Идель-Урал», органа татарского легиона, на вопрос следователя, когда и как он впервые узнал о Джалиле, ответил так:

– Примерно в самом конце 1942 или начале 1943 годов, точно не помню, в период работы в только что созданной газете «Идель-Урал», я услышал, что в лагере Вустрау под Берлином содержится какой-то татарский писатель по фамилии то ли Гумеров, то ли Умеров. Так как газета испытывала острый недостаток в кадрах, я проявил интерес к этому сообщению. Встретил в Берлине начальника свободного лагеря Вустрау Масхуда Нафикова и спросил его об этом. Он ответил, что у них такого нет. Но в закрытом лагере есть какой-то писатель, автор оперы «Алтынчеч». Вот тогда-то я и понял, что это Муса Джалиль.

Более подробно рассказывает об этом бывший военнопленный Шигаб Нигмати (Шигабутдин Нигматуллин). После войны он не вернулся на родину, остался в Западной Германии. Во избежание насильственной депортации сменил имя и фамилию и назвался турецким подданным Акзамом Юсуф оглы. Он также прошел через фильтрационный лагерь Вустрау и в сентябре 1942 года получил гражданский паспорт с пометкой «вне подданства». После этого его поставили руководителем татарской группы в том же лагере.

В сентябре 1990 года Ш.Нигмати написал подробные воспоминания о своих встречах с Мусой Джалилем и переслал их в Казань. При всем настороженном отношении к этому человеку в его воспоминаниях есть любопытные моменты, проливающие свет на судьбу Джалиля.

«Кажется, в январе 1943 года начальник бюро «закрытого» лагеря сообщил мне, что прибыл еще один татарин. На вопрос «Почему его не привели сюда?» начальник ответил, что его поместили вместе с другими вновь прибывшими. В комнате находились трое: русский полковник, чуваш в звании капитана и некий Гумеров. Немного посидев с ними, я повел Гумерова в татарский барак. Едва я познакомил ребят с новичком, как Рахим Саттаров вскочил с кровати и, воскликнув: «Муса!», обнялся и поцеловался с Гумеровым. Муса сначала не узнал его, но потом вспомнил.

Ребята угостили Мусу тем, что у них было. Весь вечер прошел за разговорами о событиях и жизни в плену. На другой день Муса снова пришел к нам. Саттар не преминул подчеркнуть, что пишет стихи. Более того, и на меня указал, говоря: «Он тоже поэт». В ответ я сказал, что по роду занятий я вовсе не поэт, а так, любитель, на что Саттар резонно заметил: «Ну и хорошо, что так, ведь тебя все равно не посчитают поэтом, если не

назовешь нашу дрянную жизнь цветущей и не похвалишь партию и Сталина...» Писать правду было самоубийственно, ее бы нигде не опубликовали.

После этой тирады Саттар перевел взгляд на Мусу и взволнованно продолжил: «Погубили же классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова, расправились же с таким талантом и правдолюбом, как Хасан Туфан! Дважды меняли наш алфавит, нанеся тем самым непоправимый урон литературе, но и на этом не остановились, преследовали, травили, уничтожали писателей, разрушали нашу культуру. А вы, татарские активисты, служили орудием этого преступления...»

Остальные поддержали Саттара: «Да, мы знаем, чьих рук это дело. Вы, подручные, стали оружием режима».

Муса растерялся, не зная что сказать, и потом, оправдываясь, проронил: «Я тут ни при чем, я приехал в Казань после смерти Галимджана Ибрагимова».

Саттар спросил в лоб: «Почему ты говоришь «после смерти», а не «после того, как его убили?»

Муса ответил: «Но он же болел, я думаю, он умер от болезни в тюрьме, больше ничего не знаю».

Саттар посмотрел ему в глаза: «Ты ведь знаешь, в чем его обвиняли... Хотя ты и жил в Москве, но был хорошо знаком с жизнью татарской писательской организации, тебя ведь в председатели Союза писателей Татарии не татары выбирали, а Москва назначила».

Муса проронил: «Я знаю лишь, что Галимджана Ибрагимова обвинили в буржуазном национализме, и это правда».

После обеда по просьбе Мусы я повел его в деревню. Зашли в сельское кафе. И тут Муса сказал: «Знаешь, я хочу тебе сказать, что Саттар кое в чем прав».

– Почему же ты это ему самому не сказал? – удивился я.

– Там... разные люди были. Да и Саттару я не совсем доверяю – слишком горячий», – сказал Муса.

Трудно ручаться за то, насколько точно передает Ш.Нигмати слова Мусы. Но во всяком случае его воспоминания показывают, в каком двусмысленном положении оказался Муса. Перейдя на сторону фашистов, Ш.Нигмати мог сколько душе угодно рассуждать о «благе татарской нации» и «происках большевиков».

А вот Джалилю было чего опасаться. Он вынужден был скрывать свои мысли. И это была не трусость, а элементарная осторожность. Хотя в словах Р.Саттара была немалая доля истины, М.Джалиль не мог раскрыть себя. Лишь позднее, уже без участия Ш.Нигмати, он разговорился с Р.Саттаром по душам, вовлек его в подпольную организацию и позднее направил через линию фронта, чтобы сообщить советскому командованию о патриотической группе в тылу врага. Правда, миссия эта не удалась.

Воспоминания Ш.Нигмати подтверждаются и показаниями ряда других военнопленных. Так, бывший военнопленный П.Г.Тохтамиров отметил в своих показаниях, что Гумеров-Джалиль провел в закрытом лагере Вустрау на положении обычного военнопленного около месяца (по другим свидетельствам – значительно меньше), после чего его перевели в открытый лагерь, расположенный рядом. Там уже не было ни колючей проволоки, ни сторожевых вышек, ни охраны. Здесь, по его словам, Муса провел еще около двух недель, до середины февраля.

Во время поездки в Германию в 1967 году я побывал на месте этого лагеря. Там уже ничего не осталось со времен войны.

Обычный немецкий пейзаж: ельники, березняки, возделанные поля, крепкие островерхие дома бауэров под красной черепичной крышей.

Другой бывший военнопленный Кави Ишмури (Ишмуров) также содержался вместе с поэтом сначала в закрытом, а затем в открытом лагере Вустрау. Потом им выдали соответствующие бумаги, и они переехали в Берлин, где около двух недель прожили вместе в одной из комнат барака для перемещенных лиц.

По словам К.Ишмури, зафиксированным в протоколе допроса, М.Джалиль в Татарском комитете никакой официальной должности не занимал. Ему поручили вести культурно-просветительскую работу среди пленных. И он в основном ездил по лагерям, организуя выступления коллективов солдатской художественной самодеятельности.

Татарский комитет

Татарский комитет располагался в Берлине на третьем этаже многоэтажного дома по улице Ноенбургштрассе, 14. Здесь же находилась и редакция газеты «Идель-Урал».

Основу руководства Татарского комитета составили татарские эмигранты, жившие в Берлине: Шафи Алмас, Ахмет Темир, Искандер Яушев, Хаерниса Фукс, Галимджан Идриси со своей молодой женой Шамсией и др. От немцев комитет курировал адвокат Генрих Унгля-убе. Позднее в комитет включили и бывших военнопленных Г.Султана, М.Бахтикова, А.Фаткуллина, Г.Давлетшина и др. М.Джалиля в списке членов комитета не было. Видимо, эмигранты не очень-то ему доверяли. Перебежчики громко именовали этот орган «Комитет Идель-Урал» в тайной надежде, что его члены составят основу правительства будущего «независимого» государства «Идель-Урал». Немцы же в официальных документах называли его весьма неопределенно «Татарише Миттельштелле», т.е. «Татарское посредничество».

В президенты будущего татарского государства метил сам руководитель комитета Шафи Алмас. Однако другие члены комитета, видя его малограмотность и раболепие перед немцами, хотели поставить во главе комитета и будущего «правительства» писателя-эмигранта Гаяза Исхаки. Есть свидетельство, что группа работников комитета обратилась в Министерство оккупированных восточных территорий с просьбой пригласить из Турции и поставить на эту должность Г.Исхаки. Но получила отказ. Немцев бездарный, но послушный Ш.Алмас вполне устраивал. Гаяз же Исхаки мог повести себя непредсказуемо.

Судя по дошедшим до нас трофейным документам, немецкое командование действительно планировало после «победы немецкого оружия» использовать членов комитета в своих целях. Тех, кто доказал свою преданность «третьему рейху», рассчитывали привлечь для работы в рейхскомиссариатах, созданных на оккупированной территории Татарстана. Но при этом, как признавался позднее один из идеологов фашистской доктрины Райнер Ольцша, немецкое руководство старалось избегать каких-либо конкретных обещаний. Более того, тот же Р.Ольцша пишет, что «никаких суверенных государств на территории бывшего СССР не планировалось». Это соответствовало и прямым указаниям Гитлера. Только рейхскомиссариаты, полностью подчиненные немецкому командованию. Для одного из таких комиссариатов в области между Доном и Волгой и готовились кадры Татарского комитета.

Но главной целью фашистского командования было даже не это. По словам Р.Ольцши, перед Татарским комитетом ставились три основные задачи:

1. Содействие в формировании боевых частей татарского легиона. Другими словами, немцам нужно было пушечное мясо. Вот почему комитет и легионы находились под эгидой вермахта.

2. Для пропагандистских целей. С одной стороны, вбить клин между народами СССР, с другой – использовать комитеты для «дымовой завесы» в международно-дипломатическом плане.

Министерство оккупированных восточных территорий во главе с А.Розенбергом разработало платформу так называемой «восточной политики», суть которой заключалась в том, чтобы склонить страны Ближнего Востока, прежде всего Турцию, на свою сторону и втянуть их в войну против СССР. Однако Р.Ольцша признавался: «Для каждого здравомыслящего человека было ясно: восточная политика имела смысл только при

несомненном превосходстве немецкого оружия». В этом плане комитеты получали указания из Министерства пропаганды, непосредственно же руководило ими Министерство оккупированных территорий А.Розенберга.

3. И наконец, комитет и легионы использовались также в разведывательных целях. Опираясь на базу легионов, германская разведка вербовала перебежчиков для шпионской работы. Существовало несколько разведывательных школ, выпускников которых использовали для заброски на территорию СССР. Прежде всего для совершения диверсий. Например, с их помощью планировалось взорвать пороховой завод в Казани.

Вот в этот-то гадюшник и попал Муса после приезда в Берлин.

Бывший военнопленный Ягофаров рассказал в своих показаниях, что поэт был очень худ и истощен, гражданский костюм висел на нем как на вешалке. Жаловался на здоровье, говорил, что плохо себя чувствует. Об этом же рассказал и упоминавшийся выше Киям Гилязиев. По его словам, он жил в это время в одной из комнат большого шестиэтажного дома Шафи Алмаса по улице Хафельштрассе, 2. Однажды в комитете он встретил Мусу, и поэт попросил разрешения жить с ним в одной комнате, т.к. в бараке было не совсем удобно. Вместе они прожили всего три-четыре дня, после чего Джалилю, учитывая состояние его здоровья, дали путевку на две недели в пансионат легиона на берегу Балтийского моря (остров Узидом).

По словам К.Гилязиева, Муса был очень худ, бледен. Настроен пессимистически. Загадочно заявлял: «Если меня направят в легион, я там сумею развернуть работу». А еще он рассказывал соседу по комнате, что вынашивает либретто оперы «Сююмбике», спрашивал, нет ли здесь, в Берлине, нужных исторических материалов для этой работы.

Несколько слов о пансионате. Легионеры по своему правовому статусу были приравнены к солдатам вермахта. Правда, кормили и снабжали их по последней категории (суп из бурачных, т.е. свекольных, листьев, эрзац-кофе, галеты, пластиночка мармелада). Но по сравнению с лагерями это был, конечно, рай. В том числе им, как солдатам вермахта, полагался двухнедельный отпуск. Так как домой они попасть не могли, командование легиона сняло для них небольшие гостиницы на 20–30 мест, где они могли более или менее сносно питаться и отдыхать. Таких пансионатов у татарского легиона, судя по воспоминаниям, было три. Один на острове Узидом в 50 км северо-западнее города Штеттин. Другой в местечке Даргебель-Анклам. И третий в 12 км от Дрездена.

Судя по всему, Джалиль отдыхал в первом из них. Вместе с ним, как рассказывает легионер Ягофаров, отдыхал и его земляк Фуат Булатов. Они жили в одной комнате и о чем-то подолгу шептались по вечерам.

На сегодня достоверно известно из архивных материалов, что в ночь на 23 февраля 1943 года под Витебском на сторону белорусских партизан перешел 825-й батальон – первое соединение татарского легиона, посланное на Восточный фронт. В первых изданиях своей книги о поэте я высказывал предположение, что восстание батальона произошло благодаря патриотической работе Мусы Джалиля. Но вновь обнаруженные свидетельства показывают, что Джалиль не имел, да и не мог иметь к этому событию прямого отношения. В это время он находился либо в лагере Вустрау, либо в берлинском бараке для перемещенных.

Однако нет никакого сомнения в том, что переход легионеров на сторону партизан – дело рук подпольной организации, существовавшей в легионе еще до приезда Джалиля. Возможно, сам этот переход и послужил дополнительным толчком, подтолкнувшим Джалиля согласиться для вида сотрудничать с немцами. Уточняется и количество перешедших к партизанам. Если раньше мы полагали, что перешел весь первый батальон в составе около 900 человек, то по вновь обнаруженным немецким донесениям выясняется, что перейти удалось более 500 человек. Остальных разоружили и вернули обратно. Как бы там ни было, это событие стало серьезным отрезвляющим уроком для гитлеровцев. Полагают, что об этом доложили самому фюреру.

В Берлине

Упомянувшийся выше Ягофаров (ему довелось выжить в бериевских лагерях) рассказывает, что вскоре после возвращения поэта из пансионата (видимо, это произошло в середине марта 1943 года) прошел слух, будто Джалиля на родине считают предателем. Якобы недавно попал в плен один офицер из Казани, он и рассказал об этом. Ягофаров не исключает того, что слух пустили немцы, чтобы крепче привязать поэта к своей колеснице. Такого рода провокации устраивались ими довольно часто. Но как бы там ни было, Муса переживал это сообщение очень тяжело.

По словам Ягофарова, поэт ему доверял и инструктировал так: «Татарский комитет надо превратить в балаган, а его раиса Шафи Алмаса и ему подобных сделать клоунами. Все мы, мол, с высшим образованием. Неужели не перехитрим этого полуграмотного спекулянта?»

Поскольку Джалилю надо было показать какую-то работу, он написал для газеты «Идель-Урал» несколько статей. К.Ишмуров припоминает две из них: о Татарском оперном театре и о татарском фольклоре. В протоколе допроса зафиксированы его слова: «Ничего антисоветского в них не было».

Бывший военнопленный Скобелев добавляет, что лично переводил эти статьи с татарского на русский для журнала «Корреспонденция», который издавался в Берлине с марта-апреля 1943 года на татарском, русском и немецком языках. С русского на немецкий, по его словам, переводила секретарь журнала. Позднее он перевел на русский статьи Джалиля о Габдулле Тукае, Назибе Жиганове и о развитии татарской литературы и искусства. Статьи эти, по его признанию, также носили общепросветительский характер.

С 28 марта по 15 апреля того же 1943 года Муса Джалиль совершил свою первую поездку по лагерям для военнопленных. Столь точная дата известна благодаря сохранившемуся немецкому отчету об этой поездке. Группа работников Татарского комитета отбирала среди татарских военнопленных кадры для службы в легионе и работы в комитете. Сам же поэт подбирал «артистов» для создаваемой в легионе хоровой капеллы. Именно тут впоследствии сплотилось основное ядро подпольной организации.

Впрочем, вечера художественной самодеятельности устраивались и в доме Шафи Алмаса, где одно время жил Джалиль. Певец Афзал Фаткуллин пел протяжные народные песни, вышибая слезу у слушателей. А на стене большого зала висела раскрашенная карта будущего государства «Идель-Урал».

В мае 1943 года Джалиль с группой сопровождающих совершил свою вторую поездку по лагерям. Посетил, в частности, лагерь Едлино в Польше. Здесь с ним встретился его давний знакомый А.Зайнутдинов. Рассказать он смог немного, ибо поэт не открыл ему своих планов. Запомнилось ему только то, что Джалиль обедал не в офицерской столовой, как ему было положено по статусу, а с рядовыми легионерами. Узнал Зайнутдинова, подсел к нему за столик. Сказал, что терпеть не может немецкого мармелада, и сменял свою порцию мармелада на кусочек сливочного масла.

Еще раз Джалиль приехал в Едлино в самом конце июля того же года для подготовки к празднованию годовщины легиона. Впрочем, это был лишь формальный повод. Подпольщики планировали поднять в легионе восстание и с боями пробиваться к своим. Арест подпольщиков сорвал эти планы.

Утерянные стихи

Совсем недавно до нас дошли воспоминания еще одного перебежчика – Анвара Айдагулова (он же А.Галим, Хамиди, Р.Карими). После войны он остался в Германии, потом переехал в США, где и скончался в 1988 году. После него остались подробные, на сто с лишним машинописных страниц воспоминания о годах плена.

В отличие от многих, А.Айдагулов добровольно перешел на службу к немцам. Его привезли в Берлин, включили в состав Татарского комитета и сделали заместителем Шафи Алмаса. Одновременно он работал редактором журнала «Татар Һдҗбияты» («Татарская литература»), издававшегося в Берлине на татарском языке.

По свидетельству А.Айдагулова, М.Джалиль бывал у него в редакции и принес для публикации большую подборку из 13 стихотворений. В воспоминаниях приводятся и названия некоторых из них («Матурлык» – «Красота», «Мактанчык» – «Хвастун», «Могкиза» – «Приключение» и др.). Судя по всему, эти стихи не дошли до нас. В журнале «Татар Һдҗбияты» они тоже не публиковались, т.к. вскоре Джалиль был арестован.

По словам А.Айдагулова, Муса пытался склонить его на свою сторону. Заводил разговор о том, что всем им придется держать ответ перед НКВД. Даже, мол, если их арестуют немцы, лучше уж встретить приход советских войск в тюрьме. А иначе им не будет никакого прощенья. А.Айдагулов же счел эти планы чистым безумием и решительно отказался.

Уезжая в конце июля в Польшу, Джалиль оставил А.Айдагулову записку, где прощался с ним и писал, что им, вероятно, не удастся больше свидеться. Значит, Муса предчувствовал, что дело может обернуться крахом. А незадолго до этого поэт рассказал ему свой сон. Ему приснилось, будто его в Берлине разыскала жена Амина, посланная сюда органами НКВД, чтобы убить его. Протянула ему пузырек с ядом и сказала: «Пей! Пей скорее, пока нас не забрали. Половину оставь мне, я тоже умру с тобой...» Муса, по его словам, проснулся в холодном поту и долго не мог успокоиться.

А в десятых числах августа 1943 года прошел слух, что Мусу Джалиля и других подпольщиков арестовали в Едлино.

После ареста

В начале восьмидесятых годов XX века во время поездки в Германию я встречался с переводчиком легиона Фридрихом Биддером. Он присутствовал на первых допросах арестованных. По его словам, допросы проводились сначала в Едлино, потом в варшавской тюрьме «Павиак». Несколько раз его возили и в Берлин, в тюрьму для политзаключенных у вокзала Лертербанхов.

По словам Ф.Биддера, все подпольщики держались мужественно, порою даже дерзко. На вопрос, что же заставило их включиться в подрывную работу, смело отвечали: «Мы всегда были коммунистами, коммунистами и умрем». По свидетельству Ф.Биддера, всех арестованных обвиняли в коммунистической пропаганде. С этой целью они использовали вечера художественной самодеятельности. Печатали и распространяли среди легионеров листовки. Именно эти листовки и помогли отделу один-це выйти на след подпольщиков.

Лично М.Джалиля Ф.Биддер уже не помнил. Помнил только, что аресты прошли не только в легионе, но и в Берлине, в Татарском комитете и на радиостанции «Винета».

Судя по показаниям М.Ямалутдинова, всего немцы арестовали около 80 человек. Многих вскоре выпустили за недостатком улик, в том числе и его. Часть сразу отправили в концлагерь, а главных зачинщиков отдали под суд.

По словам К.Ишмури, член Татарского комитета, заместитель главного редактора газеты «Идель-Урал» Абдулла Ишмаев ходил на прием к Шафи Алмасу и хлопотал о смягчении наказания М.Джалилю и др. Ш.Алмас ответил ему примерно так. Это связано, мол, с гестапо, а ему не хочется иметь с ними дело. Мол, Джалиль сам виноват во всем – занялся ненужным и опасным делом. Пусть, мол, его участь послужит уроком для других. Иного ответа от этого прислужника гитлеровцев трудно было ожидать.

Фашисты убили поэта и его товарищей. Но они не смогли убить песню. Как писал Джалиль в своих «Моабитских тетрадах»:

Как увядший цветок, в забыты

*Я под снежной засну пленюю.
Но последние песни мои
Расцветут в вашем сердце весной.
1974*

М.Гареев,
доктор военных наук,
генерал армии

А.Ахтамзян,
доктор исторических наук,
профессор

ЭПИЗОД БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

60 лет тому назад, когда весь мир находился под впечатлением от разгрома германского вермахта в Сталинградском котле, на территории Белоруссии произошло событие, которое получило отражение в документах партизанского движения, а позже получило высокую оценку командования партизанских соединений в лице П.К.Понамаренко. Однако это событие малоизвестно широкому кругу соотечественников до сего дня. На фоне истории Великой Отечественной войны это событие можно считать эпизодом. Однако этот эпизод выходил за рамки боев местного значения: на сторону партизан, окруженных крупной группировкой германских войск в районе Витебска, перешел 825-й батальон Волго-татарского легиона, сформированного нацистами из пленных для борьбы против партизан. Документы из так называемого «особого архива» в Москве и из архива партизанского движения в Белоруссии позволяют выяснить обстоятельства и значение этого события войны против фашизма.

После сокрушительного поражения под Москвой зимой 1941 г. германское командование пошло на то, чтобы использовать попавших в плен советских солдат не только для вспомогательных (главным образом земляных) работ на фронте, но и для формирования вооруженных подразделений. Для этой цели они, прежде всего, отделили пленных инородцев от русских, причем «армию» Власова отдали в распоряжение командования «СС», а национальные формирования – в распоряжение Министерства по делам оккупированных областей и под командование вермахта. Осенью 1942 г., когда развернулось германское наступление на Сталинград, началось формирование так называемого Волго-татарского легиона. Формирование легиона происходило на территории оккупированной немцами территории Польши, в районе местечка Едлино близ Радома. Формированием национального легиона здесь занимался майор, а затем подполковник фон Зеккендорф. Одним из первых был подготовлен к отправке в район боевых действий батальон под номером 825.

Документы германского военного архива свидетельствуют о том, что начало формирования Волго-татарского легиона относится к лету 1942 г. В распоряжении германского командования от 1 июля впервые упоминается это название, а в приказе начальника штаба Кейтеля от 1 августа было предписано формировать легион из татар, башкир, мордвы, чувашей и мари, понимающих по-татарски. Формирование легиона в лагере Едлино под Радомом началось 21 августа 1942 г. Первоначально сборным пунктом для пленных татар было местечко Седльце «А», недалеко от Едлино. Уже в июле там было собрано 2550 человек. К 6 сентября формирование легиона стало фактом: в этот день легиону вручили «знамя». Другим сборным пунктом служил «шталаг» 307 в Демблине, где на 1 сентября 1942 г. находилось 1800 татарских пленных. Германское командование планировало провести обучение и «перевоспитание» татарских легионеров

в период с 1 октября 1942 г. до 1 января 1943 г., чтобы направить легион на борьбу против партизан в оккупированных областях.

Командование легионом было возложено на майора Оскара Зеккендорфа, родившегося в 1875 г. в Москве и потому свободно говорившего по-русски. Престарелый 67-летний майор оставался на службе, очевидно, как ценный кадр спецслужб. За время командования легионом он дослужился до звания подполковника и в мае 1944 г. сдал дела своему преемнику. Деятельность фон Зеккендорфа едва ли можно назвать успешной с точки зрения выполнения задачи, которая ставилась перед ним. Майор фон Зеккендорф подал в январе 1943 г. командованию записку относительно проблем формирования национальных легионов. Главной проблемой при формировании легионов была, конечно, идеологическая ориентация, а кроме того «языковой барьер» и отсутствие командных кадров. Майор предложил отдать предпочтение попавшим в плен командирам Советской Армии, но тогда возникала иная проблема: нежелательное влияние авторитета командира на поведение рядовых. Готовых к сотрудничеству командиров было не так много, да и те вызывали подозрение у германских властей. Как показал опыт, они были склонны воспитывать рядовых в духе верности присяге, Родине.

По замыслу германского командования первые батальоны Волго-татарского легиона должны были сформироваться по определенному графику: 825-й батальон к 1 декабря 1942 г., 826-й батальон к 15 декабря 1942 г. (фактически к 15 января 1943 г.), 327-й батальон к 1 января 1943 г. (фактически к 10 февраля 1943 г.). В этой последовательности планировали и введение батальонов в действие. К февралю 1943 г., когда стали ясны масштабы сталинградской катастрофы вермахта, германское командование решило взять реванш на других направлениях, в частности возник план ликвидации партизанских бригад в Белоруссии. Германское командование утвердило план под кодовым названием «Шаровая молния» («Кугельблиц»), который предусматривал силами 4 полков 201 дивизии под командованием генерал-майора Якоби и генерал-майора фон Вартенбурга в срок с 22 февраля по 8 марта уничтожить окруженные в районе Витебска партизанские отряды. Именно здесь решено было бросить в бой и 825-й батальон татарского легиона.

Как следует из немецких документов, еще в декабре 1942 г. германские власти выявили и отправили на каторжные работы подпольную группу в легионе, которая вела подрывную работу против нацистов, т.е. имелись основания сомневаться в благонадежности батальона. Однако 13 февраля 1943 г. через 10 дней после сталинградского эпилога, батальон получил приказ на погрузку в железнодорожный состав для выезда на фронт. 18 февраля эшелон доставил примерно 1000 человек живой силы с вооружением в г. Витебск. От станции в г. Витебске батальон направился строем по суражскому шоссе до деревни Гралево, в 12 километрах от города. Здесь батальон сменил казачью часть, которая под командованием германских офицеров действовала против партизан.

Известно, что партизаны в Белоруссии вели борьбу против оккупантов в тяжелых условиях. Действия партизан имели существенное значение в период битвы за Москву. Партизанские отряды вели самоотверженную войну «на рельсах» и на других коммуникациях, препятствуя доставке военных грузов вермахту: техники и боеприпасов. Зимой 1943 г. партизанские бригады в Белоруссии оказались в сложной ситуации. В особенно трудном положении оказались бригады так называемого «Суражского куста», действовавшие в районе Витебск–Сураж–Городок. В совершенно секретном отчете о борьбе партизанских отрядов против немецких оккупантов ситуация в феврале 1943 г. кратко отражена в нескольких строках: «6000 партизан были окружены в этом районе (ок. г. Витебска) отрядами противника общей численностью до 28 000 человек, имевших артиллерию, танки и авиацию». (Итоги борьбы партизанских отрядов Белоруссии с немецкими захватчиками в 1943 году. Т. II. 1944. С. 265–266.)

1-я Витебская партизанская бригада под командованием Михаила Федоровича Бирюлина насчитывала всего примерно 500 человек. Комиссаром бригады был Владимир Андреевич Хабаров, начальником штаба – Лев Павлович Корнеев.

Уже через три дня после прибытия татарского батальона на место в штабе партизанской бригады отметили, что в помощь германской дивизии, проводящей карательную операцию против партизан в районе Витебска, прибыло пополнение – батальон легиона «Идель-Урал», сформированный в местечке Едлино в Польше из пленных татар, башкир и чувашей, что штаб батальона состоит из немецких офицеров. Такая информированность не была случайной. Партизанские связные доставили эти сведения, что называется, из первых рук. Дело в том, что руководители подпольной группы в татарском батальоне сразу по прибытии на место стали искать связи с командованием партизанского отряда. Подразделения 825-го батальона были размещены в деревнях Сеньково, а также Гралево и ...Сувары! Партизанские связные сообщили немедленно в штаб бригады, что новые «постояльцы» ведут себя миролюбиво, ищут контакта с партизанами.

Связная Нина Буйниченко сообщила командованию, что к ней в дом заходил военврач по фамилии Жуков¹ и расспрашивал о том, как и кто мог бы помочь в установлении связи с партизанами. По совету командира отряда Сысоева она предложила направить к партизанам четырех парламентариев для переговоров с партизанами. Проводником стал житель деревни Сеньково Степан Михальченко. Партизаны, разумеется, приняли меры предосторожности. Парламентарии, в числе которых был человек по фамилии Фахрутдинов, заявили сразу, что действуют от имени и по заданию подпольной организации, созданной еще на месте формирования батальона в Едлино.

На совещании в штабе бригады взвешивали различные варианты перехода, понимая, что операция сама по себе весьма рискованная. В итоге было принято решение согласиться на переход, но при выполнении некоторых условий. Во-первых, потребовали, чтобы батальон перед переходом уничтожил не только немецких офицеров, но и немецкий гарнизон в деревнях Сеньково, Гралево и Сувары. Во-вторых, переход начать, разделившись на три группы (погарнизонно) и в определенной последовательности. В-третьих, сложить оружие после перехода и сдать боеприпасы. Парламентарии заявили, что принимают эти условия, и отправились в расположение, оставив в заложниках двух человек. Как удалось выяснить из документов теперь, это были Лутфулин и Трубкин. Сигналом к началу перехода должен был стать взрыв штаба батальона и пуск трех сигнальных ракет. Начало перехода назначено на 24.00 (22 февраля). Место перехода было также выбрано партизанами: по льду через р. Двину напротив свалки завода «Руба». Операция по переходу татарского батальона на сторону партизан была проведена по согласованному плану, правда, с некоторым отклонением по времени. Дело в том, что перед самым намеченным моментом, возможно, по доносу, были схвачены немцами руководители подпольной группы Рашид Таджиев, Григорий Жуков и Рахимов. Со слов участников перехода известно, что арестованных немедленно отправили в Витебск и там расстреляли на так называемой «Юрьевой горке». Командир батальона германский майор по фамилии Цёк (батальон был подчинен штабу 2281-й дивизии вермахта), будучи предупрежден кем-то, возможно, водителем его автомашины (Худояровым), успел скрыться еще до взрыва штаба.

Как только стало известно об аресте руководителей подпольной группы, командование переходом взял на себя командир штабной роты Хусаин Мухамедов. Он немедленно отдал приказ командиру взвода Гари Галееву уничтожить штаб батальона, состоявший из немецких офицеров. Одновременно Х.Мухамедов отдал приказ ротам немедленно, в 22 часа, начать переход к своим. Приказ был получен в ротах своевременно, за исключением двух взводов второй роты, которые не получили приказ из-за отсутствия связи. Подразделения начали организованный переход по согласованному плану.

В первой группе перешедших к своим в ночь с 22 на 23 февраля, согласно боевому донесению, было 506 человек, из которых в бригаду Бирюлина приняли 150 человек, в бригаду Захарова – 356 человек. Оружие и боевые припасы существенно пополнили запас партизанских бригад: 430 автоматов, 22 ручных и 6 станковых пулеметов, пистолетов 76 единиц, 4 миномета и 3 пушки 45-мм, и 26 лошадей (26 подвод с боеприпасами). В общей сложности (хотя в разных документах содержатся несколько различающиеся цифры) на сторону партизан перешло более 900 человек (930–950), имея вооружение: до тысячи единиц стрелкового оружия, в т.ч. до 100 ручных и 12 станковых пулеметов. В некоторых документах упоминается и одна трофейная автомашина.

В отчете командования партизанских бригад четко записано в свое время: «Уничтожив немецкое командование, 23.02.43 г. в 14.00 весь батальон перешел на сторону партизан в составе 930 человек, имевших на вооружении: 3 пушки 40-мм, 100 ручных и 1 станковый пулемет, 550 винтовок, комплекты боеприпасов и в полном составе батальонный обоз. Перешедшие на сторону партизан были распределены между бригадами Захарова и Бирюлина. Впоследствии солдаты этого батальона участвовали в боях по прорыву вражеской блокады, где проявили мужество и героизм в борьбе с немецкими захватчиками».

Судя по всему, перешедший к партизанам батальон был разбит на несколько групп, которые были включены в различные бригады. Многие из них уже 28 февраля приняли участие в боях против германских войск и погибли. Имена погибших следует найти в документах партизанских бригад.

Первым (и долгое время единственным, отразившим это событие) документом оставалось «Сообщение ответственного Витебского обкома КП(б)Б К.И.Шемялиса секретарю Витебского обкома КП(б)Б И.А.Стулову о переходе на сторону партизан 825-го батальона волго-татарских легионеров 23 февраля 1943 года», опубликованный в 70-х годах в Минске в сборнике документов под названием «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (Т. II. Кн. 1 (ноябрь 1942 – июнь 1943 гг.). Минск, 1973. С. 230–231). В этом документе, составленном, очевидно, со слов участников перехода, дана первая объективная картина этого события, которая определила все последующие выводы и суждения, в том числе в органах НКВД.

В документе отмечен, прежде всего, тот факт, что 825-й батальон был одним из подразделений национального легиона, который нацисты формировали в местечке Едлино близ г. Радом в Польше. Там легионеры, набранные из военнопленных, проходили подготовку для борьбы против партизан на оккупированной германскими войсками территории. В первый же день перехода стало известно, что основными руководителями по подготовке личного состава этого батальона для перехода на сторону партизан были врач Г.Жуков, фельдшер Р.Таджиев и командир хозвзвода штабной роты Рахимов. Примечательно, что каждый из них назван в донесении «тов.» – товарищ.

Информационную ценность имели сведения, полученные от участников перехода о том, как происходило формирование легиона: тактические занятия проводили под руководством командиров из числа наших граждан, но под наблюдением немецких унтер-офицеров и офицеров, которые выполняли роль советников и инструкторов; униформа вермахта была выдана легионерам только в конце обучения, после чего была устроена церемония принятия присяги, а затем было объявлено, что легионеры рассматриваются с этого момента как германские граждане. Легионеры сообщили также, что перед отправкой на восток перед ними выступал на немецком языке некий профессор и призывал к борьбе против большевиков, обещая создание «татарского государства» под эгидой фюрера.

Сообщение ответственного Витебского обкома кратко и точно отразило обстоятельства прибытия батальона в район г. Витебска 18 февраля ночью и марша по суражскому шоссе в сторону д. Бельновичи, перехода на левый берег Западной Двины и занятия позиций близ д. Гралево. Согласно документу руководители перехода к партизанам установили связь с бригадой Бирюлина 21 февраля и договорились о переходе

в 23 часа 22 февраля. Однако «в 22 часа 22 февраля 1943 г. стало известно командиру штабной роты Мухамедову Хусаину, 1916 года рождения, кандидату в члены ВКП(б), до войны служившему в кадрах мл.лейтенантом, что т. Жуков, Таджиев и Рахимов разоблачены и арестованы немецким командованием. Не медля ни одной минуты, т. Мухамедов принял инициативу по переходу к партизанам на себя. Тут же было отдано распоряжение комвзводу своей роты Галееву Гари об уничтожении немецкого штаба, что им и было сделано. Штаб батальона, состоявший из примерно 60–70 немецких офицеров, был уничтожен. Это было сигналом и началом перехода батальона на сторону партизан, который завершился без особых осложнений к 14 часам 23 февраля 1943 г.» Документ содержит основные данные о численности личного состава и количестве вооружений: 930 человек с тремя пушками 45-мм, примерно 100 ручными пулеметами, 1 станковым пулеметом, около 550 винтовками, патронами, лошадьми и т.д. В последующих документах цифры, особенно относительно обоза и боеприпасов, уточнялись, однако основные параметры в этом первом документе обозначены верно.

Отчет «Итоги борьбы партизанских отрядов Белоруссии с немецкими захватчиками в 1943 году», имеющийся в Национальном архиве Республики Беларусь, не только подтверждает факты, но и ставит событие в более широкие рамки с учетом общей стратегической обстановки в Белоруссии зимой 1943 года. Переход татарского батальона к партизанам существенно изменил соотношение сил, хотя и не создал перевеса в пользу партизан: к 6 тысячам партизан в этом регионе прибавилась почти тысяча бойцов, многие из которых приняли участие в прорыве блокады уже через пять дней после перехода – 28 февраля.

Отчет под названием «Итоги...» – весьма ценный архивный документ, в котором суммированы сведения о татарском легионе и сделаны объективные для того времени обобщения. Хотя при изложении содержания отчета неизбежны некоторые повторы, тем не менее считаю нужным изложить основные положения этого документа. В нем прежде всего отмечено, что 825-й батальон был сформирован осенью 1942 г. в местечке Едлино близ г. Радом в Польше. «Солдаты батальона прошли четырехмесячные курсы обучения. Это обучение проходило под непосредственным наблюдением немцев, не доверявших ни рядовым солдатам, ни командирам, также набранным из состава военнопленных». Тактическая подготовка проводилась под контролем немецких советников и инструкторов, назначенных в каждой роте. «В конце обучения всему личному составу было выдано немецкое обмундирование и вооружение, после чего солдаты и офицеры приняли немецкую присягу» (Итоги борьбы партизанских отрядов Белоруссии с немецкими захватчиками в 1943 году. С. 266).

Архивный документ содержит первичные сведения об организаторах подпольной группы: «В этом батальоне с первых дней учебы создавалась на принципе товарищества подпольная группа в составе: врач батальона Жуков, фельдшер Таджиев (так в тексте, правильное – Таджиев) и командир взвода штабной роты Рахимов. Эта группа поставила перед собой задачу – вести подготовительную работу для перехода солдат и офицеров на сторону партизан». Поставленная задача была выполнена, хотя названные организаторы подпольной группы (Жуков, Таджиев и Рахимов) были схвачены германскими властями перед самым началом перехода, очевидно, вследствие доноса кого-то из состава батальона. В соответствии с замыслом, в который он был посвящен, задачу перехода к партизанам выполнили командир штабной роты Хусаин Мухамедов и командир взвода Гари Галеев.

Отчет упоминает и другой эпизод: переход на сторону партизан до 200 человек из батальона так называемой «ост-мусульманской» дивизии «СС», последовавший в результате агентурно-оперативных мероприятий, проведенных соединением т. Чернышова» (С. 268). Документ ссылается на докладную записку т. Морозова, одного из комбригов, о переходе части этого батальона на сторону партизан в районе Юратишки местечка Трабы зимой 1944 г. Этот эпизод нуждается в исследовании.

Переход татарского батальона на сторону партизан существенно нарушил планы германского командования, хотя, оно, конечно, попыталось приуменьшить значение такого хода событий. Генерал Якоби записал в дневнике боевых действий 12 марта 1943 г. такую версию: «Наступление 601-го полка было осложнено и ослаблено переходом части Волго-татарского легиона на его правом фланге на сторону бандитов непосредственно перед началом наступления». Он браво доложил, что энергичными действиями и «броском» он минимизировал ущерб от этой акции: татарский батальон был «исключен из боевых действий». Однако восстание и переход 825-го батальона не мог остаться незамеченным для германского командования. Абвер (спецслужба вермахта) провел расследование и сделал такой вывод: «Батальон после полугодовой подготовки впервые вступил в бой. В составе его было около 900 человек, из них около 60 немцев. Он был очень хорошо вооружен – три противотанковые пушки, пулеметы, легкие и тяжелые гранатометы. Командир батальона майор Цёк высказал в разговоре мнение, что идейное воспитание легионеров в результате недостатка времени оказалось слабым. Когда отряды прибыли на опорные пункты, расположенные далеко друг от друга, и оказались лицом к лицу с сильным противником, они стали легкой добычей советской пропаганды. Насколько известно, отдельные интеллигентные татары принимали участие как руководители мятежа, который начался ночным нападением на немецкий персонал».

По данным германской полевой полиции, к партизанам перешли 557 легионеров. Переход произошел в районе торфяной фабрики. Немцы знали, что легионеров встретили с недоверием и разделили группами по 20–30 человек по отрядам, прежде всего в бригаде Бирюлина. Германская разведка проследила уход отряда в район озера около Козловичи. В отчете по операции «Кугельблиц» отмечены потери партизан: 253 человека, в том числе несколько легионеров в немецкой униформе.

Германская сторона отметила таким образом «недостатки идейного воспитания» в легионе и сильное влияние «отдельных интеллигентных татар». В своем исследовании И.А.Гилязов выразил сомнение в том, что на сторону партизан перешло более 900 человек. Его суждение не лишено логики. Однако Р.А.Мустафин, одним из первых рассказавший об этом событии, и другие исследователи исходили из данных, приведенных в отчетах партизанских бригад. Зачем бы командованию партизанских бригад понадобилось завышать цифру перешедших к ним легионеров? Но если даже принять данные германской стороны, то это 557 человек. Цифра значительная. Германское командование восприняло переход батальона как существенный ущерб для операции. Одно обстоятельство следует признать бесспорным: батальон, насчитывавший более 900 человек, был «исключен из боевых действий». Непригодными для боевого применения оказались и те легионеры, которые не успели получить сигнал к переходу. Они были возвращены в германский тыл ввиду непригодности на фронте. После этого события германское командование уже не рисковало, не решалось посылать на восток татарские батальоны.

Монография И.А.Гилязова «На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны» (Казань, 1998), написанная на основе серьезного изучения документов и материалов в германских архивах, особенно военного архива во Фрайбурге, дает довольно полную фактическую картину формирования в Германии «восточных легионов», в том числе из советских пленных тюркской национальности. Автор обоснованно полагает, что германским властям методами репрессий и лживых обещаний удалось склонить значительное количество пленных к вступлению в легионы на первом этапе войны. Однако попытки введения в действие этих легионов на Восточном фронте или против партизан не дали желаемых результатов.

Переход 825-го батальона Волго-татарского легиона на сторону партизан в Белоруссии был одним из первых эпизодов, после которого германские власти стали опасаться направления легионеров с оружием в руках в восточные оккупированные области, будь то Белоруссия или Украина. Они предпочли использовать легионеров на вспомогательных

работах, главным образом на трудных земляных работах, на строительстве оборонительных рубежей на Западе.

В книге И.А.Гилязова прослеживается изменение политики нацистского правительства. В сентябре 1943 г. издано распоряжение Гитлера о перемещении так называемых добровольцев из Польши во Францию. Германское командование немедленно выполнило эту задачу, издав соответствующий приказ от 2 октября 1943 г. (№ 10570/43). В октябре 1943 г. подразделения Волго-татарского легиона были полностью выведены из лагеря в Едлино. Однако и во Франции, а еще ранее на Украине значительная часть татарских легионеров уходила в «маки», в отряды сопротивления. Значительного участия национальных легионов в боевых операциях германское командование не отмечало, а вот перебежки в партизанские лагеря имели место. Об этом следует хотя бы кратко сказать особо.

Р.Мустафин первым после Г.Кашшафа исследовал судьбу татарских батальонов и многочисленные эпизоды перехода легионеров на сторону партизан. В книге «По следам оборванной песни» он на основе свидетельств оставшихся в живых и вернувшихся на родину легионеров рассказал о результатах работы подпольщиков в батальоне 826 и 827. (Мустафин Р.А. По следам оборванной песни. М., 1974. С. 196–197, 199–200.)

По германским архивным источникам И.Гилязов обстоятельно раскрыл и уточнил обстоятельства, в которых действовали 826-й и 827-й батальоны, другие подразделения с участием пленных татар. (Гилязов И.А. На другой стороне... Казань, 1998. С. 109–124.) В военном архиве во Фрайбурге им выявлен приказ генерала фон Хайгендорфа от 1 июля 1943 г. о присвоении званий в батальоне. В приказе названы назначенные командирами взвода Сагит Мифтахов и Николай Сибгатуллин. Из книги Р.Мустафина мы знали, что С.Мифтахов был одним из руководителей подпольной группы в 827-м батальоне. По германским источникам И.Гилязовым установлено, что в районе Станислава и Драгобыча к партизанам ушли десятки легионеров. Уже в октябре 1943 г. германское командование отправляет 827-й батальон во Францию, где легионеры уходили в «маки». Одним словом, подпольная сеть сопротивления, созданная в лагере в Едлино близ Радома, оказалась эффективной. Идея перехода к своим и подготовки к восстанию была реализована в татарских батальонах и после того, как германским властям удалось выявить и уничтожить несколько групп антифашистского сопротивления.

В нашей историографии это событие долгое время не получало достаточно полного освещения. Многие существенные подробности еще предстоит выяснить по архивным фондам, особенно по фондам партизанского движения на территории Белоруссии. Важным источником информации служат не только отчеты и донесения партизанских бригад, но и материалы расследования этого перехода, предпринятого органами НКВД вскоре после этого события. К лету 1943 г. многие участники перехода к своим были «изъяты» из состава партизанских отрядов и из действующей армии и помещены в «лагеря специального назначения». Расследование обстоятельств перехода татарского батальона приобрело тогда же широкий размах. Особистов особенно интересовал вопрос: действительно ли добровольно или под давлением обстоятельств батальон перешел к партизанам. Ключевое значение имел вопрос: действовала ли подпольная группа еще на месте формирования легиона или это была импровизация на месте.

В ходе расследования в особом отделе лагеря спецназначения НКВД СССР, как следует из документов, где складывается в основном верная картина обстоятельств именно добровольного (заранее подготовленного) перехода батальона к своим, получали подтверждение сведения об организаторах перехода, подготовивших его заранее, еще до отправки в район боевых действий. В конце июня 1943 г. заместитель начальника отдела контрразведки СМЕРШ спецлагеря №174 (г. Подольск) майор Кирсанов и начальник отделения отдела контрразведки СМЕРШ спецлагеря №174 капитан А.Сизов направили в штаб партизанского движения Белоруссии, находившийся в Москве, запрос относительно обстоятельств перехода батальона Волго-татарского легиона на сторону партизан в

Белоруссии. На документе, имеющемся в копии в нашем распоряжении, имеется штамп: «Белорусский штаб партизанского движения» и вписан входящий номер 174 и четко поставлена дата: 28.06.1943 г. В документе изложена версия перехода, совпадающая с первоначальной версией, которая дана в сообщении К.И.Шемялиса 23 февраля 1943 г. Важным моментом в документе следует считать информацию: «В Подольском лагере спецназначения содержится группа бывших военнослужащих Красной Армии, по национальности татары, которые, находясь в плену у противника, перешли на службу в созданный немцами Волго-татарский легион, предназначенный для ведения борьбы с партизанами».

В документе изложена версия, основанная на допросе многочисленных участников перехода к партизанам и на документах, полученных из партизанского штаба. Документы объективно зафиксировали фактическую сторону дела, несмотря на многочисленные сомнения и оговорки типа «якобы». Примечательно, что следователи в документе применили слово «опрос», а не «допрос» бывших легионеров: «При опросе последние сообщили, что первый батальон Волго-татарского легиона 18 февраля 1943 г. прибыл из Польши в г. Витебск, а 21 февраля 1943 г. батальон занял оборону против партизан в 20 километрах от г. Витебска, в районе Ценково (читай Сеньково), Гралево. В ночь на 23 февраля 1943 года 1-й батальон Волго-татарского легиона якобы, перебив немцев и лиц, сопротивлявшихся переходу на сторону партизан, с оружием перешел к партизанам бригады «БИРУЛИНА» (так в тексте), где перешедшие были разбиты на мелкие группы и распределены по партизанским отрядам». Обстоятельства перехода записаны по показаниям одного из парламентариев: «Допрошенный нами один из участников перехода на сторону партизан – Лутфулин Вали Хуснутдинович, 1914 года рождения, показал, что он 22 февраля 1943 г. по договоренности с командиром 1-го батальона Волго-татарского легиона Таджиевым и работавшим при батальоне врачом Жуковым, вместе с Трубкиным, Фахрутдиновым и одним проводником из местных жителей д. Ценково из расположения батальона ушли с целью встречи с партизанами для переговоров о переходе батальона на сторону партизан. В этот же день Лутфулин вместе с остальными пришел в штаб партизанской бригады Бирулина, где сообщил о намерении батальона перейти на сторону партизан, на что в штабе бригады Бирулина дали согласие». Выше было сказано, что в штабе бригады были оставлены двое в качестве заложников. Как следует из этого документа, это были Лутфулин и Трубкин. Двое других – Фахрутдинов и проводник Михальченко ушли, чтобы сообщить батальону о согласии партизанского штаба принять батальон.

Следователи спецлагеря ставили перед штабом партизанского движения такую задачу: «Просим допросить... (кого?). Действительно ли имел место факт перехода 1-го батальона Волго-татарского легиона на сторону партизан бригады Бирулина, действительно ли указанные лица принимали участие в переговорах со штабом партизанской бригады Бирулина по вопросу о переходе на сторону партизан?» (С. 162). Они ставили под сомнение сам факт добровольного перехода татарского батальона в своеобразной форме, характерной для того времени: «По непроверенным данным, переход на сторону партизан произошел в вынужденной обстановке, ввиду сложившихся обстоятельств – активных действий партизан против батальона, из состава которого в Подольском лагере спецназначения содержится 31 человек». А остальные якобы находятся в партизанских бригадах Алексева, Дьячкова и Бирулина. Запрос ставил задачу: «Срочно проверить данные и сообщить сведения о действиях национальных легионов на территории Белоруссии». Примечательно, что ответ предлагалось дать по точному почтовому адресу, а не по номеру полевой почты, как это было принято в годы войны.

В тот же день, день получения запроса в Белорусском штабе, на документе написана резолюция «Г. (или Т.?) Протопопов. Свяжитесь с оперотделом и напишите ответ. В основном показания Лутфулина правильные». Поставлена дата – «28.06.43 г.» и подпись, которую трудно расшифровать точно, но судя по уверенности, с которой сделана запись,

написано это компетентным человеком, который знал суть дела. Ответ был дан на запрос немедленно, что свидетельствует о том, что в Белорусском штабе хорошо знали обстоятельства перехода татарского батальона и оценивали это событие объективно и позитивно. В письме на имя заместителя начальника отдела контрразведки СМЕРШ спецлагеря № 174 (датированном, очевидно, по ошибке «2 июня», а не «2 июля 1943 г.»), подписанном заместителем начальника Белорусского штаба партизанского движения Ганенко и начальником 2-го отдела полковником Скрыпником, был дан ясный ответ: «Факт перехода на сторону партизан 825-го батальона Волго-татарского легиона в феврале месяце сего года действительно имел место». Правда в духе запроса введен элемент перестраховки: «Переход батальона был совершен в результате разложенческой работы, проведенной среди его личного состава (кто и как проводил эту работу в письме не указано). Обстановка в это время складывалась не в пользу партизан, однако сам факт их активных действий и проведение агентурных комбинаций, безусловно, имел влияние на личный состав батальона, убедившегося в лживости немецкой пропаганды о том, что партизаны якобы не представляют серьезного противника». Как историк позволю себе отметить, что в этом документе мы видим пример рождения из правды и полуправды мифа, во всяком случае «свежей» версии: переход-де произошел в результате «разложенческой работы» и «агентурных комбинаций», разумеется, оказавшихся в трудном положении партизан, хотя на самом деле «разложенческую работу» провела подпольная группа в батальоне задолго до прибытия в район боевых действий, а переход был намечен независимо от выкриков с другого берега р. Двины. Документ Белорусского штаба, отличающийся краткостью в характеристике участников перехода, тем не менее, хотя и осторожно, признает серьезное значение перехода татарского батальона на сторону партизан: батальон не участвовал в боевых действиях против партизан, немедленно по прибытии по своей инициативе установил контакт с партизанами и предложил переговоры о переходе. Германская группировка готовила масштабную карательную операцию (численность вермахта в районе достигала 28 тысяч человек).

Письмо Белорусского штаба от 2 июля 1943 г. – серьезный документ в пользу полной реабилитации участников перехода 23 февраля 1943 г. «После перехода батальона к партизанам личный состав его действительно был рассредоточен по партизанским бригадам, принимал участие в боевых действиях против немецких оккупантов, показал себя с положительной стороны. Некоторая часть личного состава батальона и до настоящего времени находится в партизанских бригадах», говорится в документе (С. 122). Следовательно, в июле 1943 г. «некоторая часть батальона продолжает борьбу против немецких оккупантов вместе с партизанами, а какая-то часть проходит проверку в спецлагере НКВД. Конечно, переход татарского батальона на сторону партизан в Белоруссии – это всего лишь эпизод Великой Отечественной войны, но он свидетельствует о том, что в тылу врага, в лагерях, где создавали национальный легион, действовали подпольные патриотические группы борьбы против фашизма. Исторический факт состоит и в том, что последующие 826-й и 827-й батальоны нацисты не решились направить на восток. Один батальон был отправлен на Балканы, другой – во Францию. Но и там татарские батальоны перешли на сторону антифашистских отрядов сопротивления.

Из рассмотренных фактов и документов можно сделать некоторые выводы относительно одного эпизода Великой Отечественной войны, однако этот эпизод следует рассматривать в тесной связи с последующими событиями, связанными с деятельностью подпольных групп сопротивления фашизму в Волго-татарском легионе, известном и под названием «Идель-Урал». В немецких архивных материалах имеются сведения о том, что еще в декабре 1942 г. германские власти выявили и уничтожили группу подпольщиков в формируемом национальном легионе. Переход 825-го батальона был первым успешным актом сопротивления, подготовленным другой группой подпольщиков. Если иметь в виду последующий переход 826-го и 827-го батальонов на сторону партизан во Франции и на Балканах, то складывается цельная картина: в местах формирования татарского легиона

действовала разветвленная сеть групп сопротивления, которые действовали не только в духе патриотической верности Родине, но и в духе солидарности с движением сопротивления в странах Европы. Конечно, этого не могли не заметить ищущие гестапо, они усилили слежку и вербовку провокаторов в лагерях военнопленных и в лагерях, где формировали национальный легион.

В Берлине к этому времени была создана из попавших в плен представителей татарской интеллигенции группа по пропаганде среди военнопленных и легионеров: в редакции радиопропаганды, в редакции газеты «Идель-Урал», в которую были вовлечены писатели и журналисты (Абдулла Алиш, Ахмет Симаев). При участии и по рекомендации эмигрантских националистических кругов была образована рота пропаганды, в которую именно в это время, в феврале 1943 г., был вовлечен и известный татарский поэт Муса Джалиль, дольше других оставшийся в лагере для пленных. Деятельность группы М.Джалиля, которая под видом проведения культурно-воспитательной работы посещала лагерь и пленных, и легионеров, расширяла сеть подпольных групп сопротивления нацизму. Организатором группы сопротивления был самый молодой офицер Красной Армии, оказавшийся в плену со специальным заданием командования, – Гайнан Курмашев. Они готовили легионеров не только к переходу к партизанам и к побегам из лагеря, но и к восстанию. В августе 1943 г. их деятельность была прервана массовым арестом (более 40 человек) именно в Радомском лагере, последовавшим судом и казнью группы Джалиля–Курмаша в берлинской тюрьме Плётцензее. Это, однако, отдельная глава в повести «Татары в сопротивлении фашизму».

2003

Р.Гайнетдинов,
кандидат исторических наук

ПЕРЕХОД 825-го БАТАЛЬОНА ЛЕГИОНА «ИДЕЛ-УРАЛ» НА СТОРОНУ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН – КРАХ ПЛАНОВ НЕМЕЦКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТАТАР В ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Тема данной статьи весьма популярна в наше время, что обусловлено процессом демократизации современной исторической науки. Если вспомнить совсем недавнее прошлое, то феномен коллаборационизма¹ советских людей в годы Второй мировой войны стоял в ряду запретных для изучения тем; само это понятие заменялось термином «предательство», и все сотрудничавшие с противником без разбора относились к изменникам Родины. Были отдельные исключения, среди них можно упомянуть политическую реабилитацию антифашистской группы джалильцев, но это, скорее, был единичный факт, а не правило.

Однако проблема коллаборационизма имеет не только глубокие корни, но и важные политические, социальные и морально-психологические последствия, ибо, по данным казанского историка, доктора исторических наук Искандера Гилязова, за время войны в германских вооруженных силах служило от 700 тысяч до одного миллиона советских граждан, в основном военнопленных. В книге О.Романько «Мусульманские легионы во Второй мировой войне» приводятся еще более масштабные цифры – 1,3–1,5 млн советских граждан². Журналист Резеда Даутова в статье «Легионеры – предатели или жертвы?» пишет, что в боевых, строительных и рабочих батальонах нацистской Германии насчитывалось до 43 тысяч татар³. Эта цифра требует уточнения, ибо автор статьи не дает ссылку на источник.

Общественностью Татарстана углубленное осмысление явления коллаборационизма началось, пожалуй, с процесса реабилитации Гаяза Исхаки. Совсем недавно эта крупнейшая историческая фигура и литератор, а главное, лидер зарубежной татарской эмиграции, не принявший большевизм и всю жизнь идейно борющийся против него, представителями политической конъюнктуры был записан в число апологетов татарского коллаборационизма периода Великой Отечественной войны, которому приписывалось сотрудничество с гестапо и выполнение по указанию нацистов заданий по привлечению военнопленных татар к борьбе против Советского Союза.

Пришлось провести немалые поиски, в том числе и с помощью современных немецких архивистов, чтобы доказать, что Исхаки в период войны никогда не был в фашистской Германии. Осудив вторжение немцев в Польшу и сочувствуя британцам, он попал в немилость к руководителям «третьего рейха» – с 1940 года въезд на территорию рейха ему был запрещен и весь военный период он находился в нейтральной Турции¹.

Это было, пожалуй, крушение одного из первых мифов, созданных для обслуживания существовавшей политической системы. Следующий кардинальный переворот в современной социально-политической истории татарского народа совершил исследователь Казанского университета Искандер Гилязов. В своей книге «На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны» он сделал попытку серьезного и взвешенного анализа этой проблемы. Ценность указанной монографии прежде всего в том, что впервые без идеологических оценок, объективно и скрупулезно, на основании большого количества зарубежных архивных материалов автор осветил попытки нацистской Германии привлечь восточные народы СССР к военному и политическому сотрудничеству на своей стороне².

И.Гилязов убедительно доказывает, что интерес нацистов к поволжским татарам был не случаен. Еще в Первой мировой войне Германия и Турция, будучи союзниками, предпринимали попытки привлечь тюрков к борьбе с союзными войсками Антанты и царской России³.

В ходе Второй мировой войны новый поворот идеологов национал-социализма к тюркским национальностям России относится к концу 1941 года и объясняется большинством исследователей изменением военной ситуации на Восточном фронте.

Как известно, к этому времени уже существовало Министерство по делам оккупированных восточных территорий, более известное как Восточное министерство. Оно было создано, по заявлениям гитлеровских руководителей, «для освоения завоеванного жизненного пространства великой германской нации на Востоке». Согласно гитлеровской доктрине, территорию Восточной Европы до Уральского хребта предполагалось «очистить» от славянского населения, разделить на несколько - рейхскомиссариатов и заселить немецкими колонистами.

Поначалу Гитлер был категорически против создания вооруженных сил из числа покоренных народов Советского Союза. «Нашим железным принципом является и всегда должно оставаться непоколебимое правило: никогда не допускать, чтобы кто-либо иной, кроме немцев, носил оружие», – заявлял фюрер¹.

Поражение гитлеровцев под Москвой, провал плана «молниеносной войны» изменили планы немецкого командования по отношению к военнопленным тюркских и других нерусских национальностей. Неудачи на Восточном фронте, где одна за другой перемалывались отборные немецкие дивизии, привели к тому, что немецкая армия стала ощущать острый недостаток в живой силе. Война приобретала явный затяжной характер. Именно тогда рейхсминистр оккупированных территорий Востока Альфред Розенберг предложил Гитлеру использовать военнопленных разных национальностей Советского Союза против собственной родины.

Во исполнение директивы Гитлера в течение 1942 года под руководством Восточного министерства был создан ряд «национальных комитетов»: волго-татарский,

туркестанский, крымских татар, грузинский, калмыцкий и др. Одной из главных задач «национальных комитетов» являлось создание в контакте с германским верховным командованием национальных воинских формирований – легионов для борьбы против Советской Армии, союзных войск и партизанского движения на оккупированной немцами территории.

В марте 1942 года фюрер подписал приказ о создании грузинского, армянского, азербайджанского, туркестанского и горского (из народов Дагестана) легионов. Приказ о создании Волго-татарского легиона или, как называли его сами легионеры, легиона «Идель-Урал», был подписан намного позднее, в августе 1942 года².

Подготовка командного состава национальных формирований проводилась через особый резервный лагерь Восточного министерства Вустрау в 60 км от Берлина, куда немцы собирали военнопленных разных национальностей СССР, имевших высшее и среднее образование. После соответствующей идеологической обработки и проверки благонадежности от этих военнопленных отбирались подписки на верность службе германскому государству, и вслед за этим зачисляли в легион. Текст присяги гласил¹: «Я готов в рядах германской армии употреблять все силы на освобождение моей Родины и поэтому согласен вступить в легион. Этим самым я считаю принесенную раньше мною в Красной Армии присягу недействительной. Я обязуюсь беспрекословно подчиняться приказам моих начальников».

Вербовка подходящих для службы в Волго-татарском легионе лиц велась в специальных лагерях военнопленных, где содержались поволжские татары, башкиры, чуваша, марийцы, мордва и удмурты. Такими лагерями были Седльце, Демблин, Кельцы, Холм, Конски, Радом, Ченстохов, станции Крушино, Едлино, Веселое. Все они располагались в Польше. Базовым лагерем формирования батальонов легиона «Идель-Урал» был определен лагерь в Едлино.

Всего в 1942–1943 годах было сформировано 7 боевых батальонов Волго-татарского легиона с нумерацией, начиная с 825-го по 831-й, а также саперный, штабной или запасной батальоны, ряд рабочих батальонов. В них служило, по разным данным, от 8 до 10 тысяч легионеров.

Из указанных подразделений наиболее известна судьба 825-го батальона в связи с переходом его на сторону партизан. Но, несмотря на большое количество литературы, в описаниях деталей восстания имеются серьезные фактические ошибки, неточности и произвольные толкования.

Во-первых, в ряде публикаций прошлых лет прослеживалась тенденция связать восстание в 825-м батальоне с именем Мусы Джалиля². Лишь в последние годы появились исследования, в которых доказано, что восстание в батальоне было подготовлено без участия поэта-героя. Подпольная работа в Волго-татарском легионе началась задолго до того, как Джалиль получил возможность к ней подключиться³. Наоборот, по имеющимся документальным свидетельствам, восстание в первом батальоне оказало сильное влияние на поэта и стало мощным стимулом для подключения к антифашистской работе, и не только для него.

Вторая группа расхождений касается количества перешедших на сторону партизан. Называются цифры от 506 до 900–930 человек, которые основываются на показаниях партизанских командиров. Военный историк Махмут Гареев в статье «Наши!..» приводит данные германской полевой полиции, согласно которым к партизанам перешло 557 легионеров¹.

Такие разночтения в освещении перехода 825-го батальона на сторону партизан вынудили автора прибегнуть к первоисточнику.

Предыстория ниже цитируемого документа такова, что, благодаря набережночелнинскому краеведу Самуилу Григорьевичу Лурье (к сожалению, уже покойному), в руки автора попало донесение комиссара 1-го партизанского отряда Исака

Григорьевича Григорьева комиссару 1-й Витебской партизанской бригады Владимиру Андреевичу Хабарову о приеме в свой отряд личного состава 825-го батальона, датированное 5 марта 1943 года. Оригинал этого документа хранится в Витебском областном музее им. М.Ф.Шмырева («бацьки Миная»), и переписал его слово в слово С.Лурье в 1979 году, когда был в Витебске в качестве руководителя поискового отряда учащихся Набережночелнинской средней школы № 28, совершавшей поход по местам партизанской славы белорусского Полесья.

Вот этот документ:

*Донесение комиссара отряда Григорьева И.Г.
в бригаду*

Согласно Вашему указанию, информирую Вас о разложении и переходе в наш отряд [из] Волго-татарского легиона 825-го батальона.

Волго-татарский легион состоял из наших военнопленных татар, взятых в плен немецкими войсками в 1941 и начале 1942 годов в городах Белостоке, Гродно, Львове, Керчи, Харькове. До мая 1942-го они находились в лагерях военнопленных и переносили голод и зверства со стороны немецких солдат и офицеров.

19–20 июня 1942 года со всех лагерей военнопленных немцы начали концентрировать татар в г. Седльце, после чего направили под усиленной охраной в г. Радом, разбили на 3 группы по 900 человек, т.е. на 3 батальона.

Выступил с речью посланец Гитлера генерал-лейтенант восточных легионов: «Вас, татар, Гитлер из плена освобождает, создает вам хорошие условия и создает легион, которому входит в задачу освободить от большевиков свою Татарскую республику... Власть большевиков окончательно разгромлена немецкими войсками, вас вооружаем и направляем на учебу. После учебы вы, освобожденный народ, должны очистить свою национальную территорию от скрывающихся в лесах и болотах большевиков-партизан, которые наносят вред нашей армии».

С июля 1942 года по февраль 1943 года они проходили учебно-боевую подготовку по борьбе с партизанами. В начале февраля был экзамен. Более отличившихся в учебе назначили командирами взводов, отделений, «придав» в этот батальон майора Зекса [на самом деле – Цёк. – Г.Р.]. Данный легион был направлен в распоряжение 82-й дивизии, располагавшейся в Витебске.

19 февраля разведчица негласной группы «В» партизанка Буйниченко Нина доложила, что из Радома прибыл Волго-татарский легион 825-го батальона по борьбе с партизанами в треугольнике Сураж–Витебск–Городок. Данный батальон будет размещаться в деревнях Сеньково, Сувары и Гралево Витебского района (где находилось несколько рот партизан).

20 февраля я взял двух бойцов с разведки и в ночной период времени, пробравшись через Двину в деревню Сеньково, дал задание нелегальной партизанской группе, которую возглавляла Нина Буйниченко: «когда прибудет этот легион – узнать их моральное состояние, обрисовать положение на фронтах. Если будет положительный результат – выслать отряд заложников, желательно офицерский состав». 21 февраля 1943 года этот батальон был расположен в вышеуказанных деревнях. В доме нашей нелегальной партизанки Нины Буйниченко расположился врач батальона Жуков, с которым быстро начались откровенные разговоры. Жуков ей сообщил, что у него возникла мысль перейти на сторону Красной Армии в г. Радом. У него есть 6 человек из командного состава, которые также думают о переходе и назвал их должности и фамилии:

*адъютант к-ра батальона майора Зекса – Таджиев,
командир штабной роты – Мухамедов,
пом.командира – Латыпов,
командиры взводов – Исупов [Юсупов. – Г.Р.], Галеев,*

Трубкин и (комвзвода) их хозчасти Рахимов.

После этих разговоров Жуков просил Нину ускорить связь с партизанами. Нина посоветовала Жукову направить четырех человек татар в наш отряд для переговоров и взять проводником жителя деревни Сувары Михальченко, переодев его в их форму, чтобы не оставить никаких следов.

Жуков внимательно выслушал, быстро ушел к товарищам, с которыми имел разговор.

В 19 часов [вероятно, 22 февраля. – Г.Р.], придя домой, Жуков сообщил Нине, что с Михальченко, переодетым в немецкую форму, посланы Трубкин, Лутфулин, Галеев и Фахрутдинов. Предупредил Нину, что если партизаны их обстреляют, то она несет персональную ответственность. Нина ответила, что о месте встречи ею согласовано с комиссаром отряда Григорьевым, их будут встречать. Наша засада в условленном месте встретила представителей и доставила в штаб отряда. Представители попросили дать одну ракету, обозначающую: «Приняли хорошо. Начать подготовку». Ракета была дана.

Штабом нашего отряда перед представителями поставлена задача – уничтожить весь немецкий офицерский состав и предателей из татар, вывести весь людской состав с полным вооружением, обозом и боеприпасами. После уничтожения штабов подтянуть [личный состав] к берегу Западной Двины и свалкам завода «Руба», дать 3 красные ракеты, которые обозначили бы: «К переходу готовы, принимайте», 3 сигнала фонариком – «белый, красный, зеленый», что обозначает: «Представитель вышел на середину Западной Двины», где я должен его встретить.

Двух из татар – Трубкина и Лутфулина оставили у себя в отряде в заложниках, а Галеева и Фахрутдинова отправили обратно в легион для организации и выполнения поставленных задач. В 11 часов ночи была выпущена одна белая ракета в деревне Сувары, согласно договоренности, что обозначало: «Возвратились благополучно. Начинаем уничтожать немцев».

Об этом мы сообщили в штаб бригады Бирюлину и попросили выслать представителя. Был выслан Анащенко и нач. штаба Крицкий, которые присутствовали и наблюдали за этим процессом... При наблюдении за их операцией по уничтожению немцев и изменников-татар слышны были взрывы гранат, пулеметные очереди и одиночные выстрелы из винтовок и автоматов. Это татары выполнили наше задание. В 00.30 ночи получили сигналы фонариком – белый, красный и зеленый, согласно договоренности.

Командир расположился в засаде с группой партизан, а я с командиром роты Стрельцовым направился по Двине в сторону «Руба» для встречи представителей. Встретили Фахрутдинова с двумя его товарищами, с вопросом: «Кто Вы по званию?» Я ответил: «Комиссар партизанского отряда Сысоева – Григорьев».

Он: «Задание выполнено. Уничтожили 74 немца, трех командиров роты – Суряпова, командира 2-й роты Миножлеева и командира 3-й роты Мерулина. Людской состав с вооружением, транспортом и боеприпасами подтянут. Прошу принимать. Одновременно сообщаю, что у нас шофер штаба оказался изменником и тайно увез на машине из [Сувары, Сеньково?] майора Зекса, которого хотели живьем схватить и доставить вам. В Сенькове арестовали батальонного врача Жукова, Таждиева [Таджиева] и Рахимова, которым было задание уничтожить немцев [в Сенькове?]. Прошу ускорить прием, я ранен, окажите помощь».

Стрельцову приказал доставить его в медпункт для оказания помощи, а сам встретил орудийные расчеты и людской состав. На ходу сделал маленький митинг, сообщил им, что необходим переход их пока в партизаны, имея намерение переправить их за линию фронта.

Встреча была очень радостной, многие смеялись, а некоторые плакали, вспоминая условия, мучения, которые испытали, находясь в плену, обнимая и целуя меня, бросали выкрики, что мы опять со своими, с нами тов. Сталин и т.д.

Прибывших на территорию нашего отряда необходимо на основании приказа командира бригады разоружить, людской состав направить в распоряжение бригады на

территорию торфозавода, а часть вооружения – в хозяйственную часть бригады. Очевидно, комбриг тов. Бирюлин исходил из того, что наша бригада, в особенности наш отряд, вела бои с 14 февраля с экспедицией на партизан и лишняя концентрация людей могла привести к нежелательным результатам, к тому же они были в немецкой форме.

В отряде желания разоружать не было, т.к. штаб отряда имел намерение пустить их в бой, но приказ вышестоящего товарища обязаны были выполнить. Прибыло на территорию расположения нашего отряда людского состава 506 человек с вооружением:

пушек 45-мм – 3 шт.,
станковых пулеметов – 20 шт.,
батальонных минометов – 4 шт.,
ротных минометов – 5 шт.,
ручных пулеметов – 22 шт.,
винтовок – 340 шт.,
пистолетов – 150 шт.,
ракетниц – 12 шт.,
биноклей – 30 шт.,
лошадей с полной амуницией, боеприпасами и продовольствием – 26.

Позже прибывали отдельными малыми группами.

Указание командира бригады тов. Бирюлина выполнено: людской состав обезоружен и направлен в распоряжение бригады.

Вооружение помимо орудий и станковых пулеметов направили в хозчасть бригады. Переговорив в штабе, отряды решили взять под свою ответственность часть личного состава, орудийные расчеты и пулеметчиков станковых пулеметов, которые были использованы по борьбе с экспедицией на партизан. Следует отметить, что [они] исключительно храбро, смело сражались в боях и многие из них отличились в боях и сохранили вооружение.

Бригадой людской состав был направлен во все отряды и бригады, находящиеся в треугольнике Витебск – Сураж – Городок.

3 офицера были направлены в тыл Советского Союза, в штаб партизанского движения, о чем ставлю Вас в известность.

Комиссар партизанского отряда Григорьев
5 марта 1943 года

Автор позволил себе полностью воспроизвести этот документ по следующей причине. Донесение Григорьева исходит от непосредственного участника события, наделенного определенными полномочиями; оно написано в самое короткое время после совершившегося события по запросу вышестоящего командира. Все это позволяет сделать нам вывод, что донесение комиссара Григорьева – наиболее объективный документ из всех описывающих факт перехода 825-го батальона на сторону партизан. Все остальные документы – как советские, так и немецкие – появились уже позднее и носят, по нашему мнению, оттенок обслуживания интересов конъюнктуры той или иной стороны.

На наш взгляд, следует дополнить картину перехода, описанную комиссаром Григорьевым, некоторыми комментариями об обстановке накануне и после восстания легионеров, вытекающими из личных бесед автора с бывшей разведчицей бригады Алексея Ниной Ивановной Дорофеенко (2004 год) и изучения некоторых документов партизанского подполья в музее Великой Отечественной войны в Минске и Музее им. М.Ф.Шмырева в Витебске.

Из этих документов следует, что после успешного наступления 4-й ударной армии в ходе Московской битвы 1941–1942 годов на северо-западе Витебской области образовался

разрыв в линии фронта, названный «Витебскими воротами». Они стали основной артерией, связывающей Большую землю с партизанскими отрядами Белоруссии и Прибалтики. В 1942 – начале 1943 годов в районе Сураж – Витебск в тылу врага существовала обширная партизанская зона, в которой действовали колхозы, издавались газеты, работал госпиталь. Партизанские бригады, выросшие из отряда «бабки Миняя», жгли фашистские гарнизоны, снабжали армию ценными разведсведениями. Немецкое командование не могло терпеть такого положения и время от времени посылало на Витебщину карательные экспедиции. Одна из таких экспедиций под названием «Шаровая молния», с привлечением 82-й армейской дивизии и карательных отрядов, была организована в начале февраля 1943 года. Противнику, численность которого составляла 28 тысяч человек, удалось окружить в районе Витебска шеститысячную партизанскую группировку. Против бригады Бирюлина были брошены казачьи отряды, состоявшие из украинских националистов. На смену им в деревни Сеньково, Сувары и Гралево по берегу Западной Двины и прибыл 20 февраля 825-й батальон. Бирюлинцы держали оборону на другом берегу реки, которая ненадолго разделила противоборствующие стороны...

По отдельным сведениям, 825-й батальон должен был вступить в бой уже через три дня. Наверно, это был один из весомых аргументов в пользу положительного решения о принятии партизанским командованием предложения легионеров о переходе на сторону партизан. Но решение далось непросто. Партизаны опасались перехода к ним столь крупного и хорошо вооруженного воинского подразделения – в случае провокации партизан ждал неминуемый разгром: в бригаде Бирюлина насчитывалось всего 500 человек. Но при положительном исходе партизаны получали значительное людское пополнение, вооружение и боеприпасы. Также неизвестно было, как поведут себя после перехода легионеры – предшествовавшие им каратели-казаки отличались особой жестокостью по отношению к мирному населению и партизанам. Поэтому Михаил Бирюлин и Григорий Сысоев пошли на риск, решиться на который могли только мужественные люди...

Переход татарского батальона на сторону партизан имел огромное значение. Мало того, что он нарушил общий ход наступления немцев против партизан в районе Витебска и осложнил их положение на правом фланге, где противник получил неожиданное подкрепление в живой силе и вооружении¹. Прежде всего он подорвал доверие германских властей к коллаборационистам – немцы стали опасаться направления легионеров в восточные оккупированные области. Сразу же после восстания готовый к направлению на Восточный фронт 826-й батальон был отправлен от греха подальше в Голландию в район г. Бреда. В-третьих, весть об успехе восстания широко распространилась среди легионеров не только татарского, но и других легионов и, несомненно, активизировала борьбу антифашистского подполья.

При изучении истории восстания и дальнейшей судьбы бывших военнопленных-татар обращает на себя внимание тот факт, что в настоящее время установлено лишь несколько фамилий легионеров – подлинных участников восстания, судьба же большинства восставших неизвестна.

Несколько лет тому назад группа исследователей, в составе которых были автор Самуил Лурье, писатель-джалиловед Рафаэль Мустафин и некоторые бывшие сотрудники КГБ Татарстана, имевшие отношение к фильтрации военнопленных, попыталась найти документальные следы остатков 825-го батальона, относящиеся к периоду после 23 февраля 1943 года.

Бывший командир 1-й Витебской партизанской бригады Михаил Бирюлин в беседе с Самуилом Лурье тогда пояснял, что поскольку немцы неоднократно пытались засылать к партизанам агентов под видом бежавших военнопленных, партизанские руководители поначалу не вполне доверяли восставшим. В связи с этим было приказано распределить

их по отрядам нескольких бригад: 1-й Витебской, имени Ленинского комсомола, 1-й Белорусской и других.

Пытаясь найти бывших легионеров в составе этих партизанских соединений, мы обратились к книге «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.)», в которой приводятся данные о национальном составе некоторых партизанских бригад на момент соединения их с частями Красной Армии¹:

Если даже посчитать, что в число 99 человек, учтенных в графах таблицы как «другие национальности» и «национальность не установлена», входят татары, башкиры и чувашаи, то где же остальные не менее четырех сотен бывших военнопленных- легионеров?

М.Ф.Бирюлин дал такие пояснения:

- 1) бывшие военнопленные, в отличие от партизан из местных жителей, плохо знали местность, где шли бои с карательными экспедициями фашистов, хуже в ней ориентировались и поэтому часто гибли в болотах или попадали в засады карателей;
- 2) бывших военнопленных не удалось переодеть, они воевали на стороне партизан в своих серо-зеленых немецких шинелях, и многие местные жители и партизаны соседних отрядов могли перебить их, принимая за немцев;
- 3) некоторые командиры отрядов, вначале не очень доверявшие восставшим, при наступлении направляли их в первые ряды атакующих, а при отступлении оставляли прикрывать отход основных сил отряда.

Все это приводило к тому, что потери (число убитых и раненых) среди бывших военнопленных были значительно большими, чем среди партизан – местных жителей.

Кроме того, легкораненых подлечивали в отряде, а тяжелораненых перебрасывали через линию фронта в армейские госпитали самолетами ПО-2. После излечения в госпиталях местные партизаны, как правило, возвращались в свои отряды, бывшие военнопленные же направлялись (большей частью после проверки в фильтрационных лагерях) в части действующей армии, чаще всего в штрафные батальоны (об этом сообщал бывший военнопленный А.С.Хакимов).

По свидетельству белорусского исследователя А.Заерко, 825-й батальон после перехода к партизанам был расформирован. Его личный состав вошел в состав 1-й Витебской, 1-й Белорусской партизанских бригад и в бригаду Алексея (А.Ф.Домукалова). Основная часть татар осталась в отряде Г.Сысоева¹.

В докладной записке ответственного Витебского обкома партии К.И.Шемялиса сообщалось, что было разоружено 476 легионеров. Из них 356 человек были направлены в отряды 1-й Белорусской бригады под командованием Я.З.Захарова, 120 человек распределены в другие отряды. Из них 30 вооруженных татар командир 1-й Витебской бригады М.Ф.Бирюлин оставил у себя, а в отряде Г.И.Сысоева была сформирована отдельная рота из татар, в которую для усиления идеологической работы был направлен политрук Немькин².

28 февраля 1943 года этот отряд прорвал окружение гитлеровцев и нанес им сокрушительный удар с тыла в щелбовских лесах. При этом бывшие легионеры не щадили себя в боях. Вот как описывали этот эпизод исследователи истории витебского подполья: «...в районе д. Поповичи отряд уничтожил 6 фашистских танков, автомашину и захватил в плен несколько гитлеровских солдат. В этой операции особенно отличились партизаны И.Тимошенко, С.Сергиенко, И.Хафизов, И.Юсупов и А.Сайфутдинов. Высокий героизм проявил боец Н.Гарнаев и комсорг созданного из татар истребительного батальона Ахмет Зиятдинович Галеев. Комсомольская организация возбудила ходатайство перед Суражским подпольным райкомом комсомола о даче ему рекомендации для вступления в партию. Грозой для гитлеровцев была партизанская рота под командованием Х.Латыпова, состоявшая из татар»¹.

Однако татар в партизанских отрядах становилось все меньше. В феврале 1943 года отряд Сысоева состоял в основном из татар и башкир, а в декабре того же года их осталось считанные единицы².

В Национальном архиве Республики Беларусь имеется любопытный документ, описывающий судьбы тех легионеров, которые попали в партизанскую бригаду Алексея. Судя по нему, в феврале-марте 1943 года во время карательной операции «Шаровая молния» часть бригады Алексея была вытеснена гитлеровцами за линию фронта. Среди этих партизан оказались и бывшие солдаты и офицеры 825-го батальона. Многие из них, если не все, были арестованы органами СМЕРШ. На 22 июня 1943 года в лагере специального назначения № 174 в Подольске находился 31 человек из 825-го батальона. Судьба их неизвестна³.

Важное объяснение дал ветеран КГБ Татарстана, полковник в отставке Лев Николаевич Титов, один из исследователей истории органов безопасности. По его свидетельству, летом 1943 года в армейские части и партизанские соединения в тылу врага поступил приказ СМЕРШ об «изъятии» из их состава бывших военнопленных, перешедших из РОА, национальных легионов и других воинских формирований фашистской Германии. Из партизанских отрядов их отправляли на Большую землю самолетами, где они попадали в специальные лагеря НКВД. Сюда же направлялись легионеры по мере освобождения территорий от врага советскими войсками. В ходе допросов составлялись подробнейшие списки легионеров, которые направлялись в места отбытия ссылки, а после возвращения легионеров в регионы их постоянного проживания – в местные органы НКВД. Эти лица оставались под контролем органов безопасности до начала 70-х годов. Кроме того, в послевоенные годы чекистские органы вели поиск легионеров, скрывавших свою службу в Волго-татарском легионе и других коллаборационных частях. Такие лица также арестовывались и направлялись в лагерь.

Об этом свидетельствует, в частности, обнаруженный автором документ – список лиц, служивших в разных воинских формированиях противника, проживавших в Бавлинском районе ТАССР по состоянию на 13 февраля 1950 года. В нем названо 6 лиц, служивших в 828-м Волго-татарском легионе, с пометкой возле каждой фамилии – «арестован 26/XI-49 г.»¹

В другом документе, составленном чекистами Татарстана в 1951 году, приводится список 25 легионеров (в том числе 4 человека из числа служивших в 825-м батальоне), которые были арестованы, осуждены и содержались в особых лагерях МВД СССР².

В чем заключалась причина такого отношения к легионерам? Многие легионеры предназначались не только для участия в боевых действиях, но и для засылки в советский тыл для шпионской работы, а также в целях выявления неблагонадежных лиц на национальных территориях, которые планировала завоевать фашистская Германия. Так, после захвата советскими войсками бывших пропагандистских лагерей в Сувалках, Нойштедте (Наутимистис), Эбенроде, Погагене, Прошткенне, Нейхаммере, Демблине, Ченстохове и Острове (все на территории Польши) были найдены списки 674 секретных агентов, подготовленных из числа лиц туркестанских национальностей, причем в эту категорию подбирались учителя, писатели, врачи, агрономы, студенты, служащие, т.е лица, имевшие неплохую общеобразовательную подготовку³.

Кроме того, принимая немецкую присягу перед зачислением в легион, военнопленные публично отказывались от принесенной ранее в Красной Армии присяги, что считалось тягчайшим военным преступлением.

В настоящее время из 10 тысяч участников легиона «Идель-Урал» официально реабилитировано около двух десятков человек. Предстоит еще нелегкий поиск биографий и документов в отношении организаторов восстания в 825-м батальоне: врача из Чувашии Григория Волкова, назвавшегося Жуковым, командиров подразделений Рашида Таджиева, Александра Трубкина, Хусаина Мухамедова, Ахмета Галева, Анатолия Муталло,

И.К.Юсупова, В.Х.Лутфулина, Х.К.Латыпова и других, а также разведчицы Нины Буйниченко, переехавшей после войны из Белоруссии в Вильнюс. Совершенный ими в феврале 1943 года подвиг до сих пор еще достойно не отмечен.

Какова же судьба остальных батальонов «Идель-Урала»? 826-й батальон, сформированный в Едлино (Польша) в январе 1943 года, в феврале этого же года был переведен на станцию Едлино, где личный состав батальона некоторое время проходил строевую и тактическую подготовку. В боевом задействовании на советско-германском фронте он так и не был, по сведениям немецких архивов в марте 1943 года, он был переброшен в Голландию. По данным архивов госбезопасности, 15 августа батальон в полном составе был переброшен во Францию на побережье Атлантического океана в район города Нантес.

827-й батальон после формирования в феврале 1943 года на станции Едлино был направлен в Западную Украину, где первое время нес охранную службу немецких военно-стратегических объектов в районе городов Львов – Станислав (ныне Ивано-Франковск). После был направлен в Прикарпатье для борьбы против партизанского движения, где часть легионеров предприняла попытку перехода на сторону партизан. По поводу восстания в 827-м батальоне разные исследователи приводят самые противоречивые сведения. По свидетельству уфимского исследователя Н.И.Лешкина, судьба восставших оказалась трагична. Переговорщики из числа легионеров в поисках партизан вышли на бандеровцев и, приняв их за партизан, договорились об условиях перехода. Лжепартизаны должны были принять восставших ночью на поляне в урочище Черный Лес. Когда в назначенный час около 350 легионеров вышли на обозначенное место, «зеленые братья» встретили их огнем из станковых пулеметов. Однако эта версия основывается на рассказах местных жителей и документальных подтверждений этого события пока не найдено.

По архивным документам органов безопасности, примерно от 50 до 70 легионеров все же перешли к советским партизанам. Казанский джалиловед Р.Мустафин вообще пишет о 500 перешедших к партизанам легионерах 827-го батальона¹, однако документальные источники об этом также не найдены.

Достоверно же известно, что батальон потерял большое количество личного состава и осенью 1943 года его остатки были выведены во Францию в город Ле-Пюи. На Украине его сменил 828-й батальон, который в начале 1944 года в связи с наступлением советских войск был выведен на территорию Польши, а затем в Кёнигсберг, где был задействован в строительстве оборонительных сооружений.

829-й и 830-й батальоны были сформированы на территории Польши, на фронт не направлялись и несли охранную службу на территории Западной Украины и Польши.

Достаточных сведений в отношении 831-го батальона не имеется, известно лишь, что он после формирования сразу же был направлен на северное побережье Франции.

Легионеры саперного батальона строили оборонительные сооружения для немецкой армии на территории Украины и Польши. Штабной или запасной батальон дислоцировался на территории Польши на станции Едлино, а затем во Франции в г. Ле-Пюи.

Некоторые исследователи ошибочно причисляли к Волго-татарскому легиону 824-й батальон, относившийся к грузинскому легиону.

Сотрудники 2-го отдела МГБ Чувашской АССР, которых вряд ли можно подозревать в особом «сочувствии» к легионерам, составили в 1952 году справку, направленную для ознакомления в органы безопасности республик Урало-Поволжья, в которой писали следующее: «Попытка использовать Волго-татарский легион в борьбе против советских партизан и против Советской Армии на советско-германском фронте не дала особых положительных результатов. Немецкое командование в этом отношении потерпело полный провал. Многие легионеры, попавшие на службу в легион различными путями, не

желали воевать против советских войск и советских партизан. При первом же столкновении с партизанами старались перейти на сторону последних, зачастую уничтожая командный состав легиона. Поэтому немецкое командование решило использовать эти национальные легионы на Западе, вдали от родины легионеров – во Франции, Бельгии и Голландии, использовать их в борьбе против нарастающего боевого сопротивления французского и бельгийского народов, в обороне Атлантического вала, а также в борьбе против войск союзников, в случае их вторжения на материк¹.

29 сентября 1943 года Гитлер отдал распоряжение о переводе всех национальных частей с Восточного фронта в оккупированные страны Европы и на второстепенные театры военных действий. 2 октября приказом немецкого Генштаба из Польши во Францию переводилось командование восточными легионами. Передислокация всех батальонов и командования закончилась к середине ноября 1943 года². Штаб Волгo-татарского легиона был переведен во французский г. Ле-Пюи.

Предполагалось, что здесь, вдали от «большевистской пропаганды», боеспособность этих частей повысится. Однако результат оказался обратным. От боевого применения легионеров толку было мало. В июне 1944 года 1-я рота штабного батальона с личным составом в количестве 74 человек в районе местечка Сантанир перешла к французским партизанам. В книге Р.Мустафина «По следам оборванной песни» описывается малоизвестный эпизод о том, что летом 1944 года около 100 человек из 829-го батальона, несшего охрану железной дороги близ Ченстохова (Польша), вступив в переговоры с партизанами Героя Советского Союза И.Батова, перешли на нашу сторону, прихватив с собой несколько подвод связанных немцев¹. Известны факты участия легионеров-татар в рядах французского сопротивления. Многочисленные случаи дезертирства были в 826-м, 827-м, 828-м батальонах, вследствие чего немцами были разоружены 826-й и 827-й батальоны, а 828-й батальон расформирован. При приближении союзных войск на Западе легионеры без боя массами сдавались в плен.

Таким образом, гитлеровская доктрина о готовности военнопленных татар воевать против большевизма потерпела полный крах – ни один татарский батальон не был эффективно использован немецким командованием ни на Восточном, ни на Западном фронтах Второй мировой войны.

*Фотографии М.Ф.Бирюлина, В.А.Хабарова, Г.И.Сысоева
и И.Г.Григорьева предоставлены сотрудниками
Витебского областного музея им. М.Ф.Шмырева.
(См. в конце книги)*

*А.Ахтамзян,
доктор исторических наук,
профессор*

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «КУГЕЛЬБЛИЦ»

Чем дальше в историю уходят события Великой Отечественной войны, тем больше проявляется тенденция реваншистских сил в Европе – предать забвению многие существенные события и факты, особенно совместную борьбу народов Советского Союза и всего континента против фашистских захватчиков за свободу и независимость Родины. Эта тенденция особенно сильно проявляется в ряде стран Европы и в США, где появляются сотни книг и статей, в которых на первый план выводят и ставят в один ряд такие исторические фигуры, как Сталин, Черчилль и Рузвельт, и одновременно в позитиве изображают Гитлера, Муссолини, Франко. В то же время западные авторы, особенно в

Германии, стремятся переместить акценты и переложить ответственность за развязывание войны на Советский Союз и представить как подлинного триумфатора во Второй мировой войне Соединенные Штаты Америки. Чего стоят ставшие обычными заявления президентов США, когда они посещают Европу по случаю открытия Второго фронта 6 июня 1944 г. и участвуют в шоу в Нормандии: «Здесь началось, – заявляют они, – освобождение Европы». Все представляется таким образом, что будто бы не было ни разгрома вермахта на подступах к Москве, ни Сталинградской битвы, ни сражения на Курской дуге, ни стратегических ударов Советской Армии в 1944 г.

В связи с 65-й годовщиной победы советских войск в битве за Москву проведены мемориальные заседания и научные симпозиумы. Нельзя сказать, что их было достаточно. Именно здесь в сражении за Москву начался коренной перелом в ходе всей Второй мировой войны. Исход сражения за Москву в октябре 1941 – апреле 1942 гг. определялся не только умелым руководством Ставки, переброской и концентрацией резервных сибирских дивизий и самоотверженностью московского ополчения (это, разумеется, основные факторы), но и развернувшимся партизанским движением, прежде всего в Белоруссии. Подвиги партизан Белоруссии не должны и не могут быть преданы забвению. Историки все еще в долгу перед народами России, Белоруссии и Украины, да и перед другими народами в раскрытии исторической правды.

В период обороны Москвы и начавшегося наступления Красной Армии существенным фактором, определившим провал плана «молниеносной войны» – «плана Барбаросса», было партизанское движение в Московской, Брянской, Смоленской и Витебской областях, в целом на территории Белоруссии. В монографии «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны» под редакцией академика А.М.Самсонова (М., 1985) отмечено значение действий партизанских отрядов в Могилевской и Витебской областях Белоруссии: «В Витебской области Белоруссии активно действовал отряд, которым командовал М.Ф.Шмырев («батька Минай»). В апреле 1942 г. на базе отряда была создана 1-я Белорусская партизанская бригада» (С. 183). Вклад Белоруссии в разгром фашистских войск под Москвой необходимо исследовать специально. Обобщенные сведения о масштабах операций партизан на территории Белоруссии интересны не только для военных историков. Особый интерес представляет изучение событий в районе так называемых «Витебских ворот», на стыке стратегических направлений «Север» и «Центр» германского стратегического плана – директивы № 21.

Зимой 1943 г. на исходе Сталинградского сражения германское командование сосредоточило в районе «Витебского треугольника» 28 тысяч солдат и офицеров, чтобы по плану «Кугельблиц» («Шаровая молния») ликвидировать партизанские отряды, которые в этом районе насчитывали примерно 4 тысячи человек. Именно в этот район германское командование решило бросить 825-й батальон Волго-татарского легиона. Фактическая сторона этого события получила в последнее время освещение в ряде публикаций:

Ахтамзян А., Гареев М. Переход // Труд-7. 2003. 20 марта.

Гареев М., Ахтамзян А. Наши! Переход татарского батальона на сторону белорусских партизан // Татарстан. 2003. № 7.

Гайнетдинов Р. Переход 825-го батальона легиона «Идель-Урал» на сторону белорусских партизан // Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань, 2005.

Гилязов И. Легион «Идель-Урал». Казань, 2005.

Переход 825-го батальона татарского легиона рассматривается историками как эпизод Второй мировой войны, выходящий, однако, за рамки боев местного значения. Вместе с тем при изучении белорусскими исследователями партизанского движения в Белоруссии выявлены существенные факты и документы, которые дали обоснования для оценки этого события в более широком контексте. Далекое не случайно, что один из руководителей партизанского движения П.Понамаренко высоко оценил в свое время это событие в своем

докладе, с которым он выступил в Казани. Текст этого доклада было бы полезно выявить исследователям.

В имеющихся публикациях введен в научный оборот ряд принципиально важных документов. Одним из первых ценных документов, введенных в научный оборот, было «Сообщение ответственного Витебского обкома КП(б)Б К.И.Шемайса секретарю Витебского обкома КП(б)Б И.А.Стулову о переходе на сторону партизан 825-го батальона волго-татарских легионеров 23 февраля 1943 года», опубликованное в сборнике документов из белорусского архива «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (Т. 2. Кн. 1 (ноябрь 1942 – июнь 1943 гг.). Минск, 1974).

Теперь трудно установить последовательность выявления и введения в научные исследования документальных сведений об этом событии. Однако следует отметить, что весьма ценной была подборка или выборка нескольких документов, переданная президенту Академии военных наук Российской Федерации генералу армии М.А.Гарееву по его запросу заместителем государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь М.Шалевым 19.12.2001 г. Особенно интересен фрагмент из второго тома отчета партизанского движения за 1943 г. «Итоги борьбы партизанских отрядов Белоруссии с немецкими захватчиками...», а также отдельные документы из переписки белорусского штаба партизанского движения со штабом спецлагеря СМЕРШ № 174 в Подольске, имевшей место еще в 1943 г.

Несомненную ценность представляют собой документы, выявленные в белорусских архивах: отчет комиссара отряда тов. Сысоева И.Г.Григорьева от 5 марта 1943 г., а также более поздние документы, например, записка «негласной партизанки» Нины Буйниченко.

В нынешнем году интерес к этой теме повысился в связи со 100-летием со дня рождения Героя Советского Союза – поэта Мусы Джалиля. Участие в научном симпозиуме в Татарском культурном центре в Москве директора Витебского областного музея им. Героя Советского Союза М.Ф.Шмырева Нины Александровны Шишковой стало серьезным вкладом в исследование этой темы. Представленные ею материалы существенно расширили список татарских патриотов, которые перешли к партизанам в Белоруссии в феврале 1943 г. и были зачислены в разные партизанские отряды, и приняли участие в боях против фашистских войск в первые же дни после перехода. 825-й батальон насчитывал 930 человек. Достоверно известно, в т.ч. по германским источникам, что численность участников перехода была свыше 500 бойцов. Многие из них мужественно сражались в рядах партизанских отрядов и погибли в боях. Судьба большинства из них до сих пор неизвестна даже частично. Между тем это имеет большое морально-политическое значение не только для родственников, но и для татарского населения всей Российской Федерации, да и других регионов. На конец 2006 г. нам известны фамилии примерно 70 человек из более чем 500 перешедших к партизанам в Белоруссии в феврале 1943 г.

Исследователи в Москве и в Казани возлагают определенные надежды на содействие белорусских исследователей, которые могли бы в ходе целенаправленного поиска выявить фамилии включенных в белорусские отряды бойцов и, возможно, получить сведения об их дальнейшей судьбе. Публикация этих данных представила бы большой общественный интерес.

В монографии И.А.Гилязова «Легион «Идель-Урал», выпущенной в Казани в 2005 г., имеется небольшая глава под названием «825-й батальон», в которой с использованием не только исследований отечественных авторов, но и германских архивных документов дано представление о формировании этого батальона Волго-татарского легиона и об обстоятельствах его перехода к партизанам в Белоруссии. Книга в целом насыщена документальными сведениями из германских архивов и довольно полно отражает историю формирования батальонов Волго-татарского легиона. Автор характеризует 825-й батальон как «самый известный из всех созданных татарских батальонов» (С. 182). Правда, в ссылках на литературу допущен ряд неточностей, не обычных для исторических исследований. Например, неверно написана фамилия известного в России генерала армии

Махмута Ахметовича Гареева, а имя другого автора статьи, которая была опубликована в журнале «Татарстан» в 2003 г. (в июльском номере), на которую ссылается автор, вообще не упомянуто, опущено.

Определенную ценность представляет собой выявленный И.Гилязовым документ так называемый «Штаммцеттель», в котором зафиксированы данные о составе 825-го батальона при его формировании, правда, не выявлен список личного состава. Документ периода войны гласит: «825-й пехотный батальон в следующем составе: штаб, штабная рота, четыре роты, номер полевой почты 42683 А-Е. Находится в распоряжении командующего военного округа в генерал-губернаторстве. Войсковое подразделение. Запасное место расположения в Радоме (лагерь Едлино). Для немецкого персонала – гренадерский запасной батальон 304, Плауэн». Хотя численность батальона не указана в этом документе, можно по последующим документам считать, что примерная численность батальона была равна 900 человек. Уже в момент формирования командиром назначен немецкий офицер майор по фамилии Цёк.

Само событие – переход батальона к партизанам в Белоруссии – мы знаем больше по нашим источникам, однако и германские документы сообщают существенные факты. И.Гилязов излагает событие по публикациям Р.Мустафина, И.Забилова и другим названным выше источникам отечественных исследователей. Однако сведения об операции «Кугельблиц» («Шаровая молния») получены им из германских архивов.

Полагаем, что сотрудничество Национального музея Республики Татарстан с Витебским музеем и белорусскими архивами может дать дополнительные сведения об этом эпизоде Великой Отечественной войны. Такое сотрудничество могло бы быть полезным для выявления личного состава 825-го батальона, включенного группами по 20–30 человек в различные партизанские отряды в районе Витебска.

Состояние партизанских отрядов к февралю 1943 г. в районе Витебска наглядно представлено в экспозициях Музея им. М.Ф.Шмырева. Оно прослеживается буквально с первых недель войны. Организатором партизанского сопротивления оккупантам в Суражском районе стал по поручению обкома партии М.Ф.Шмырев, имевший боевой опыт времен Гражданской войны. В ночь на 13 июля 1941 г. он собрал рабочих местной картонажной фабрики и увел их в лес за речку Туровку, на подготовленную там партизанскую базу. 25 июля 1941 г. близ хутора Самохвалиха была проведена первая боевая операция, а в ночь с 9 на 10 сентября 1941 г. отряд М.Ф.Шмырева совершил нападение на немецкий гарнизон в поселке Сураж. Так началось массовое движение против оккупантов, которые жестоко расправились с семьей М.Ф.Шмырева: малолетние дети, в т.ч. трехлетний сын, были зверски убиты после отказа их отца явиться «с повинной» к германским властям.

Боевые действия партизан Белоруссии в целом, несомненно, имели значение для исхода сражения за Москву. Диверсии на железных и автомобильных дорогах, нападения на гарнизоны и другие акции партизанских отрядов в Белоруссии в 1941–1944 гг. были серьезным фактором борьбы против нацистских оккупантов. Партийная организация Белоруссии была фактическим руководителем партизанского движения на местах, координировала действия отдельных отрядов. Постепенно сложились соединения партизан. На основе партизанских отрядов Витебска в области сформировалась 1-я Белорусская партизанская бригада. Разумеется, решающее значение имело поддержание связи с Большой землей, с командованием Советской Армии. Для этого была использована сложившаяся в этом районе оперативно-стратегическая ситуация.

Германское командование удерживало позиции в этом направлении в течение длительного времени. Однако после поражения под Москвой, а затем и в Сталинграде положение на этом направлении осложнилось. В районе «Витебского (Суражского) треугольника» активно действовали партизанские отряды, используя для связи с Большой землей так называемые «Суражские ворота». Именно в этом районе на стыке направлений «Север» и «Центр» германского вторжения образовался разрыв линии фронта. В

пространстве примерно в 40 километров от местечка Усвят до места Велиж образовался проход с оккупированной территории на территорию Смоленской области, получивший название «Витебские или Суражские ворота», через которые партизаны получали оружие и боеприпасы, переводили с оккупированной территории наших граждан, которые пополняли ряды Советской Армии.

После сокрушительного поражения в Сталинграде еще не потерявшее окончательно стратегической инициативы германское командование решило уничтожить партизанские отряды в этом районе. Для этого был выработан план под кодовым названием «Кугельблиц» («Шаровая молния»). Германское командование хотело в период с 22 февраля по 8 марта 1943 г. силами группировки войск численностью примерно в 28 тысяч человек ликвидировать партизанские отряды, численность которых оценивалась примерно в 4 тысячи человек. Именно туда в район Витебска и был направлен первый из созданных в Радоме (Польша) татарских батальонов. Общее командование операцией возложено на генерал-майора Якоби и генерал-майора фон Вартенберга.

И.Гилязов сообщает, что специальная команда Абвера расследовала последствия перехода татарского батальона. В итоге расследования был сделан вывод: «Батальон после полугодовой подготовки впервые вступал в бой. В составе его было около 900 человек, из них около 60 немцев. Он был очень хорошо вооружен: три противотанковые пушки, пулеметы, легкие и тяжелые гранатометы. Командир батальона майор Цёк высказал в разговоре мнение, что идейное воспитание легионеров в результате недостатка времени оказалось слабым. Когда отряды прибыли на опорные пункты, расположенные далеко друг от друга, и оказались лицом к лицу с сильным противником, они стали легкой добычей советской пропаганды» (С. 185). Особенно важен и интересен вывод органов Абвера относительно организаторов восстания и перехода к партизанам: «Насколько известно, отдельные интеллигентные татары принимали участие как руководители мятежа, который начался ночным нападением на немецкий персонал» (С. 185). Особенно примечательно признание роли «интеллигентных татар» в подготовке и организации перехода батальона.

По данным полевой полиции от 14 марта 1943 г., к партизанам перешли 557 человек из состава батальона. Германские разведчики отметили, что участники перехода сдались бригаде Бирюлина у торфяной фабрики (на самом деле на месте доломитовых разработок в м. «Руба»), что их разбросали группами по 20–30 человек по разным отрядам. Отряды ушли в северном направлении к озерам в районе Козловичи¹.

В связи со 100-летием со дня рождения Мусы Джалиля в Москве в Татарском культурном центре был проведен международный симпозиум, посвященный этой дате. В научной конференции приняли участие директор Витебского областного музея им. М.Ф.Шмырева Ирина Александровна Шишкова, которая выявила новые дополнительные сведения, касающиеся личного состава татарского батальона, включенного малыми группами в партизанские отряды после 23 февраля 1943 г., в частности в отряд под командованием Г.И.Сысоева. Список включал 20 человек.

Последующие усилия исследователей позволили выявить в фондах областного музея в Витебске еще один список бойцов татарского батальона – список бойцов, включенных в отряд Гурко. История этой находки заслуживает отдельного рассмотрения.

В начале 80-х гг. в суражском лесхозе, где начальником был Петр Никифорович Громыко, родом из известного по биографии А.А.Громыко села Громыки в Белоруссии, проводились работы по восстановлению лесного фонда. На одной из делянок (судя по всему, там в годы войны была партизанская база) случайно лесники наткнулись на ящичек из оцинкованной жести из-под боеприпасов времен войны. В этом захоронении оказались документы партизанского отряда, которые были переданы в руки местного краеведа В.Т.Кухаревой, которая много сделала для сохранения реликвий суражского партизанского движения. На следующий день на место прибыли представители компетентных органов и изъяли документы. Это были документы отряда Гурко. Они

оставили вещественное доказательство – цинковый ящичек – местным краоведам. В.Т.Кухарева сохранила копию списка, в котором имеется около 50 имен и фамилий лиц, явно татарского происхождения. Этот список был передан в Витебский областной музей, в фондах которого он и находится.

В сентябре 2006 г. генерал-полковник Мансур Салахутдинович Хакимов, вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка получил этот список от Витебского музея, о чем было сделано сообщение в московской газете «Татарские новости» № 10/147. Цинковый ящичек остается в экспозиции названного музея (см. вклейку). Этот документ существенно расширил список личного состава, перешедшего к партизанам.

В декабре 2006 г. в Витебске состоялась международная встреча, посвященная 115-й годовщине со дня рождения «бабки Миная» – Героя Советского Союза Миная Филипповича Шмырева. В работе научной сессии приняли участие прибывшие из Москвы вице-президент АБОП генерал-полковник, доктор юридических наук М.С.Хакимов и автор этих строк, выступившие с сообщениями по проблематике перехода 825-го батальона к партизанам именно в этом регионе Белоруссии.

Гости из Москвы побывали в поселке Сураж, что в нескольких десятках километров от областного центра. Там гости из Москвы встретились в местном совете с ветеранами Валентиной Тимофеевной Кухаревой и Петром Никифоровичем Громько, которые рассказали о случайной находке в лесу, подтвердив таким образом подлинность документов, а главное – подлинность копии списка татарских бойцов, включенных в отряд Гурко.

В.Т.Кухарева сообщила также, что в 80-х гг. в Сураж приезжали молодые следопыты из Татарстана, интересовались историей партизанского движения в Белоруссии. Она рассказала также, что имела место переписка ее с вдовой Г.Г.Галеева, которая выясняла судьбу своего мужа.

В экспозиции Витебского областного музея им. М.Ф.Шмырева имеется стенд, где выставлен документ с грифом «1-я Б.И.Б. П/О Машкова/14.10.43 г. Лагерь». Документ имеет название «Боевая характеристика» (см. в конце книги) и начинается словами: «Галеев Галимзян Гарифулович состоит в партизанском отряде с 23 февраля 1943 г.» (см. фото в конце книги). Характеристика написана от руки и подписана начальником штаба Машковым. Получение ксерокопии этого документа представляет интерес для исследователей истории перехода татарского батальона к партизанам в Белоруссии. Эта фамилия дополняет список, причем с указанием точной даты включения в отряд: 23 февраля 1943 г. В фондах музея имеется также документ под названием «Объяснение». Написал его Габданур Муллахмедович Ганеев (см. вклейку), который был помощником командира роты в 825-м батальоне, вел воспитательную работу с личным составом. «В результате, – отметил он, – моя рота полностью перешла на сторону партизан, уничтожив инструкторов и командира роты». Выяснение судьбы Г.М.Ганеева представляет, несомненно, интерес для исследователей истории перехода 825-го батальона (Татарские новости. 2006. № 10).

На основе имеющихся к настоящему времени документальных свидетельств можно уточнить количество бойцов татарского батальона, перешедших к партизанам под Витебском в ночь с 22 по 23 февраля 1943 г. Оптимальная цифра численности 825-го батальона при формировании – это 930 человек, в том числе 60 немецких офицеров, унтер-офицеров и инструкторов. В первых сообщениях, в частности в сообщении К.И.Шемялиса от 23 февраля 1943 г., естественно, была названа оптимальная численность батальона, очевидно, без учета бойцов, не получивших сигнала о переходе и оставшихся на той стороне в отдаленных пунктах расположения. В последующих документах бригады Бирюлина названа уже иная цифра – 506 человек. Однако более точной представляется количество ушедших к партизанам, указанное в германских документах, – 557 человек. Причем в это число могли быть включены схваченные германскими оккупантами и

расстрелянные руководители подпольных групп: Г. Жуков, Р. Таджиев, Рахимов, возможно, другие. Принятие этой цифры не означает, что точно 557 были включены в отряды партизан и попали в списки личного состава, тем более что уже 28 февраля включенные в разные отряды бойцы батальона пошли в бой вместе с партизанами и погибли в бою.

Во всяком случае количество участников перехода было более 500, а количество стрелкового оружия, указанное в отчетах (550), указывает на это количество, хотя часть вооружения могла поступить к партизанам с обозом. Участники перехода привели с собой конный обоз из 26 подвод: батальонный обоз в полном составе. Что касается цифры 506, то это точная цифра принятых в бригаду Бирюлина 150 человек и в бригаду Захарова – 356 человек.

Список личного состава, точнее перешедших к партизанам бойцов, выявлен к настоящему времени лишь частично: примерно 70 имен и фамилий из отряда Г. Сысоева, отряда Гурко и других. Выявление списков личного состава бригад М. Ф. Бирюлина и Я. З. Захарова могло бы означать и создание более или менее полного списка. Задача исследователей состоит в том, чтобы найти в белорусских архивах документы этих бригад. Если иметь в виду находку бумаг отряда Гурко, то можно предположить, что какая-то часть их может находиться в земле в местах партизанских стоянок и баз.

В статье Рустама Гайнетдинова, опубликованной в одном из томов издания «Гасырлар авазы – Эхо веков» высказаны критические замечания в адрес исследователей (имеются в виду Г. Кашшаф, Р. Мустафин, И. Забилов и другие), допуская «при описании деталей восстания 825-го батальона серьезные фактические ошибки, неточности и произвольные толкования». В числе первых произвольных толкований автор называет намерение связать восстание в 825-м батальоне с именем Мусы Джалиля. «Лишь в последние годы появились исследования, в которых доказано, что восстание было подготовлено «без участия поэта-героя». Подпольная работа в Волго-татарском легионе началась «задолго до того, как М. Джалиль получил возможность к ней подключиться». При этом автор делает ссылку на мою публикацию в московской газете «Татарские новости» (2004, № 8). Хотелось бы узнать, где автор получил «документальные свидетельства» неучастия Мусы Джалиля в подпольной работе в лагере, где находились татарские военнопленные. На деле набор в легион начался, как известно, еще в крепости Демблин на Висле, где находился Муса Джалиль осенью 1942 г. Очевидно, что именно там сложились подпольные группы, которые и подготовили переход к своим татарским легионерам. Прямых доказательств участия М. Джалиля в подготовке перехода к партизанам нет, да и не может быть, хотя какие-то сведения могут быть найдены в архивах германских спецслужб. Однако для предположения участия поэта в работе подпольных групп уже в Демблине довольно много оснований. Восстание 825-го батальона и переход к партизанам были, видимо, действительно «мощным стимулом» для продолжения антифашистской борьбы, но не «подключения» к ней. В день отправки батальона в Белоруссию 14 февраля 1943 г. М. Джалиль уже находился в Берлине и встречался с другими участниками подполья.

В итоге расследования инцидента команда Абвера пришла к выводу, что подготовили переход батальона «интеллигентные татары», находившиеся в местах обучения, т. е. в лагерях для татар. Конечно, германские спецслужбы не прекращали слежку, более того, усилили ее после провала операции «Кугельблиц», чтобы получить доказательства участия «интеллигентных татар» в подрывной работе. Вся совокупность фактов и известных нам документов дает основания для гипотезы, что Муса Джалиль, Гайнан Курмашев и их соратники и были теми татарскими интеллигентами, которые вели подпольную антифашистскую работу и готовили восстания в батальонах татарского легиона: 825-м и последующих. Это была разветвленная сеть подпольных групп сопротивления, созданная еще в Демблине и продолжавшая свою работу в лагерях пленных татар и легионеров.

Выявленные И.А.Шишковой и переданные генерал-полковнику М.С.Хакимову данные, опубликованные в московской газете «Татарские новости» (2006, № 10), вызвали интерес у общественности не только в Москве и в Казани, но и в Берлине. Продолжение исследовательского поиска может дать новые документальные находки, представляющие научный и общественный интерес. Очередная задача исследователей состоит в том, чтобы не ограничиваться списком из 70 человек, который удалось теперь составить, и по возможности дополнить его. Для решения этой задачи необходимо содействие белорусских исследователей и архивистов. Исследовательский поиск в треугольнике Москва–Казань–Минск продолжается.

Послесловие: когда статья была написана и подготовлена для сдачи в редакцию, из Белоруссии пришел долгожданный ответ на запрос Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка России относительно личного состава татарского батальона, перешедшего к партизанам 23 февраля 1943 г. Группа исследователей под руководством вице-президента Академии генерал-полковника Мансура Салахутдиновича Хакимова внесла заметный вклад в изучение судьбы участников перехода и участия татар в антифашистском сопротивлении.

В августе 2007 г. получен пакет документов из фондов Национального архива Республики Беларусь, ранее неизвестных исследователям. Особый интерес представляют собой подробные списки личного состава, включенного в партизанские отряды «Суражского треугольника» 23 и 24 февраля 1943 г. Известный нам ранее список татарских воинов-партизан теперь существенно расширяется. Имеются и другие находки.

Ранее исследователям был известен документ под названием «Донесение комиссара 1-го партизанского отряда И.Григорьева комиссару 1-й Витебской партизанской бригады В.Хабарову о приеме в отряд личного состава 825-го батальона Волго-татарского легиона» от 5 марта 1943 г. Полученная рукописная копия документа была опубликована Рустамом Гайнетдиновым в издании «Гасырлар авазы – Эхо веков» к 60-летию Победы. Полученный из Национального архива Белоруссии новый документ на восьми страницах, написанный каллиграфическим почерком, имеет заголовок «Секретарю обкома КП(б)Б тов. Жилиянину от комиссара п/отряда тов. Сысоева 1-й Витебской партизанской бригады Григорьева Исаака Георгиевича». (Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1336. Оп. 1. Л. 108–111.)

Дата на копии документа не отражена, однако понятно, что это более поздний документ. Текст аналогичный, можно сказать, идентичный, с некоторыми отличиями редакционного характера. Однако в заключительной части документа содержатся сведения, которые дополняют и конкретизируют имевшиеся ранее представления. Существенное значение для историков имеет сообщение: «Разоружили 476 человек и направили в распоряжение бригады на территорию торфозавода, где им был сделан доклад тов. Каганом о международном положении. После чего 356 человек наша бригада направила в распоряжение командира бригады 1-й ВПБ (Витебской партизанской - бригады. – Г.Р.) тов. Захарова, а остальных 120 человек разослали по отрядам нашей бригады, в том числе еще в наш отряд 24 человека» (Л. 110а). Здесь слово «еще» нуждается в пояснении: ранее комиссар сообщил, что под свою ответственность, т.е. вопреки указанию командования, 30 вооруженных бойцов были оставлены в отряде с целью ввести их в бой в тот же день – 23 февраля. В отряде было мало бойцов, не было артиллеристов и минометчиков. Документ сообщает как факт: «В тот же день, покормив оставшихся в нашем отряде татар, взяв вооружение, направили в бой совместно с нашими партизанами в р-н Красного двора и д. Тарасовка под нашим руководством. Храбро и смело артиллеристы и минометчики выпустили более 400 мин и снарядов по противнику. Пулеметчики подпускали на близкое расстояние противника и косили пулеметным огнем. Бой держался с утра до ночи. Отличились в этих боях татары: командир батареи Латыпов, командир взвода Юсупов, командиры 1-го, 2-го и 3-го орудия Хафизов, Шакиров, Касимов, а также минометчики и пулеметчики. Понятно, что в отряде не могло быть

такого количества боеприпасов накануне боя, что против оккупантов применили боеприпасы, привезенные обозом 825-го батальона. Документ повествует, что после боя немецкие солдаты и офицеры опрашивали местных жителей: какая воинская часть была в деревне? Жители отвечали, что это были партизаны. Немцы на это якобы говорили: «Нихт партизан, это солдат, воинская часть». На следующий день, 24 февраля бой вели в районе Кобылихи, возможно Ковалева, «с участием наших татар». Отряд дважды переходил в контратаку. Татары приняли участие и в «остальных боях». 28 февраля отряд организованным порядком стал выходить из окружения в районе щелбовского леса, внезапно нанеся удар по войскам противника.

По сведениям командования отряда за время второй экспедиции карателей ликвидировано свыше 400 солдат и офицеров противника, уничтожено 5 автомашин и 3 повреждены, пущен под откос эшелон. Потери нашей стороны были минимальными в значительной части благодаря участию татарских артиллеристов и пулеметчиков. Из татарских бойцов была сформирована рота в составе 53 человек, придав роте политрука Немыкина и помощника Новикова. Налажена политработа: беседы, боевые листки и т.п. Во время выхода из окружения многие татары погибли в щелбовском лесу, поскольку шли в бой самоотверженно, не щадя жизни, плохо ориентировались в незнакомых местах, а из-за того, что были в немецкой униформе, не получали помощи от местных жителей. Было бы справедливо на месте гибели наших соотечественников в щелбовском лесу, возможно, на том месте, где был найден ящичек со списком бойцов, установить мемориальную плиту. В итоге боев при выходе из окружения полегли татарские воины. В отряде Сысоева остались 27 человек, в отряде Сыробая всего 4. Наибольшие потери понес отряд в бригаде Сысоева. Разведгруппа, посланная в деревню Сеньково, сообщила, что оккупанты всячески издевались над оставшимися там татарами, которые не успели уйти со своими. Их разоружили и куда-то увезли. Командование партизан тогда же узнало, что организатор перехода батальонный врач Г.Жуков был тотчас расстрелян на месте, схваченные одновременно Рахимов и Таджиев увезены в Витебск.

Приведенные сведения, как нам представляется, существенно дополняют картину перехода 825-го батальона к партизанам в Белоруссии, их участия в последующих боях против немецких оккупантов, частично также их дальнейший путь. К сожалению, пока мало сведений о последующих событиях и судьбах участников перехода. Часть из них погибла в первых же боях и при выходе из окружения, другая часть, особенно офицеры, немедленно были отправлены через линию фронта в РККА или в лагеря СМЕРШ. Об этом свидетельствует другой документ, полученный благодаря усилиям М.С.Хакимова. Это списки личного состава отрядов Витебской партизанской бригады. Впервые в наших руках довольно подробный список с указанием фамилий, имен и отчеств, указаны год рождения, национальность и даты зачисления в отряды, наконец даны адреса довоенного жительства. Последняя колонка в списках отмечает, куда выбыл боец или когда погиб, пропал без вести.

Судя по этим документам нашим соотечественникам пришлось пройти через суровые испытания и на поле боя, и в лагерях. Особо следует отметить и изучить дату 19 мая 1943 г., когда в районе Витебска имело место жестокое сражение, во время которого погибло большое число татарских патриотов. Этот список надо бы детально расшифровать. Чтобы дать представление относительно ценности этого документа для истории, приведем лишь несколько фамилий и имен, которые могут еще представлять интерес для родственников погибших или пропавших без вести участников войны:

Гатауллин Умер Каримович – 1910 г.р., рядовой, до войны грузчик с окладом в 350 рублей, довоенный адрес: г. Казань, Подометова, № 144 (уточнение по другому списку: Падометь, д. 149, кв. 1), погиб 19.05.43.

Бикбаев Фатых Сабирович – 1913 г.р., рядовой, колхозник, ТАССР, Камо-Устьинский р-н, д. М.Салтык (Кече Салтык), пропал без вести 19.05.43.

Мингалиев Нургали – 1914 г.р., рядовой, ТАССР, Арский р-н, д. Касельня (Качелино?), пропал без вести 19.05.43.

Хузин Тимербай – 1920 г.р., ком. отделения, бригадир к-за, адрес: ТАССР, Совинский р-н (возм. Сабинский р-н), д. Шитцы (возм. Шикши), отправлен за линию фронта в РККА.

Шашахметов Гумер Сагдиевич – 1921 г.р., рядовой, автослесарь с окладом в 400 рублей, адрес: г. Казань, Комсомольская, 20, кв. 10.

Елезитинов Хасан – 1906 г.р., рядовой, член ВКП(б) с 1930 г., председатель сельпо, ТАССР, Агрызский р-н, д. Туба.

Шарипов Рахим Шахит (возм. Шарипович) – 1917 г.р., рядовой, ТАССР, Кочмарский р-н (Кукморский), д. Момашир (Мамашир), пропал без вести 19.05.43.

Бурхаев Вали Бурханович – 1919 г.р., рядовой, ТАССР, Заинский р-н, д. Шивки (возм. Шикмай), пропал без вести 19.05.43.

Шайдулин Самат – 1909 г.р., рядовой, ТАССР, Дарженский р-н, д. С.Какарлино (точнее: Дрожжановский р-н, Иске Какерли), пропал без вести 19.05.43.

Хабибуллин Габидула – 1916 г.р., рядовой, до войны – бухгалтер с окладом в 325 рублей, ТАССР, Муслюмовский р-н, д. Митреево, отправлен за линию фронта в РККА.

Галлямов Файзи – 1921 г.р., ТАССР, Лаишевский р-н, д. Атабай. Погиб 19.05.43.

Шарифулин Шайми – 1918 г.р., ТАССР, Балтасинский р-н, д. Бурбаш, пропал без вести 19.05.43.

Юсупов Закир Григорьевич – 1917 г.р., образование – 7 кл., председатель сельсовета, ком. взвода, ТАССР, Аксубаевский р-н, д. Ибрайкино (Яна Ибрай), отправлен за линию фронта в РККА.

Список можно продолжить, если у читателей, возможно, родственников или знакомых это вызовет отклик и интерес, а редакция найдет возможность для опубликования такого списка личного состава татарского контингента партизанских отрядов в Белоруссии, большая часть которого, видимо, числится в списках пропавших без вести. В ставших нам доступными списках имена партизан разных национальностей: чуваша, мордва, белорусы, русские и одна латышка, выходцы из разных городов Саратовской, Астраханской, Пензенской областей, Башкортостана. Восстановление доброго имени людей, отдавших жизнь за Родину, это дело чести нового поколения соотечественников. Пусть остается в силе девиз: «Никто не забыт, ничто не забыто».

2008

И.Шишкова,

Витебск, Республика Беларусь

ПОИСКИ И НАХОДКИ НА МЕСТЕ СОБЫТИЙ

Газета «Труд-7» от 27 марта 2003 года, статья Махмута Гареева и Абдулхана Ахтамзяна «Переход» для сотрудников Витебского областного музея им. Героя Советского Союза М.Ф.Шмырева открыли еще одно направление в научно-исследовательской работе по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Именно с этого момента в музее стали работать над темой «825-й батальон. Волго-татарский легион», встречаться с бывшими партизанами 1-й Белорусской, 1-й Витебской и имени Краснознаменного Ленинского комсомола партизанских бригад, проводить ряд научных экспедиций по местам, связанным с переходом и боевыми действиями легионеров, записывать воспоминания очевидцев этого события.

В феврале 1943 года, когда весь мир находился под впечатлением от разгрома германского вермахта в Сталинградском котле, на территории Белоруссии произошло

событие, которое получило отражение в документах партизанского движения. Однако это событие малоизвестно широкому кругу как исторический факт.

По мере того как борьба советских партизан в тылу врага усиливалась, немцы стали увеличивать число охранных частей, создаваемых из местного населения и военнопленных. Эти соединения получали немецкое обмундирование и вооружение с трофейных складов, проходили военную подготовку под руководством немецких офицеров и превращались, таким образом, в боевые части, которым ставились самые разнообразные задачи – от охраны объектов до проведения карательных экспедиций в партизанских районах. За такими соединениями закрепилось название восточных батальонов и рот.

Первоначально местные формирования старались использовать в относительно спокойных районах, но со временем усиление партизанского движения на оккупированных территориях заставило германское командование активнее вовлекать эти формирования в борьбу с партизанами. Осенью 1942 года, когда развернулось германское наступление на Сталинград, началось формирование так называемого «Волго-татарского легиона». Вербовка в легион «Идель-Урал» началась в 1942 году по всем лагерям военнопленных. Люди шли в легион под угрозой смерти. Ценой огромных усилий фашистам удалось создать несколько национальных батальонов, в том числе и 825-й, который должен был первым выступить с оружием в руках против своей Родины. Формирование легиона происходило на оккупированной немцами территории Польши, в районе местечка Едлино близ Радома. Командиром национального легиона был майор Оскар фон Зеккендорф.

Документы германского военного архива свидетельствуют о том, что начало формирования Волго-татарского легиона относится к лету 1942 года. В распоряжении германского командования от 1 июля впервые упоминается это название, а в приказе начальника штаба Кейтеля от 1 августа было предписано формировать легион из татар, башкир, мордвы, чувашей и мари, понимающих по-татарски. Формирование легиона в лагере Едлино под Радомом началось 21 августа 1942 года. Первоначально сборным пунктом для пленных татар было местечко Седльце «А», недалеко от Едлино. Уже в июле там было собрано 2550 человек. К 6 сентября формирование легиона стало фактом: в этот день ему вручили «знамя». Другим сборным пунктом служил «шталаг» 307 в Демблине, где на 1 сентября 1942 года находилось 1800 татарских пленных. Германское командование планировало провести обучение и «перевоспитание» татарских легионеров в период с 1 октября 1942 года до 1 января 1943 года, чтобы направить легион на борьбу против партизан в оккупированных областях.

Помимо выполнения специальных задач – борьбы с партизанами, разведывательно-диверсионных, личный состав батальонов готовился к пропагандистской работе по привлечению на немецкую сторону перебежчиков из числа представителей различных народов и к организации антисоветских восстаний на территории национальных республик. Прибывавшие из лагерей военнопленные – будущие легионеры уже в подготовительных лагерях разбивались по ротам, взводам и отделениям и приступали к обучению, включавшему на первом этапе общефизическую и строевую подготовку, а также усвоение немецких команд и уставов. По завершении начального курса обучения новобранцы переводились в батальоны, где получали обмундирование, снаряжение и оружие и начинали занятия по тактической подготовке.

По замыслу германского командования первые батальоны Волго-татарского легиона должны были сформироваться по определенному графику: 825-й батальон к 1 декабря 1942 года, 826-й батальон к 15 декабря 1942 года (фактически к 15 января 1943 года), 827-й батальон к 1 января 1943 года (фактически к 10 февраля 1943 года). В этой последовательности планировали и введение батальонов в действие.

Каждый полевой батальон имел в своем составе 3 стрелковые, пулеметную и штабную роты по 130–200 человек в каждой; в стрелковой роте – 3 стрелковых и 1 пулеметный

взводы, в штабной – взводы противотанковый, минометный, саперный и связи. Общая численность батальона составляла 800–1000 солдат и офицеров, в том числе до 60 человек германского кадрового персонала (Rahmenpersonal): 4 офицера, 1 чиновник, 32 унтер-офицера и 23 рядовых. У немецких командиров батальонов и рот были заместители из числа представителей той или иной национальности. Командный состав ниже ротного звена был исключительно национальным. Оружие в избытке предоставлялось со складов трофейного советского вооружения.

Зимой 1943 года на исходе Сталинградского сражения германское командование сосредоточило в районе «Витебского треугольника» 28 тысяч солдат и офицеров, чтобы по плану «Кугельблиц» («Шаровая молния») ликвидировать партизанские отряды, которые в этом районе насчитывали примерно 4 тысячи человек силами четырех полков 201-й дивизии под командованием генерал-майора Якоби и генерал-майора Вартенбурга. Именно здесь решено было использовать 825-й батальон Волго-татарского легиона.

14 февраля 1943 года 825-й батальон численностью примерно в 900 человек, включая штаб, состоявший из германских военнослужащих, численностью в 60 человек, был направлен в район городов Витебск–Орша для борьбы с партизанами. Командовал им майор Цёк, его заместителем был татарин Мухамедов. Батальон прибыл в Витебск 18 февраля и направлен к деревне Бельновичи по суражской дороге вдоль берега Западной Двины. Подразделения батальона разместились в деревнях Гралево, далее Совари (название населенного пункта на основании военно-топографической карты генерального штаба РККА № 36-25-Б (Бабиничи), 1938 год. – *Авт.*), Сеньково. Тотчас по прибытии на место организаторы перехода установили контакт с партизанами через местных жителей и договорились о направлении к партизанам своих представителей для переговоров об условиях перехода. Сохранились документальные свидетельства об этом, в частности записка «негласной партизанки» Нины Буйниченко.

В этой же записке она говорит о том, что партизанским отрядам «были даны указания о переводе военнопленных и солдат, состоящих в армии «власовцев», на сторону партизан. Все из этой же записки мы узнаем, что к ней на квартиру заходили: военврач по фамилии Жуков (он же Волков, был чувашской национальности), который в 1942 году попал в плен к немцам, после чего был направлен в город Радом, где концентрировался Волго-татарский легион, и работал там врачом; его товарищ по подпольной борьбе Муталло Анатолий – ветврач. Они расспрашивали о том, кто и как мог бы помочь в установлении связи с партизанами.

Летом 2008 года Нина Федоровна Буйниченко приезжала в родные края, где каждый раз ее не покидало стремление пройти «партизанскими тропами» своей молодости. И в этот раз она встречалась с учителем истории Бабинической средней школы Виктором Васильевым, Нина Федоровна тоже выпускница этой школы, и вот как она описывает события тех дней: «Немцы пришли, и деревня затаилась. Но это были странные немцы. Они никого не трогали. За каждую миску картошки и кринку молока расплачивались марками. Между собой говорили не по-немецки, а на каком-то странном, непонятном наречии. И песни у них были необычные: длинные, тягучие и печальные. Почти все хорошо говорили по-русски. Оказалось, это был татарский батальон. В первое же утро после размещения в деревне Сеньково недалеко от Бабиничей татары-подпольщики, встретив хлопчика Толю Прохоренко, уговорили его показать дивчину, которая не дружит с немцами. Так они оказались в нашей хате. Мы разговорились, и гости рассказали, что в легионе действует подпольная антифашистская организация и что большинство его бойцов хотят быстрее перейти на сторону партизан. Я долго сомневалась, стоит ли доверять этим людям. Ведь от моего решения зависела жизнь родных и близких... Но я рискнула и пообещала татарам связать их с партизанами».

В настоящее время Нина Федоровна Буйниченко проживает в г. Вильнюсе.

Начало перехода было назначено на 24 часа 22 февраля. Место перехода было также выбрано партизанами: по льду через реку Западная Двина, напротив свалки завода «Руба».

Операция по переходу батальона была проведена по согласованному плану с некоторым опозданием. Дело в том, что непосредственно перед началом операции, возможно, по доносу, немцами были схвачены руководители подпольной группы Рашид Гаджиев, Григорий Жуков и Рахимов. По словам участников перехода арестованных немедленно отправили в Витебск и там расстреляли. Как только стало известно об аресте руководителей, младшие лейтенанты Хусаин Мухамедов и Гари Галеев приняли решение начать переход немедленно, используя ранее установленную с партизанским штабом связь.

Однако до начала перехода перед легионерами были выдвинуты определенные условия. Во-первых, партизаны потребовали, чтобы батальон перед переходом уничтожил не только немецких офицеров, но и немецкие гарнизоны в деревнях Сеньково, Гралево и Совари, где располагались подразделения легиона. Во-вторых, легионеры должны были начать переход погарнизонно и в определенной последовательности. В-третьих, после перехода они должны были сложить оружие и сдать боеприпасы. Парламентеры приняли условия и отправились в свои части, оставив в заложниках двух человек. По документам это были легионеры Лутфулин и Трубкин.

В первую группу перешедших к своим в ночь с 22 на 23 февраля, согласно боевому донесению, вошли 506 человек. Из них в бригаду Бирюлина приняли 150 человек, в бригаду Захарова – 356 человек. Оружие и боеприпасы существенно пополнили запас партизанских бригад: 430 автоматов, 22 ручных и 6 станковых пулеметов, пистолетов 76 единиц, 4 миномета, 3 пушки 45-мм, 26 лошадей и подвод с боеприпасами.

К 14 часам 23 февраля 1943 года переход был завершен.

Встреча с витебским краеведом Дмитрием Романовичем Газиным дала нам возможность дальше работать над вышеобозначенной темой. Вот как описывает он в своей книге «По репинским местам Придвинья» в главе «На Здравневско-Койтовских берегах» события тех лет: «...народные мстители 1-й Витебской партизанской бригады (командир Михаил Бирюлин) в феврале 1943 года провели здесь одну из редчайших в военной истории Белоруссии операцию: вместо боя с превосходящими силами 825-го батальона Волго-татарского легиона, подготовленного немецким командованием для уничтожения партизан, организовали его переход на свою сторону. Через подпольщиков, с риском для одной и другой стороны, состоялась встреча представителей командования партизан и легионеров, и оговорены все условия перехода...

...И 506 легионеров с тремя орудиями, станковыми, ручными пулеметами, батальонными, ротными минометами, стрелковым, личным оружием (150 пистолетов, 30 биноклей), ракетницами, лошадьми, обозом и прочим обеспечением, прибыв из Сенькова, Совари, колонной вступили на Койтовский берег.

...Легионеры-волжане целовали мерзлую землю двинского откоса. Срывали с себя фашистские погоны. Клялись в верности своей Родине...

Таким образом, в феврале 1943 года во время карательной экспедиции в Витебско-Суражской партизанской зоне и появился 825-й батальон – один из батальонов Волго-татарского легиона в Сенькове, Совари, под «Рубой»...

...По обе стороны баррикад встали две силы, хлебнувшие вдоволь фашистского «рая». Одни с оружием в руках для борьбы с врагом, вступившие в партизаны, в подпольную непокоренность. Вторые – взявшие оружие из рук врага, но сохранившие дух и преданность Родине. И здравый смысл в критический момент победил: вместо бесцельного обоюдного самоуничтожения на пользу и ликование врага они слились в единое целое, настоящее, патриотическое движение. И вместе открыли огонь по общему врагу – гитлеровцам.

Витебский обком партии командование 1-й Витебской партизанской бригады доверил эту боевую редчайшую операцию отряду Григория Сысоева не только потому, что здесь, на этих берегах, была зона его боевых действий.

Боевой опыт Григория Ивановича Сысоева слился воедино с деловитостью комиссара Исаака Георгиевича Григорьева, умеющего вдохновлять людей на подвиг.

Комиссар Григорьев с первых дней войны познал все ужасы и лишения. Организуя оборону Витебска, работу витебского городского подполья, он – второй секретарь созданного в 1940 году железнодорожного райкома партии, в первый период войны с постоянным риском для жизни выполнял все боевые задания. Патриот, коммунист, в свои 34 года выдержал экзамен на зрелость, став комиссаром отряда Г.Сысоева...

...Личный состав батальона направлен во все партизанские отряды и бригады треугольника Сураж–Витебск–Городок. Три офицера направлены в штаб партизанского движения. Следует отметить, что исключительно храбро, смело, сражались в боях легионеры, многие из них отличились в боях и сохранили вооружение».

Вот строки из информации И.Г.Григорьева, переданной в то время секретарю Витебского обкома КП(б)Б Жилинину Якиму Александровичу: «Мы тщательно готовились не только к боевым действиям, но и к приему личного состава, перешедшего из 825-го батальона», – вспоминал бывший начальник штаба 1-й Витебской партизанской бригады Лев Павлович Корнеев.

«Встречали их по-товарищески, без всяких упреков. За короткое время подготовили бывшую столовую торфозавода «20 лет Октября». Собрали продуктов, хоть сделать это было нелегко. Батальон был почти равен по численности всей нашей, разбросанной на десятки километров, бригаде. Напекли хлеба, наварили щей, каши. И по готовности ночью пригласили их в ярко освещенную электричеством столовую. Радио громко передавало сообщение Совинформбюро, советские песни военного времени. Стихийно возник митинг».

Перешедшие на сторону партизан воины-татары и башкиры мужественно боролись против фашистских захватчиков. Так, уже 28 февраля партизанский отряд Г.И.Сысоева, в котором осталась основная группа татар, прорвал кольцо окружения карателей в щелбовских лесах и нанес им сокрушительный удар с тыла. Через некоторое время в районе деревни Поповичи отряд уничтожил шесть фашистских танков, автомашину и захватил в плен несколько гитлеровских солдат.

Одним из первых документов, введенных в научный оборот, было «Сообщение ответственного Витебского обкома КП(б)Б К.И.Шемялиса секретарю Витебского обкома КП(б)Б И.А.Стулову о переходе на сторону партизан 825-го батальона волго-татарских легионеров 23 февраля 1943 года», опубликованное в сборнике документов «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (Т. 2. Кн. 1 (ноябрь 1942 – июнь 1943 гг.). Минск, 1974). Также отдельные документы из переписки белорусского штаба партизанского движения со штабом спецлагеря СМЕРШ № 174 в Подольске, имевшей место еще в 1943 году. Несомненную ценность представляют собой документы, выявленные в архивах: «Отчет комиссара отряда тов. Сысоева И.Г.Григорьева от 5 марта 1943 года.

В 2006 году сотрудниками музея была организована научная экспедиция в Суражский район, в ходе которой в фонды Музея им. М.Ф.Шмырева был передан документ – список почти 50 бойцов легиона, которые после перехода были включены в отряд под командованием А.Д.Гурко. История этого документа представляет интерес не только для исследователей, но и для широкого круга общественности. В начале 80-х годов двадцатого столетия в урочище Бараки в 16 квартале Островского лесничества суражского лесхоза Кибальниковым Иваном Трофимовичем и Корневым Максимом Миновичем обнаружена на глубине 20–30 см цинковая коробочка от патрона с бумагами партизанского отряда Гурко. В нем и оказался список принятых в отряд партизан. Местный краевед В.Т.Кухарева приняла находку и успела переписать фамилии около 50 человек. При изучении списков не возникает никаких сомнений, что это фамилии легионеров, перешедших на сторону партизан.

По запросу президента Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Российской Федерации генерал-полковника В.Г.Шевченко летом 2007 года были получены ранее неизвестные исследователям документы из Национального архива Республики Беларусь, копии которых переданы в наш музей. Особый интерес представляют списки личного состава партизанских отрядов, которые приняли в свои отряды легионеров. В развернутых списках имеются сведения о довоенном месте жительства, образовании, партийности, составе семьи, профессии и даже о размере зарплаты до войны. В отдельных случаях указаны даты гибели в бою или отправки за линию фронта, в РККА. Работа сотрудников музея в Национальном архиве Республики Беларусь по списочным составам партизанских бригад – 1-й Белорусской (командир Шмырев М.Ф.), 1-й Витебской (командир Бирюлин М.Ф.) и имени Краснознаменного Ленинского комсомола (командир Райцев Д.Ф.) по отрядам на март 1943 года выявила следующую картину. В графе «откуда прибыл в отряд» напротив некоторых партизан есть запись: «из легиона татар». По отряду Курмелева – 13 человек, по отряду Сысоева – 6 человек, по Бувескому отряду – 1 человек, по отряду Машкова – 9 человек. В 2008 году в фонды музея вдовой Д.Ф.Райцева Ольгой Михайловной передан уникальный документ «Дело партизанской бригады Райцева» на 1943 год, который представляет научный интерес и требует дальнейшего научного изучения. В списках партизан бригады выявлены 5 легионеров.

Научными сотрудниками сегодня ведется работа по выявлению материалов, документов, которые отражают события тех дней. При встрече с бывшим партизаном, уроженцем города Витебска Иваном Михайловичем Столяровым, нам были переданы письма от Галимзяна Гарифулловича Галеева, который был также участником перехода. В письме, датированном 14 августа 1980 года, Г.Г.Галеев неоднократно упоминает фамилии легионеров Мухамедова как руководителя восстания, Юсупова, Шарипова, Хайдарова. Именно из письма мы узнаем, что Юсупов в годы войны был командиром артиллерийского взвода, и он также состоял в антифашистской организации и являлся одним из организаторов восстания.

Работа по выявлению списков легионеров дает свой положительный результат. Если в начале работы над этой темой нам были известны фамилии примерно 30 человек из более чем 500 перешедших к партизанам в феврале 1943 года, то уже сегодня мы можем говорить о фамилиях 171 легионера. Судьба большинства из них до сих пор не выявлена даже частично. Продолжение исследовательского поиска может дать новые документальные находки, представляющие как научный, так и общественный интерес.

Во время работы над статьей в адрес музея пришло письмо от руководителя сельского музея Сагитуллиной Галии Хамзовны из пос. Андреевский Тюменской области, которая в газете «Татарские новости» в материале «Список бойцов татарского батальона, перешедших к партизанам в Белоруссии» выявила фамилию односельчанина Басира Сайдимова, судьба которого была неизвестна все 68 лет.

Р.Гайнетдинов,
кандидат исторических наук

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПЕРЕХОДЕ 825-го БАТАЛЬОНА ВОЛГО-ТАТАРСКОГО ЛЕГИОНА НА СТОРОНУ ПАРТИЗАН

С 2005 г. группа московских и казанских исследователей, в которую входят профессор МГИМО, доктор исторических наук А.А.Ахтамзян, генерал-полковник, доктор юридических наук М.С.Хакимов и автор статьи, кандидат исторических наук Р.Б.Гайнетдинов, проводит планомерное исследование подвига бывших военнослужащих

825-го батальона Волго-татарского легиона («Идель-Урал»), которые 23 февраля 1943 г., прибыв в Витебскую область (Белоруссия) в составе карательных отрядов для борьбы с партизанским движением, подняли вооруженное восстание и, перебив немецких офицеров, в организованном порядке перешли на сторону партизан. В составе батальона были преимущественно татары, которые впоследствии участвовали в героической борьбе за освобождение от немецко-фашистских захватчиков. Многие из них погибли.

За прошедшие три года указанной группой на основании имеющихся в Республике Татарстан военно-исторических документов, материалов Музея им. М.Ф.Шмырева в г. Витебске, отдельных документов Национального архива Республики Беларусь /НА РБ/ были скрупулезно изучены обстоятельства перехода легионеров на сторону партизан, выявлена конкретная роль организаторов восстания, прослежены судьбы отдельных легионеров в рядах партизанского движения. Все это стало достоянием общественности путем публикации ряда статей в популярных и научно-публицистических изданиях, нескольких книг¹.

В частности, большой общественный резонанс в Республике Татарстан вызвали публикации неполных списков татарских легионеров, перешедших на сторону белорусских партизан. Первый список из 50 человек¹ был найден в ящике, зарытом на месте лесной стоянки партизанского отряда под командованием А.Д.Гурко, и хранится в Витебском областном музее им. М.Ф.Шмырева.

Он был привезен из Белоруссии М.С.Хакимовым². Позже этот список был дополнен сведениями о партизанах, находившихся и в других отрядах, и в расширенном виде (79 человек) опубликован А.А.Ахтамзяном. Но самый большой резонанс имел опубликованный А.А.Ахтамзяном в журнале «Татарстан» неполный список личного состава отряда Григория Сысоева из 1-й Витебской партизанской бригады (13 фамилий, при этом все – уроженцы Татарстана). Уже через несколько дней после выхода журнала в свет в редакцию обратились родственники отдельных легионеров, которые до сих пор считались пропавшими без вести.

Эти фамилии были извлечены московским исследователем из двух документов, полное название которых – «Именной список личного состава 1-й Витебской партизанской бригады с 9.07.1941 г. по 1.05.1943 г.» и «Список личного состава отрядов Витебской партизанской бригады т. Бирюлина. 1941, 1942 и 1943 гг., отряды № 1, 2, 3, 4, 5 и 6» (см. в конце статьи). Документы были получены из Национального архива Республики Беларусь в августе 2007 г. генерал-полковником М.С.Хакимовым при содействии президента Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Российской Федерации генерал-полковника В.Г.Шевченко, генерала армии М.А.Гареева и руководства КГБ Белоруссии. Вместе со списками в одном пакете поступил написанный каллиграфическим почерком документ под названием «Секретарю Витебского обкома КП(б)Б тов. Жилинину от комиссара п[артизанского] отряда тов. Сысоева 1-й Витебской партизанской бригады Григорьева Исаака Георгиевича», в котором изложены обстоятельства перехода легионеров Волго-татарского легиона на сторону партизан в феврале 1943 г.

Документ идентичен «Донесению комиссара 1-го партизанского отряда И.Григорьева комиссару 1-й Витебской партизанской бригады В.Хабарову о приеме в отряд личного состава 825-го батальона Волго-татарского легиона» от 5 марта 1943 г. (см. в конце статьи), который уже был опубликован³. До настоящего времени он считался наиболее достоверным документом по факту перехода легионеров на сторону партизан, исполненным комиссаром отряда Сысоева сразу же после выхода бригады из окружения с тяжелыми боями против немецких карателей. Новый документ из белорусского архива немного отличается по стилю и правописанию от первого документа и существенно отличается по более глубокому содержанию заключительной части документа, где говорится о ситуации с военными батальона после их перехода к партизанам.

Самым главным в обоих документах является то, что они написаны не только очевидцем и свидетелем события, но и непосредственным организатором перехода, лично принимавшим легионеров на льду р. Западная Двина поздней ночью с 22 на 23 февраля. Донесения содержат массу фактов, зафиксированных в первые же дни после события, т.е. с 23 февраля по 5 марта 1943 г.

Во вновь выявленном донесении содержится подробное описание всех обстоятельств прибытия батальона в район Витебска, размещения гарнизонами в районе «Суражского треугольника» или близ «Витебских ворот». Особенно ценны сведения о руководителях перехода, командирах подразделений, которые поддерживали связь и обеспечили преемственность руководства на случай провала в каком-либо звене. В документе названы имена руководителей перехода, которые взяли на себя инициативу и ответственность за переход бойцов к партизанам после того, как им стало известно об аресте фашистами трех руководителей подпольной группы. Из документа следует, что руководители перехода тотчас по прибытии на место по своей инициативе стали искать контакт с командованием партизанских отрядов и установили его.

В документ внесены и сведения о личном участии И.Г.Григорьева в организации и проведении перехода на конкретном участке. Важны также сведения о ходе боев с карателями непосредственно после перехода, в которых татары показали себя только с положительной стороны.

Публикация обоих документов окончательно развеяла мифологическую цифру о переходе на сторону партизан 930 человек. Эта цифра была названа в «Сообщении ответственного Витебского обкома КП(б)Б К.И.Шемялиса секретарю Витебского обкома КП(б)Б И.А.Стулову о переходе на сторону партизан 825-го батальона волго-татарских легионеров 23 февраля 1943 года»¹, датированном 30 марта 1943 г.² Изложенные в нем партработником явно завышенные цифры, как о количестве сдавшихся легионеров, так и о вооружении³, внесли значительную путаницу в публикациях исследователей в отечественной историографии. В донесениях Григорьева названа более точная цифра – 506 человек. Эта цифра, по словам И.Г.Григорьева, была известна изначально, однако почему-то была искажена ответственным работником Витебского обкома партии. В своем донесении Григорьев назвал и реальные цифры количества полученного немецкого вооружения и боеприпасов.

Всего же 825-й батальон недосчитался после перехода к партизанам 557 человек¹. Эта цифра названа в отчете немецкой полевой полиции по итогам расследования в батальоне, проведенном сразу же после вооруженного восстания. В это число входят, скорее всего, перебитые во время восстания свои же «ненадежные» легионеры, а также те, кто перешел позже в отряд Г.И.Сысоева в районе торфозавода или на других участках в составе небольших групп (полностью переход завершился к полудню 23 февраля). О них упоминает и И.Г.Григорьев в донесении от 5 марта: «Позже прибывали отдельными малыми группами»².

В пакете документов из Национального архива Республики Беларусь особый интерес представляют списки личного состава партизанских отрядов, которые приняли в свои ряды татарских легионеров. В развернутых списках имеются сведения о довоенном месте жительства, образовании, партийности, составе семьи, профессии и даже о размере зарплаты до войны. В отдельных случаях указаны даты гибели в бою или отправки за линию фронта.

В списках есть сведения только о легионерах, распределенных в 1-й отряд Г.И.Сысоева (53 фамилии). Однако автор, располагая сведениями, что татарские легионеры были распределены и в другие отряды 1-й Витебской бригады М.Ф.Бирюлина, вновь поднял из архива дела, касающиеся партизанского движения в Витебской области. В результате поиска были дополнительно выявлены ранее неизвестные фамилии 24 легионеров, распределенных в состав 2-го и 4-го отрядов бригады М.Ф.Бирюлина.

Списки представляют собой ценнейший источник информации не только о личном составе значительной части татарского батальона, но и о каждом legionере.

В документе требующие уточнения названия даны со знаком вопроса. В двух имеющихся списках имеются разночтения в некоторых фамилиях, именах и отчествах, местах проживания и т.д.; в этом случае приведены оба варианта написания.

Следует сказать, что ознакомление с архивными документами учета и движения личного состава партизанских отрядов свидетельствует о высокой культуре делопроизводства партизанских штабистов.

Весьма важным представляются сведения о судьбе каждого бойца после зачисления в партизанский отряд до июня-июля 1943 г.

Известно, что уже в первый день после перехода был дан жестокий бой против германских войск с использованием трех 76-миллиметровых пушек. Через два месяца, в мае 1943 г., немцами была проведена вторая, более внушительная, чем февральская, карательная экспедиция против партизанских соединений в районе Сураж–Витебск–Городок с привлечением кадровых мотопехотных и танковых частей, артиллерии и других приданных подразделений, в частности батальона «СС».

Самые жестокие бои в районе действия Витебской партизанской бригады начались 13 мая. 18–19 мая противник замкнул окружение отрядов бригад М.Бирюлина и Райцева.

17 мая, когда противник вышел на рубеж обороны отряда В.Сазонова, в бою героически погиб наш земляк из Башкирии пулеметчик С.Шарафутдинов (76-й в списке). О его подвиге комиссар бригады В.Хабаров написал в штаб партизанского движения следующее: «Пулеметчик тов. Шарафутдинов, расстрелявший огнем пулемета в упор наседавших гитлеровцев, не сошел со своего боевого поста»¹.

По данным В.Хабарова, в указанном бою отлично действовал расчет станкового пулемета в лице Ш.Салихова и Ш.Каримова (65-й и 66-й в публикуемом списке), которые уничтожили свыше 10 гитлеровцев, а также пулеметчик М.Фазылов (57-й в списке)².

19 мая отряд №4 В.Д.Сазонова, отряд №3 Крыленко, 2-я рота 1-го отряда Г.И.Сысоева совместно с отрядами бригады Райцева штурмом прорвали заградительную линию противника в районе Крутой Горы – Ниские. 1-я рота отряда № 1 под командованием Г.И.Сысоева в ночь с 19 на 20 мая прорвала укрепления заградлинии противника в районе Дражня – Пиленки и вышла в последующем в тыл в районе своего действия Зеленый Лес – Николаевка. Прорыв был завершён, и бригада Бирюлина вышла из окружения, понеся при этом большие потери, – 143 человека (в 1-м отряде – 47 человек, во 2-м – 32, в 3-м – 22, в 4-м – 42)³. Особенно ощутимые потери были в отряде Сысоева, когда в жестоком бою 19 мая погибло или пропало без вести более половины приписанных к отряду татар.

После выхода из окружения ряд офицеров и рядовых бойцов были отправлены на Большую землю через «Витебские ворота», которые образовались на стыке групп. В списках против таких фамилий отмечено: «за линию фронта в РККА».

Все перешедшие на сторону партизан и участвовавшие в боях с фашистами бойцы бывшего 825-го батальона достойны нашей памяти.

Вместе с белорусскими коллегами-архивистами наша группа планирует завершить выявление списков татар, распределенных по другим партизанским бригадам Витебской области: в 1-й Белорусской партизанской бригаде М.Захарова, куда были переведены, по свидетельству И.Г.Григорьева, 356 человек, а также бригад им. Ленинского комсомола и Алексея Домукалова (бригада Алексея).

Кроме того, мы полагаем, что следует более обстоятельно обратиться к архивам отдела контрразведки СМЕРШ спецлагеря № 174 (Подольск), куда был помещен «изъятый» в июне 1943 г. из партизанских отрядов 31 активный legionер-участник перехода 825-го батальона к своим. Данные допросов контрразведчиков позволят, по нашему мнению, глубже высветить роль каждого военнослужащего в подготовке восстания и его осуществлении.

Публикация данных списков имеет важное значение не только для родственников погибших и выживших участников перехода к партизанам, но и для пополнения Книг памяти областей и республик России и стран СНГ, а также базы данных, созданной в сети интернет-сайта при участии фонда «Союз поисковых отрядов», в котором уже собраны сведения и материалы относительно 8 миллионов человек. Наша цель состоит в том, чтобы привлечь внимание общественности к спискам участников перехода на сторону белорусских партизан. Находясь в плену, под влиянием коллаборационистских настроений участников национальных легионов, в драматических условиях текущей войны, когда ее исход еще был неизвестен, они сделали осознанный выбор, перейдя к своим. Многие своими дальнейшими ратными подвигами доказали верность своей Отчизне и воинской присяге.

Мы обращаемся к родственникам легионеров, работникам военкоматов, к жителям и общественности населенных пунктов, в которых они жили и работали до войны, с просьбой сообщить нам дополнительные сведения об указанных в этих списках лицах. Некоторые из них достойны боевых наград, и мы будем ходатайствовать о них. Имеющийся в нашем распоряжении пакет документов из Национального архива Республики Беларусь планируем передать в коллекцию Национального архива Республики Татарстан.

Самая заветная цель нашей группы исследователей – установить к 65-летию Великой Победы на месте перехода 825-го батальона в Белоруссии памятную стелу от Республики Татарстан.

*Донесение комиссара партизанского отряда
тов. Сысоева 1-й Витебской партизанской бригады
И.Г.Григорьева секретарю Витебского обкома КП(б)Б
тов. Жилинину об обстоятельствах перехода легионеров Волго-татарского легиона
на сторону партизан
в феврале 1943 г.*

Не ранее 28 февраля – не позже 5 марта 1943 г.¹

Согласно Вашему указанию, информирую Вас о разложении и переходе в наш отряд Волго-татарского легиона 825-го батальона.

Волго-татарский легион, 825-й батальон, состоял из наших военнослужащих-татар, взятых в плен немецкими войсками в 1941 и в начале 1942 гг. в городах Белосток, Гродно, Львов, Молодечено, Керчь и Харьков.

До мая месяца 1942 г. они находились в лагерях военнопленных и переносили голод и зверства со стороны немецких солдат и офицеров.

20 мая 1942 г. со всех лагерей военнопленных немцы начали концентрировать татар в г. Седльце. После чего направили под усиленной охраной в г. Радом.

В городе Радоме их разбили на три группы по девятьсот человек, что составляло три батальона.

Посланец Гитлера, генерал-лейтенант восточных национальных легионов, выступил с речью, что власть большевиков окончательно разгромлена немецкими войсками. Вас освобождаем от плена, создаем Вам хорошие условия жизни, вооружаем, обучаем. После учебы вы, свободный народ, должны очистить свою национальную территорию от скрывающихся большевиков в лесах и болотах, которые наносят вред нашей армии.

С июля 1942 г. по февраль 1943 г. татары проходили учебно-боевую подготовку для борьбы с партизанами. В начале февраля 1943 г. был экзамен, наиболее отличившихся в учебе назначили командирами рот, взводов и отделений, придав в этот батальон 80 немцев командного состава, в том числе командира батальона м[айо]ра Зекс[а].

Данный батальон направили в распоряжение 821-й дивизии, находившей[ся] в Витебске.

19 февраля разведчица из нелегальной партизанской группы пункта «В» доложила, что из г. Радома прибыл Волго-татарский легион по борьбе с партизанами в треугольнике Витебск–Городок–Сураж. Размещаться будет в деревнях Сеньково, Сувары и Гралево Витебского р[айо]на, где находились несколько рот казаков, с которыми вели переговоры о переходе к нам, но по каким-то причинам их срочно отозвали.

20 февраля я взял двух бойцов и в ночной период времени, пробравшись в д. Сеньково, хотя и угрожала опасность, так как были засады противника, дал задание нелегальной партизанке Нине, которая проживала в данной деревне. Когда придет этот легион, узнать их моральное состояние и найти из [н]их человека, которому обрисовать положение на фронтах и сообщить, что их ожидают в партизанском отряде за р. Зап[адной] Двиной представители Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Если будет положительный результат, то с их стороны должно быть выслано 4 представителя для переговоров по указанному мной маршруту в д. Койтово.

21 февраля этот батальон расположился в выше указанных деревнях. На квартире у Нины расположился батальонный врач Жуков, с которым Нина быстро начала откровенные переговоры.

Жуков Нине сообщил, что у них есть группа, которая мечтает о переходе ежедневно. Даже назвал их фамилии и занимаемую должность в батальоне:

Татжеев (Таджиев)¹ – адъютант ком[андира] батальона м[айо]ра Зекс[а],
Мухамедов – ком[андир] штаб[ной] роты,
Латыпов – пом[ощник] ком[андира] штаб[ной] роты,
Юсупов – командир взвода батарейного расчета,
Галеев – командир взвода,
Трубкин – пом[ощник] командира отделения,
Лутфулин – старшина роты,
Фахрутдинов – пом[ощник] старшины роты,
Рахимов – из хозяйственной части.

После этого сообщения Жуков попросил Нину ускорить связь с партизанами. Она предложила направить в партизанский отряд 4-х представителей для переговоров о переходе по указанному мной маршруту и посоветовала взять проводником жителя д. Сувары Михальченко, переодев его в немецкую форму, чтобы не оставить никаких следов.

Жуков внимательно выслушал Нину и быстро ушел к товарищам, с которыми имел разговор до 7 часов вечера. Придя домой, он сообщил ей, что Трубкин, Лутфулин, Галеев, Фахрутдинов ушли с проводником Михальченко, которого с трудом переодели в немецкую форму. Не соглашался. Одновременно предупредил Нину, что она несет персональную ответственность, если посланные партизанами будут обстреляны. Нина согласилась и ответила, что их встретят по договоренности с комиссаром отряда.

Наша засада в условленном месте встретила представителей и доставила в штаб отряда.

Представители попросили дать одну белую ракету вверх, которая будет говорить о хорошем приеме их и о начале подготовки.

Ракета была дана. Потом обратились с просьбой о принятии их в отряд и о[б] использовании их вооружения против общего врага.

Мною и командиром п[артизанского] о[тряда] Сысоевым были поставлены задачи:

1. Уничтожить весь немецко-офицерский состав и ненадежных из татар.
2. Вывести людской состав батальона с его полным вооружением, а равно обоз с боеприпасами к берегу Зап[адной] Двины на место расположения з[аво]да «Руба» и дать три красных ракеты, которые обозначали «К переходу готовы, принимайте».

Пом[ощник]а командира отделения Трубкина и старшину роты Лутфулина оставили в заложниках, а Галеева и Фахрутдинова отправили обратно в легион для организации и выполнения задач, поставленных нами.

В 11 часов ночи заметили белую ракету в д. Сувары, которая обозначала: «Возвратились благополучно, начинаем».

В 22 часа сообщили ком[андиру] бригады Бирюлину о том, что нами подготовлен вопрос о принятии батальона и его вооружения. Тов[арищ] Бирюлин выслал своего заместителя тов[арища] Анащенко и нач[альника] штаба бригады Крицкого, которые наблюдали за приемом.

Я, взяв взвод партизан, отправился к месту встречи в д. Койтово. В 11.30 мы слышали сильный бой в д. Сувары и Гралево: взрывы гранат, пулеметные очереди и одиночные выстрелы из винтовок. Это татары выполняли наше задание, уничтожали немцев.

23 февраля в 0.30 ночи получили сигналы с фонарика: белый, красный, зеленый, что означало выход с двух сторон на с[е]редину Зап[адной] Двины.

Взвод расположил в засаде на берегу Двины, а сам с командиром третьего взвода тов[арищем] Стрельцовым направился по Двине на ту сторону для встречи представителя. На середине реки встретил т[оварища] Фахрутдинова с двумя его друзьями. Он спросил: «Кто вы по званию?»

Я ответил: «Комиссар п[артизанского] о[тряда] Сыроева Григорьев».

Тов [арищ] Фахрутдинов подал команду своим товарищам: «Смирно!» – и доложил, что задание, данное им, выполнено. Разбиты штабы батальона и ротные. Уничтожено 74 немца и 3 командира рот: 1-й роты Сюряпова, 2-й роты Мингалеева и 3-й роты Нерулина, людской состав с вооружением, транспорт с боеприпасами подтянут к указанному месту и готов к приему.

Одновременно сообщили, что шофер штаба оказался изменником и тихо увез на машине из д. Сувары в д. Сеньково ком[андира] батальона м[айо]ра Зекс[а], которого хотели привезти живым. В д. Сеньково арестовали батальонного врача Жукова, Таджикива и Рахимова, которые были оставлены для уничтожения остальных немцев и вывода свыше 200 чел[овек] людского состава, находившихся в этой деревне.

Из г. Витебска в д. Сеньково прибыло около 40 автомашин, которые окружили деревню. «Прошу ускорить прием, я ранен, ока[жите] помощь». Медицинская помощь тов[арищу] Фахрутдинову была оказана через ком[андира] взвода Стрельцова, а сам встретил батарею орудий и людской состав, где был проведен маленький митинг. Встреча была очень радостная, кто от радости смеялся, кто плакал, вспоминая те жуткие условия, которые ими были встречены в плену. Обнимая и целуя меня, произносили слова: «Мы опять со своим народом, с тов[арищем] Сталиным». Прибыло на территорию расположения нашего отряда 506 человек людского состава с вооружением [из] трех пушек 45-мм, батальонных миномета – 4 штуки, ротных – 5 штук, станковых пулеметов – 6, ручных пулеметов системы Дегтерева – 22, винтовок – 430, пистолетов польских – 150, ракетниц – 12, биноклей – 30, лошадей с седлами и амуницией – 26, много боеприпасов и проч[его] военного имущества.

Помимо этого, пулеметный взвод в количестве 40 человек с четырьмя станковыми пулеметами, находившиеся в отдаленности в засаде, попал на территорию отряда Воропаева.

Было получено указание командира бригады тов[арища] Бирюлина обезоружить отряд и людской состав направить в распоряжение бригады, где им был организован отдых и питание, а вооружение направить срочно в распоряжение хозяйственной части бригады.

Очевидно, тов[арищ] Бирюлин исходил из того, что наша бригада вела бои из [с] 14 февраля и людской состав в немецкой форме мог быть мишенью для других отрядов и бригад.

Командованию нашего отряда не понравилось распоряжение бригады, в особенности командиру отряда Сыроеву и мне, так как мы хотели весь личный состав пустить в бой.

Но, учитывая указание старших товарищей, мы были обязаны выполнить. Под личную нашу ответственность мы оставили в отряде 30 человек артиллеристов, минометчиков и станковых пулеметчиков, батарею пушек 45-мм, батальонные минометы, станковые и ручные пулеметы, обоз и частично боеприпасы, что было использовано в борьбе с немецкими войсками.

Разоружили 476 человек и направили в распоряжение бригады на территорию торфозавода, где был сделан доклад тов[арищем] Коганом о международном положении.

После чего 356 человек наша бригада направила в распоряжение командира бригады 1-й Б[елорусской] п[артизанской] б[ригады] т[оварища] Захарова, а остальных 120 человек разослали по отрядам нашей бригады. В том числе в наш отряд прибыло еще 24 человека.

Вооружение: ротные минометы, винтовки, часть боеприпасов и военного имущества сдали в хоз[яйственную] часть бригады.

В этот же день, покормив оставших[ся] в нашем отряде татар, взяв вооружение, направили в бой совместно с нашими партизанами в р[айо]н Красного двора и д. Тарасовка под нашим руководством. Храбро и смело артиллеристы и минометчики выпустили более четырехсот мин и снарядов по противнику. Пулеметчики подпускали на близкое расстояние противника и косили пулеметным огнем. Бой держался с утра до ночи. Отличились в этих боях татары: командир батареи Латыпов; командир взвода Юсупов; командиры 1-го, 2-го и 3-го орудия Хафизов, Шакиров, Касимов, а также минометчики и пулеметчики.

После этого боя немецкие солдаты и офицеры спрашивали у населения: «Что за воинская часть была?» Население отвечало: «Это партизаны». Они с криком, ударили [тех], кто отвечал: «Нихт партизан, это солдат, воинская часть».

24 февраля вели бой с немецкими войсками в р[айо]не Кобылихи «с участием наших татар». Отряд два раза переходил в контратаку, а также участвовал и в «остальных боях».

28 февраля отряд организованным порядком со всем личным составом, вооружением и транспортом совместно с нашими татарами путем правильного маневрирования вышел из немецкого кольца с щелбовского леса в р[айо]н своего действия и нанес внезапно сокрушительный удар по противнику.

За период времени 2-х немецких экспедиций на партизан с участием наших татар уничтожили немецких солдат и офицеров свыше 400 человек, большое количество ранено, уничтожили 5 автомашин, привели в негодность 3, спустили 1 эшелон, взорвали несколько мостов, сохранив свой людской состав, в том числе и татар, а равно вооружение, транспорт и боеприпасы.

Из татар выделили командный состав и организовали роту нацменов, придав к ним политрука тов[арища] Немькина и политрука Новикова. Политика морального состояния роты татар политически правильная, здоровая. Рота татар составляет 53 человека.

В роте выпускаются боевые листки, проводятся политзанятия и беседы, а также изучают оружие, с которым незнакомы. Вооружение частично было роздано в отряды нашей бригады.

Партизанский отряд тов[арища] Сазонова нашей бригады получил одну пушку 45-мм, два станковых пулемета и несколько пулеметов Дегтерева, 5 лошадей с амуницией.

Этот отряд взорвал пушку в щелбовском лесу, оставил лошадей, а остальное использует; между прочим, следует отметить, что партизанский отряд Сазонова сохранил людской состав татар и на сегодняшний день у [н]его имеется 27 человек, в партизанском отряде Сарбая осталось 4, а остальные отряды нашей бригады не сумели сохранить их. По отношению бригады Захарова я ничего не могу написать, но слышал, что отряды его бригады не сумели сохранить татар, где много погибло в щелбовском лесу в связи с тем, что они плохо ориентировались в данной местности и не знали, как выйти из немецкого кольца.

Две пушки сохранились и находятся спрятанными в щелбовском лесу. После экспедиции мною было послана разведка в д. Сеньково, которая установила, что

остальных татар данного батальона, не успевших выйти из д. Сеньково, немцы обезоружили и издевались всячески, после чего отправили куда-то на работу.

Батальонного врача Жукова расстреляли, адъютанта командира м[айо]ра Зекса[а] Таджиева и из хоз[яйственной] части Рахимова увезли в г. Витебск. Судьба их мне не известна.

Нина проживает по-прежнему.

Комиссар п[артизанского] о[тряда] Сысоева [И.Г.] Григорьев (подпись)

НА РБ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 109. Л. 108–111 (об).

Список личного состава отрядов Витебской партизанской бригады т. Бирюлина¹. 1941, 1942 и 1943 гг.²

Отряд № 1 тов. Сысоева³

1. *Латыпов Халик Кадырович* – 1918 [года рождения], татар[ин], б[ес]п[артийный], [образование] среднее, [окончил] школу лейт[енантов] РККА, воен[но]обяз[анный], [занимаемая должность до войны] военнотружущ[ий], нач[альник] разведки [с окладом] 750 р., младший лейтенант РККА, [время вступления в отряд] 23.02.43 г., [военная специальность] ком[андир] роты, [домашний адрес] Баш[кирская] АССР, Миякинский р[айон], с. Зильдярово, [состав семьи] 5 душ: мать, 2 сестры, 2 брата, [примечание] из Волго-татар[ского] легиона, 825 [номер]¹.

2. *Гизатулин Фазыл Шайдакович* – 1916, татар., чл. ВЛКСМ с 1933 г., 4 кл., школа лейт. РККА, воен.обяз., счетовод к-за, мл.лейтенант РККА, 23.02.43 г., ком.взвода, Баш.АССР, Кушнарниковский р-н, д. Иликово, 4 души: отец, мать и 2 детей, из Волго-татар. легиона, погиб 31.05.43 г.

3. *Хузин Тимербай* – 1920, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., бригадир к-за, сержант РККА, ком.отделения, ТАССР, Сабинский р-н, д.Шитцы, 5 душ: отец, мать и 3 сестры, из Волго-татар. легиона, [отправлен] за линию фронта в РККА.

4. *Абдурахманов Мингариф* – 1914, татар., б/п, 4 кл., воен. обяз., электросварщик – 500 р., 23.02.43 г., рядовой, г. Ташкент, ст. Кауфманская, маслозавод № 4 (в другом списке – ТАССР, Буинский р-н, д. Н.Наратбаш), 10 душ: мать, отец, жена, 3 детей, 3 сестры и брат, из Волго-татар. легиона, за линию фронта в РККА.

5. *Мингалиев Нургали* – 1914, татар., б/п, 2 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Арский р-н, д. Касельня (возможно, Качелино или Казылино), из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

6. *Шаговалиев Хисмат* – 1912, татар., б/п, 2 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, Тат. АССР, Буденовский (ныне Дрожжановский) р-н, д. М.Цильна, 4 души: мать, жена и 2 детей, из Волго-татар. легиона.

7. *Нургалиев Хасгали* – 1912, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой Баш. АССР, Бирский р-н, Ново-Янтузевский с/с, д. Н.Янтузевка, 5 душ: мать, жена, 2 детей и сестра, из Волго-татар. легиона, за линию фронта в РККА.

8. *Бикбаев Фатых (Фатах) Сабирович* – 1913, б/п, 4 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Камско-Устьинский р-н, д. М.Салтык[и], отец и мать, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

9. *Азаматов Мостаким Шакирович* – 1923, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., агротехн. к-за – 120 р., мл. сержант РККА, 23.02.43 г., ком[андир] отделения, Сталинградская обл., Чернышковский р-н, д. Чернышково, 8 душ: отец, мать и 6 детей, из Волго-татар. легиона, погиб 19.05.43 г.

10. *Биктяков Борис* – 1918, татар., б/п, 2 кл., воен.обяз., штукатурщик – 500 р., 23.02.43 г., рядовой, Морд[овская] АССР, Кочкур[ов]ский р-н, д. Татурино (возможно, Татулино), 3 души: отец, мать и брат, из Волго-татар. легиона, за линию фронта в РККА.

11. *Аллагулов Биктимир Валиевич* – 1912, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, Баш. АССР, Стерлибаш[ев]ский р-н, д. Айтуган[оново], 5 душ: жена и 4 детей, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.
12. *Гатаулин Умер (Гумер) Каримович* – 1910, татар., б/п, негр[амотный], воен.обяз., 23.02.43, грузчик – 300 р., рядовой, г. Казань, ул. Подометь[евская], 149, кв.1, 3 души: жена, мать и ребенок, из Волго-татар. легиона, погиб 19.05.43 г.
13. *Фарфулин Габдрый (Габдра)* – 1918, татар., б/п, 7 кл., воен.обяз., счетовод к-за, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Сабинский р-н, д. Верх.Шитцы (в другом списке – ст. Шемордан), 2 души: отец и сестра, пропал б/вести 19.05.43 г.
14. *Кирлыкбаев Галинур* – 1921, удмурт, б/п, 2 кл., воен. обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, Баш. АССР, Янаульский р-н, д. Норкан, 3 души: отец, мать и брат, из Волго-татар. легиона.
15. *Сулейманов Фарис Шарифулович* – 1916, татар., б/п, негр., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, Куйбышевская обл. (правильно – Оренбургская обл.), Абдулинский р-н, д. Тирис-Усман[ово], 1 душа: мать, из Волго-татар. легиона.
16. *Татжибаев Амер (Гумер) Шамратович* – 1902, татар., б/п, негр., воен.обяз., грузчик – 450 р., 23.02.43 г., рядовой, Астрахань, Наримановский р-н, с. Нариман (ныне г. Нариманов), 5 душ: жена и 4 детей, из Волго-татар. легиона.
17. *Шагиахметов Гумер Сагдыевич* – 1921, татар., член ВЛКСМ с 1937 г., 5 кл., воен.обяз., автослесарь – 400 р., 23.02.43 г., рядовой, г. Казань, ул. Комсомольская, д. 20, кв. 10, 3 души: мать, сестра и брат, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.
18. *Елезижинов Хасан* – 1906, татар., чл. ВКП(б) с 1930 г., 3 кл., воен.обяз., пред[седатель] сельпо – 300 р., 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Агрызский р-н, д. Туба, 5 душ: отец, мать, сестра и 2 детей, из Волго-татар. легиона.
19. *Измайлов Садык (Садырт)* – 1911, б/п, 2 кл., воен. обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, Сталинградская (ныне Астраханская) обл., Черноярский р-н, д.Камар (возможно, Каменный Яр), 4 души: жена и 3 детей, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.
20. *Акманов Хосяин Ахтеевич* – 1915, татар., б/п, негр., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, К[абардино]-Б[алкарская] АССР, г.Нальчик, Нижне-Баксанский санаторий, 5 (в другом списке – Саратовская обл., Старополтавский р-н, д. Лятошинка), 3 души: жена, брат и ребенок, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.
21. *Мустафин Исмаил* – 1909, татар., б/п, негр., воен.обяз., возчик – 500 р., 23.02.43 г., рядовой, К[абардино]-Б[алкарская] АССР, г. Нальчик, Горный р-н, Нижне-Баксанский санаторий, 6 (в другом списке – Саратовская обл., Старополтавский р-н, д. Лятошинка), 5 (так в документе) душ: жена и 5 детей, из Волго-татар. легиона, погиб 19.05.43 г.
22. *Сайтимов Басир* – 1921, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., рыбак, 23.02.43 г., рядовой, Омская обл., Тимеевский (возможно, Тиманский) р-н, Андреевский с/с, с. Андреевское, 6 душ: мать, 3 брата и 2 сестры, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.
23. *Мухитдинов (Мухтидинов) Габидин Сайфидович* – 1913, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., зав.пекарней – 300 р., повар, 23.02.43 г., рядовой, Астрахань, Икранский р-н, с. Бахтемир (в другом списке – Приволжский р-н, с. Б.Меуян), 2 души: мать и ребенок, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.
24. *Авхадеев Газис* – 1911, татар., б/п, негр., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Дубязский (ныне Высокогорский) р-н, д. Туктамыш, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.
25. *Хафизов Искандер Хафизович* – 1914, башк[ир], б/п, 4 кл., воен.обяз., рабочий – 450 р., сержант РККА, 23.02.43 г., командир отделения (орудия), Баш.АССР, Мечетлинский р-н, Л-Тамикский с/с, д. Сабанаково, 4 души: мать, жена, сын и брат, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.
26. *Хаматов Гали* – 1917, татар., чл. ВЛКСМ с 1937 г., 4 кл., воен.обяз., колхозник, сержант РККА, 23.02.43 г., рядовой, Казахская ССР, Алма-Атинская обл., Джарханский

(Джархинский) р-н, с. Дихкан Гарат, 1 душа: мать, из Волго-татар. легиона, погиб 19.05.43 г.

27. Шарипов Рахим (Шаит) Шарипович – 1917, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Кукморский р-н, д. Мамашир, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

28. Бурхаев Вали Бурханович – 1919, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Заинский р-н, с. Верхние Шипки (возможно, Шивки), 2 души: отец и мать, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

29. Шайдулин Самат – 1909, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Дрожжановский р-н, д. Ст. Какерли, 1 душа: жена, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

30. Хабибулин Габидула – 1916, татар., б/п, 4 кл., воен. обяз., бухгалтер – 325 р., 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Муслюмовский р-н, д. Митряево, 3 души: мать, сестра и брат, из Волго-татар. легиона, за линию фронта в РККА.

31. Галлямов Файзи – 1921, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., РККА, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Лаишевский р-н, д. Атабай [Атабаево], 7 душ: мать, отец, 3 сестры и 2 брата, из Волго-татар. легиона, погиб 19.05.43 г.

32. Шарифулин Шаги (Шафик) – 1918, татар., б/п, 8 кл., воен.обяз., РККА, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Балтасинский р-н, д. Бурбаш, 7 душ: мать, отец и 5 братьев, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

33. Соколов Абдул-Кадир Усманович – 1919, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., РККА, 23.02.43 г., рядовой, Пензенская обл., Городищенский, стан. Чаадаевка, с. Н.Синозин (возможно, Н.Елюзань), 1 душа: мать, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

34. Хайрутдинов Юнус (Ахат) – 1918, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., РККА, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Тетюшский р-н, д. Кляшево, 8 душ: отец, мать, 5 братьев и сестра, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

35. Назмиев Сафа (Сафар) – 1918, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., РККА, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Буинский р-н, д. Н.Наратбаш, 6 душ: отец, мать и 4 брата, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

36. Шакиров Анвар Шакирович – 1915, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., РККА, 23.02.43 г., командир отделения, Баш.АССР, Альшеевский р-н, Ибраевский с/с, к-з Пушкина (в другом списке – ТАССР, Альметьевский р-н, д. Тайсуган (возможно, Тайсугаево, Тайсуганово), 3 души: мать, жена и дочь, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

37. Забиров Идрис Сафинович – 1913, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Ютазинский р-н, ст. Ютаза, Ютазовский с/с, к-з Ворошилова, 3 души: жена и 2 детей, из Волго-татар. легиона, за линию фронта в РККА.

38. Сапожников Василий – 1915, чуваш, б/п, 5 кл., воен. обяз., шофер – 300 р., 23.02.43 г., рядовой, Чувашская АССР, ст. Тюрлема, Козловский р-н, д. Чешлама, 5 душ: отец, мать, жена и 2 детей, из Волго-татар. легиона, погиб 19.05.43 г.

39. Бадардинов Фатах – 1922, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, Баш. АССР, ст. Туймаза, к-з Кзармыш-Буляк, 2 души: мать и брат, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

40. Шарипов Аббаз Хамдеевич – 1914, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., электромонтер – 350 р., 23.02.43 г., рядовой, Сталинград, ст. Бекетовка, пос. Германа, ул. Ленина, 9, 6 душ: отец, мать, жена, 2 брата и сестра, из Волго-татар. легиона.

41. Юсупов Закир Григорьевич – 1917, татар., б/п, 7 кл., шк[ола] лейтенантов РККА, воен.обяз., пред[седатель] сельсовета – 350 р., 23.02.43 г., мл.лейтенант РККА, ком[андир] взвода, ТАССР, Аксубаевский р-н, д. Ибрайкино, 3 души: отец, мать и сестра, из Волго-татар. легиона, за линию фронта в РККА.

42. *Райманов Габидула* – 1913, татар., б/п, 2 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, Чкаловская (ныне Оренбургская) обл., Шарлыкский р-н, Константиновский с/с, д. Ялчикаево, 2 души: жена и дочь, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

43. *Шигаев Ахилло* – 1918, татар., б/п, 2 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, Баш.АССР, Салаватский р-н, д. Лаклы, 4 души: мать, отец, сестра и брат, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

44. *Закирзянов (Закарзянов) Юсуп* – 1910, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Балтасинский р-н, д. Килеево (Кили), 3 души: жена и 2 дочери, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

45. *Галиев Нагим (Назим) Галиевич* – 1919, татар., б/п, 6 кл., воен.обяз., электромонтер – 450 р., сержант, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Тумутукский (ныне Азнакаевский) р-н, д. Б.Сухояш, 5 душ: мать, отец, 2 брата и сестра, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

46. *Хамидулин Насим (Касим)* – 1912, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Бондюжский (ныне Менделеевский) р-н, д. Тат. Сарсаз, 5 душ: жена, 2 детей, мать и брат, из Волго-татар. легиона, погиб 19.06.43 г.

47. *Хасанов Ахмат Ахметович (Ахатович)* – 1922, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., чернорабочий – 575 р., 23.02.43 г., рядовой, Пензенская обл., Никольский р-н, д. Ахметлет (возможно, Ахматовка) (в другом списке – Пензенская обл., Городищенский р-н, д. Хадаевка (возможно, Чадаевка), 3 души: 2 сестры и брат, из Волго-татар. легиона, погиб 19.06.43 г.

48. *Васимьямов (Василямов) Мажим (Максим)* (год рождения не указан), татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Кузнечихинский р-н, из Волго-татар. легиона, убит 3.03.43 г.

49. *Сайфудинов (Байорудинов) Хасан Мухамеджанович* – 1914, татар., б/п, негр., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Кузнецкий р-н, д. Бистыниха, из Волго-татар. легиона, с 4.04.43 г. в РККА.

50. *Якупов Хузя* – 1915, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., колхозник, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Балтасинский р-н, Килийский с/с, д. Килеево, 1 душа: мать, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

51. *Давлятчин Гата Мухаметинович* – 1921, татар., чл. ВЛКСМ с 1937 г., 7 кл., воен.обяз., счетовод колхоза, рядовой, ТАССР, Шугуровский р-н, к-з Хазин Ел, с. Уминское, 4 души: отец, мать, жена и сестра, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

52. Неразборчиво.

53. *Хасметов Сулейман Хайбулович* – 1915, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., подмастер – 450 р., сержант, 23.02.43 г., рядовой, Куйбышевская (ныне Ульяновская) обл., Павловский р-н, д. Тат. Шмаляк, 3 души: отец, мать и сестра, из Волго-татар. легиона.

Всего в отряде 230 чел., 56 чел. не в строю, 11 убито.

Отряд № 2 тов. Сарбая

54. *Сахаутдинов Хасаин* – 1911, татар., б/п, 6 кл., воен. обяз., рабочий – 500 р., 23.02.43 г., рядовой, Московская обл., г. Ласво (возможно, Лобня), Октябрьский пос., 1-я линия, д. 2, кв. 6, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 20.05.43 г.

55. *Зарипов Салег Зарипович* – 1914, татар., б/п, 1 кл., воен.обяз., шофер – 360 р., 23.02.43 г., боец (рядовой), ТАССР, Балтасинский р-н, с. Сосна (?), 1 душа: отец, из Волго-татар. легиона, [отправлен] за линию фронта в РККА¹.

Отряд № 4 тов. Сазонова²

56. *Тугушев Андрей Денисович* – 1921, татар., б/п, 8 кл., воен.обяз., зоотехник – 750 р., мл.лейтенант РККА, 22.02.43 г.³, командир взвода, Саратовская обл., Базарно-

Карабулакский р-н, с. Яковлевка, 8 душ: отец Денис Михайлович, мать, 5 братьев и сестра, из Волго-татар. легиона, переведен в бригаду Райцева 8.08.43 г.

57. *Фазылов Мурулла Миниханович* – 1917, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., колхозник, 22.02.43 г., рядовой, ТАССР, Мамадышский р-н, 2 души: отец, мать, из Волго-татар. легиона.

58. *Хайбулин Хайрула Шарафитинович* – 1917, башкир, б/п, 8 кл., полк[овая] шк[ола] РККА, воен.обяз., РККА, 22.02.43 г., ст.сержант, пом[ощник] ком[андира] взвода, рядовой, Баш.АССР, Хайбулинский р-н, с. Акъяр, ул. Салават, д. 11, 1 душа: жена Цинблатова Зифа, из Волго-татар. легиона, отправлен в РККА.

59. *Хайруллин Файзи* – 1921, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., РККА, 22.02.43 г., рядовой, ТАССР, Лаишевский р-н, с. Атабаево, 1 душа: мать Каримова Шамсруй, из Волго-татар. легиона, отправлен в РККА.

60. *Сабиржанов Салех* – 1915, татар., б/п, 1 кл., воен.обяз., колхозник-трудолик, 22.02.43 г., рядовой, ТАССР, Кзыл-Юлский (ныне Арский) р-н, д.Мамся (возможно, Нуса), 1 душа: мать Сабирханова Сарви, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

61. *Курганов Мулла* – 1920, татар. [в другом списке – ногай], б/п, 5 кл., воен.обяз., РККА, 22.02.43 г., рядовой, Орджоникидзенский край, Кизлярский округ, Карногайский р-н, совхоз № 9 (3), 3 души: отец Шадиев Курган, мать и брат, из Волго-татар. легиона, погиб 19.05.43 г.

62. *Казаков Дмитрий Тимофеевич* – 1914, мордв[ин], б/п, негр., воен.обяз., колхозник-трудолик, 22.02.43 г., рядовой, Пензенская обл., Неверкинский р-н, д. Донгузлей, 4 души: жена Казакова Мария Никитична и 3 детей, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

63. *Сайфудинов Тимерхан Латипович* – 1922, татар., б/п, 6 кл., воен.обяз., слесарь – 500 р., 22.02.43 г., рядовой, Баш. АССР, ст. Аксеново, Миякинский р-н, Миякинский с/с, 1 душа: отец Сайфудинов Латип, из Волго-татар. легиона, отправлен в РККА.

64. *Хасанов Акзам Хасанович* – 1914, татар., б/п, 8 кл., воен. обяз., шофер-механик – 700 р., 22.02.43 г., ком[андир] отделения, Баш.АССР, г. Дюртюли, Партизанский пер., д. 51 (1), 2 души: жена Хакова Фая, отец, из Волго-татар. легиона, отправлен в РККА.

65. *Салихов Шамиль Сабирович* – 1913, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., колхозник, 22.02.43 г., рядовой, Куйбышевская обл., Похвистневский р-н, с. Алькино, 5 душ: мать, жена, 2 детей и брат, из Волго-татар. легиона.

66. *Каримов Шафик Каримович* – 1908, татар., б/п, 7 кл., воен.обяз., предс[едатель] к-за, 22.02.43 г., рядовой, ТАССР, Актанышский р-н, д. Н.Алим[ово], 4 души: отец, мать, жена и ребенок, из Волго-татар. легиона.

67. *Гушанов Борис Сагиманович* – 1921, татар., б/п, 7 кл., воен.обяз., РККА, 22.02.43 г., ком[андир] отделения, Баш.АССР, Балтасинский р-н, Верхне-Каргилевский (возможно, Верхне-Каргалинский) с/с, д. Чуртанлы-Куль[ево], 4 души: отец, мать, брат и сестра, из Волго-татар. легиона.

68. *Давнякильде Рамазан Гарипович* – 1907, башкир, б/п, 1 кл., воен.обяз., колхозник, 22.02.43 г., ком[андир] отделения, Баш.АССР, Карчизанский (возможно, Куюргазинский или Кугарчинский) р-н, д. Ниж.Матыл, 1 душа: мать, из Волго-татар. легиона.

69. *Нургашев Григорий Исмагилович* – 1917, татар., б/п, 2 кл., полк[овая] шк[ола] РККА, воен.обяз., РККА – 47 р., мл.сержант РККА, 22.02.43 г., рядовой, Уз.ССР, г. Коканд, ул. Юрияш, д. 59, 1 душа: отец, из Волго-татар. легиона.

70. *Чепичев Сергей Михайлович* – 1917, татар., б/п, 2 кл., воен.обяз., РККА – 47 р., 22.02.43 г., рядовой, ТАССР, Алексеевский р-н, с.Лебедино, 1 душа: мать, из Волго-татар. легиона.

71. *Хабибулин Мурула Сибатович* – 1922, татар., б/п, малограмотный, воен.обяз., РККА – 47 р., 22.02.43 г., рядовой, Баш.АССР, Альшеевский р-н, Слаковский с/с, д. Оклишме (?), 3 души: отец, мать и брат, из Волго-татар. легиона.

72. *Гатин Ахмет Замалиевич* – 1913, татар., б/п, 2 кл., воен.обяз., колхозник-трудовик, 22.02.43 г., рядовой, ТАССР, ст. Нурлат, Тельманский (ныне Нурлатский) р-н, Новоальметьевский с/с, с. Н.Альмет[ьево], 1 душа: мать Замалиева Хакима, из Волго-татар. легиона, отправлен в РККА.

73. *Рахимов Гимей Рахимович* – 1913, татар., б/п, 3 кл., воен.обяз., колхозник-трудовик, 22.02.43 г., рядовой, ТАССР, Муслюмовский р-н, д. Кашана-Кар (?), 4 души: жена Рахимова Рахима, мать и 2 детей, из Волго-татар. легиона, пропал б/вести 19.05.43 г.

74. *Ахметшин Закир Мухаметович* – 1921, татар., б/п, 5 кл., воен.обяз., РККА, 22.02.43 г., рядовой, Уз.ССР, г. Чимкент, до востребования, 3 души: сестра Ахметшина Карима Мухаметовна и 2 брата, из Волго-татар. легиона.

75. *Степанов Иван Иванович* – 1919, татар., б/п, 4 кл., воен.обяз., повар – 740 р., 22.02.43 г., разведчик, ТАССР, Таканьшский (ныне Мамадышский) р-н, д. Зюри, 1 душа: мать, из Волго-татар. легиона, отправлен в РККА.

76. *Шарафутдинов Сагдий (Сакдый) Гайитинович (Ганитинович)* – 1915, башкир, б/п, 3 кл., полк[овая] шк[ола] РККА, воен.обяз., колхозник, сержант РККА, 22.02.43 г., рядовой, Баш. АССР, Салаватский р-н, Мечетлинский с/с, д. Мечетлино (возможно, имеется в виду с.Мачетли), 2 души: мать Шарафутдинова Олимя (Алимя) и жена, из Волго-татар. легиона, погиб 17.05.43 г.

77. *Ксенофонов Ананий Ксенофонович* – 1921, чуваш, б/п, средн[ее образование], воен.обяз., РККА, 22.02.43 г., рядовой, Чув[ашская] АССР, Калининский р-н, д. Авыр-Сирма, 1 душа: мать Степанова Мария Степановна, из Волго-татар. легиона, отправлен за линию фронта в РККА.

*Опубликовано в журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков»
(2009. № 1. С. 58–72).*

*М.Хакимов,
генерал-полковник,
доктор юридических наук*

КОММЕНТАРИИ К ДОКУМЕНТУ

Публикация историка Р.Гайнетдинова в журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков»¹, особенно ранее малоизвестного документа – «Донесения комиссара 1-го партизанского отряда И.Григорьева комиссару 1-й Витебской партизанской бригады В.Хабарову о приеме в отряд личного состава 825-го батальона Волго-татарского легиона» от 5 марта 1943 г., содержит факты и данные, которые существенно дополняют общую картину перехода татарского батальона к партизанам в Белоруссии. Историк публикует документ по рукописной копии, полученной от краеведа С.Лурье, ссылаясь на оригинал, который, по его сведениям, хранится в Витебском областном музее им. М.Ф.Шмырева. Тем не менее достоверность документа не вызывает сомнений.

Документ содержит важные факты, выявленные в первые дни после перехода батальона к партизанам. Прежде всего отмечено, что легион сформирован из военнопленных, попавших в плен в первые месяцы войны в боях на разных направлениях: под Белостоком, Гродно, Львовом, Харьковом и Керчью. Очевидно, это выявлено в ходе опроса легионеров. «До мая 1942 г. они находилась в лагерях военнопленных и переносили голод и зверства со стороны немецких солдат и офицеров» – говорится в донесении.

К июню 1942 г. пленных собрали в лагерях близ Варшавы, в Седльце и Радоме. Первоначально там находились три группы пленных, примерно по 900 человек, из которых и стали формировать первые три батальона. С июля 1942 г. по февраль 1943 г. батальоны прошли подготовку для боевых действий против партизан на оккупированных территориях. По оценкам исследователей, в общей сложности в семи батальонах Волго-татарского легиона (с 825-го по 831-й) насчитывалось до 10 тысяч человек, причем не только волжских татар, но и чувашей, мордвы, мари и других.

Комиссар первого партизанского отряда И.Г. Григорьев как участник события засвидетельствовал, что после прибытия и размещения подразделений 825-го батальона в деревнях Сеньково, Сувары и Гралево он с двумя бойцами пробрался в д. Сеньково ночью и через разведчицу Нину Буйниченко установил контакт с врачом батальона Жуковым.

От него командование отряда узнало, что намерение перейти к своим созрело в батальоне еще в Радоме, что в командном составе есть надежные люди, готовые возглавить переход. Он назвал имена адъютанта командира батальона Таджиева, командира штабной роты Мухамедова, помощника командира Латыпова и командиров взводов – Юсупова, Галеева, Трубкина, а также командира хоз. взвода Рахимова.

Г. Жуков сообщил Нине Буйниченко в 19 часов 22 февраля, что для переговоров с партизанами пойдут вместе со связным от партизан четыре человека: Трубкин, Лутфулин, Галеев и Фахрутдинов. Обговорив условия перехода батальона, командование партизанского отряда оставило в качестве заложников двух парламентаров (Трубкина и Лутфулина), а других отпустили для выполнения задуманного плана. Тем временем, видимо, по доносу кого-то из легионеров, Жуков, Таджиев и Рахимов были схвачены и увезены под охраной. Исчез и майор Цёк, командир батальона. В этой осложнившейся обстановке командование операцией взял на себя командир штабной роты Хусаин Мухамедов.

По согласованному плану в 11 часов вечера в ночь с 22 на 23 февраля 1943 г. начался переход 825-го батальона к партизанам. Комиссар И.Григорьев зафиксировал в донесении диалог, который состоялся между ним и Фахрутдиновым при встрече на р. Двине.

Значение перехода 825-го батальона к партизанам было высоко оценено командованием партизанского движения и участниками события, а впоследствии и исследователями. Непосредственным результатом пополнения партизанского резерва стало изменение соотношения сил на этом участке, что дало возможность бригаде М.Бирюлина прорвать вражеское окружение уже 28 февраля и нанести противнику ощутимый удар в щелбовских лесах.

По данным И.Григорьева, в расположение 1-го партизанского отряда в момент перехода батальона поступило 506 человек с вооружением: три сорокапятки (пушки), 20 станковых пулеметов, 4 батальонных миномета, 5 ротных минометов, 22 ручных пулемета, 340 винтовок, 150 пистолетов, 12 ракетниц, 30 биноклей и 26 лошадей с подводами боеприпасов и продовольствия.

В связи с тем, что отмечаются расхождения в цифрах по количеству вооружений и по людскому составу в разных документах, например, в отчете Шемялиса и в донесении И.Григорьева, следует учитывать обстановку, в которой происходил подсчет и учет на разных участках. В донесении И.Григорьева сделана оговорка: позже прибывали отдельными малыми группами. В конечном счете основные параметры совпадают. Даже в общих отчетах партизанского движения могут быть неточности: что-то могло быть потеряно уже в боях тех дней.

В документе отмечено, что перешедшие к своим были разбросаны по бригадам и отрядам в треугольнике Витебск–Сураж–Городок. Многие бывшие легионеры приняли участие в боях в первые же дни перехода и погибли на поле брани. На Большую землю, в штаб партизанского движения, были отправлены три офицера. Кто именно был отправлен в тыл, в донесении не указано.

В коллективном исследовании истории партизанского движения были отмечены результаты боев бригады М.Бирюлина в конце февраля. Воины батальона проявили мужество и самоотверженность в боях. Командование отметило, что наряду с «коренными» местными партизанами мужественно сражались Н.Гарнаев, А.Галеев, И.Хафизов, И.Юсупов, А.Сайфутдинов. «Грозой для гитлеровцев была партизанская рота под командованием Х.Латыпова, состоявшая из татар», – говорилось в исследовании белорусских авторов¹.

При написании статьи были использованы материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь /НА РБ/ (Ф. 3793. Оп. 1. Д. 83, Ф. 3500. Оп. 2. Связка 12. Д. 48).

Роль важных источников сыграли такие издания, как:

Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.). Минск, 1983;

Заерко А. Призрачность второй присяги: «тюркские добровольцы» в лесах Белоруссии // Политический собеседник. 1991. № 12.

Р.Гайнетдинов,
кандидат исторических наук

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛЕГИОНЕРОВ 825-го БАТАЛЬОНА ЛЕГИОНА «ИДЕЛЬ-УРАЛ»

23 февраля 1943 года в районе Сураж–Витебск–Городок 506 легионеров 825-го батальона Волго-татарского легиона, перебив своих немецких командиров, с вооружением и обмундированием перешли на сторону белорусских партизан в расположение 1-й Витебской партизанской бригады под командованием В.Хабарова¹.

Этот факт широкоизвестен научной общественности и ранее приводился в нескольких книгах как одна из иллюстраций героической борьбы антифашистского подполья, чаще всего в связи именем Мусы Джалиля².

В последние годы появились исследования, в которых доказано, что восстание в 825-м батальоне было подготовлено без участия поэта-героя. Подпольная работа в Волго-татарском легионе началась задолго до того, как Джалиль получил возможность к ней подключиться. Наоборот, по имеющимся документальным свидетельствам, восстание в батальоне оказало сильное влияние на поэта и стало мощным стимулом для подключения к антифашистской работе, и не только для него³.

Переход татарского батальона на сторону партизан имел огромное значение. Все это уже указывалось ранее на с. 39 в статье «Переход 825-го батальона легиона «Идель-Урал» на сторону белорусских партизан».

Однако в изучении истории восстания имеется большое «белое пятно» – дальнейшая судьба бывших военнопленных-татар.

Несколько лет тому назад группа исследователей, в составе которой были автор статьи, челнинский краевед Самуил Лурье, писатель-джалиловед Рафаэль Мустафин и некоторые бывшие сотрудники КГБ Татарстана, имевшие отношение к фильтрации военнопленных, попыталась найти документальные следы остатков 825-го батальона, относящиеся к периоду после 23 февраля 1943 года.

Бывший командир 1-й Витебской партизанской бригады Михаил Бирюлин в беседе с Самуилом Лурье тогда пояснял, что поскольку немцы неоднократно пытались засылать к партизанам агентов под видом бежавших военнопленных, партизанские руководители поначалу не вполне доверяли восставшим. В связи с этим было приказано распределить

их по отрядам нескольких бригад: 1-й Витебской, имени Ленинского комсомола, 1-й Белорусской и других.

Пытаясь найти бывших легионеров в составе этих партизанских соединений, мы обратились к книге «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.)», в которой приводятся данные о национальном составе некоторых партизанских бригад на момент соединения их с частями Красной Армии¹.

Если считать, что в число 99 человек, учтенных в графах таблицы как «другие национальности» и «национальность не установлена», входят татары, башкиры и чуваша, то все равно остается вопрос: где же остальные не менее четырех сотен бывших военнопленных-легионеров?

В беседе с С.Лурье М.Бирюлин дал такие пояснения. Во-первых, бывшие военнопленные, в отличие от партизан из местных жителей, плохо знали местность, где шли бои с карательными экспедициями фашистов, хуже в ней ориентировались и поэтому часто гибли в болотах или попадали в засады карателей. Во-вторых, бывших военнопленных не удалось переодеть, они воевали на стороне партизан в своих серо-зеленых немецких шинелях, и многие местные жители и партизаны соседних отрядов могли перебить их, принимая за немцев. В-третьих, некоторые командиры отрядов, вначале не очень доверявшие восставшим, при наступлении направляли их в первые ряды атакующих, а при отступлении оставляли прикрывать отход основных сил отряда.

Все это приводило к тому, что потери среди бывших военнопленных были значительно большими, чем среди партизан – местных жителей.

Кроме того, легкораненых подлечивали в отряде, а тяжелораненых перебрасывали через линию фронта в армейские госпитали самолетами ПО-2. После излечения в госпиталях местные партизаны, как правило, возвращались в свои отряды, бывшие военнопленные же направлялись (большой частью после проверки в фильтрационных лагерях) в части действующей армии, чаще всего в штрафные батальоны.

По свидетельству белорусского исследователя А.Заерко, 825-й батальон после перехода к партизанам был расформирован. Его личный состав влился в состав 1-й Витебской, 1-й Белорусской партизанских бригад и в бригаду Алексея Домукалова.

Основная часть татар осталась в отряде Г.Сысоева¹. 30 вооруженных татар командир 1-й Витебской бригады М.Бирюлин оставил у себя, а в отряде Г.Сысоева была сформирована отдельная рота из татар.

28 февраля 1943 года этот отряд прорвал окружение гитлеровцев и нанес им сокрушительный удар с тыла в щелбовских лесах. При этом бывшие легионеры не щадили себя в боях. Вот как описывали этот эпизод исследователи истории витебского подполья: «...в районе д. Поповичи отряд уничтожил 6 фашистских танков, автомашину и захватил в плен несколько гитлеровских солдат. В этой операции особенно отличились партизаны И.Тимошенко, С.Сергиенко, И.Хафизов, И.Юсупов и А.Сайфутдинов. Высокий героизм проявил боец Н.Гарнаев и комсорг созданного из татар истребительного батальона Ахмет Зиятдинович Галеев. Комсомольская организация возбудила ходатайство перед Суражским подпольным райкомом комсомола о даче ему рекомендации для вступления в партию. Грозой для гитлеровцев была партизанская рота под командованием Х.Латыпова, состоявшая из татар»².

Однако татар в партизанских отрядах становилось все меньше. В феврале 1943 года отряд Сысоева состоял в основном из татар и башкир, а в декабре того же года их осталось считанные единицы³.

В Национальном архиве Республики Беларусь имеется любопытный документ, описывающий судьбы тех легионеров, которые попали в партизанскую бригаду Алексея (А.Домукалова). Судя по нему, в феврале-марте 1943 года во время карательной операции «Шаровая молния» часть бригады Алексея была вытеснена гитлеровцами за линию

фронта. Среди этих партизан оказались и бывшие солдаты и офицеры 825-го батальона. Многие из них, если не все, были арестованы органами СМЕРШ. На 22 июня 1943 года в лагере специального назначения № 174 в Подольске находился 31 человек из 825-го батальона. Судьба их неизвестна¹. О судьбе легионеров свидетельствует важное объяснение одного из ветеранов КГБ Татарстана, полковника в отставке Льва Николаевича Титова (см. статью Р.Гайнетдинова «Переход 825-го батальона...». С. 39).

Так, в одном из документов, составленном чекистами Татарстана в 1950 году, названо 6 лиц, служивших в 828-м батальоне Волго-татарского легиона, с пометкой возле каждой фамилии – «арестован». В другом документе, относящемся к 1951 году, приводится список из 25 легионеров (в том числе 4 человека из числа служивших в 825-м батальоне), которые были арестованы, осуждены и содержались в особых лагерях МВД СССР².

В чем заключалась причина такого отношения к легионерам? Многие легионеры предназначались не только для участия в боевых действиях, но и для засылки в советский тыл для шпионской работы, а также в целях выявления неблагонадежных лиц на национальных территориях, которые планировала завоевать фашистская Германия. Так, после захвата советскими войсками бывших пропагандистских лагерей в Сувалках, Нойштедте (Наутимистис), Эбенроде, Погагене, Просткенне, Нейхаммере, Демблине, Ченстохове и Острове (все на территории Польши) были найдены списки 674 секретных агентов, подготовленных из числа лиц туркестанских национальностей, причем в эту категорию подбирались учителя, писатели, врачи, агрономы, студенты, служащие, то есть лица, имевшие неплохую общеобразовательную подготовку.

Кроме того, перед зачислением в легион военнопленные, принимая немецкую присягу, текст которой гласил: «Я готов в рядах германской армии употреблять все силы на освобождение моей Родины и поэтому согласен вступить в легион. Этим самым я считаю принесенную раньше мною в Красной Армии присягу недействительной. Я обязуюсь беспрекословно подчиняться приказам моих начальников»³. Публичный отказ военнослужащего от принесенной ранее присяги считался тягчайшим военным преступлением.

В настоящее время из 10 тысяч участников легиона «Идель-Урал» официально реабилитировано около двух десятков человек. В их числе 11 джалильцев и несколько бывших легионеров, перешедших в 1944 году к «маки»⁴ и сражавшихся в рядах французских партизан. Участников восстания в 825-м батальоне среди них нет.

Исследователям предстоит еще нелегкий поиск биографий и документов организаторов восстания в 825-м батальоне: врача из Чувашии Григория Волкова, назвавшегося Жуковым, командиров подразделений Рашида Таджиева, Александра Трубкина, Хусаина Мухамедова, Ахмета Галеева, Анатолия Муталло, И.К.Юсупова, В.Х.Лутфулина, Х.К.Латыпова и других, а также партизанской разведчицы Нины Буйниченко, перехавшей после войны из Белоруссии в Вильнюс. Совершенный ими в феврале 1943 года подвиг не только заслуживает достойной оценки, но, прежде всего, героям антифашистского выступления нужна гражданская и моральная реабилитация. Большинство из них, как мы видим, погибли во время боевых действий или затерялись в лагерях ГУЛАГа. Выжившие так и прожили до старости, не «высовываясь» и неся на себе моральный груз «предателя».

Р.Гайнетдинов,
кандидат исторических наук

СВЯЗНАЯ

Имя этой женщины я впервые услышал от челнинского краеведа Самуила Лурье, который в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия в качестве руководителя поискового отряда учащихся Набережно-Челнинской средней школы № 28 совершал походы по местам партизанской славы белорусского Полесья. В 1979 году челнинцы были в Витебске, где местные поисковики поведали им об истории перехода военнослужащих 825-го батальона легиона «Идель-Урал» на сторону белорусских партизан.

Здесь же С.Лурье встретился с командиром 1-й Витебской партизанской бригады М.Бирюлиным и комиссаром бригады В.Хабаровым, которые рассказали, что непосредственно легионеров с партизанами связала партизанская разведчица Нина Буйниченко (в 1979 году она жила в Вильнюсе).

В последующем С.Лурье несколько раз встречался с Буйниченко, был он в Вильнюсе в 1984 году вместе с поисковым отрядом. В 80-х годах «красные следопыты» Набережных Челнов, носивших тогда название город Брежнев, вели активную переписку с легендарной разведчицей. Я до сих пор помню страстный рассказ Самуила Григорьевича об этой красивой женщине, но расспросить более подробно об их встречах, записать рассказ энтузиаста-поисковика было недосуг... А сейчас их обоих уже нет в живых...

В 1989 году в исследование истории Волго-Уральского («Идель-Урал») легиона включился и я. Естественно, интересовался и историей 825-го батальона, очень хотел встретиться с живыми участниками и свидетелями перехода легионеров к партизанам, мечтал встретиться и с Ниной Буйниченко, но развал СССР и утеря живой связи с соотечественниками, в одночасье оказавшимися в «новых» государствах, на десятилетия приостановили наши поиски. Долгое время у меня не было никаких сведений и о Нине. Неожиданно в союзном издании «Союз. Беларусь–Россия» № 397 от 12 марта 2009 года в статье «Непокорный легион» увидел фотографию уже постаревшей, но живой Нины Буйниченко-Костюшкиной. Всерьез засобирился в Вильнюс, хотел выехать к ней вместе с бригадой телевидения «Новый век», чтобы заснять фильм о Нине Федоровне, но не успел – в апреле 2009 года ее не стало... Очерк об этой удивительной женщине пишу по имеющимся у меня белорусским архивным документам, а также материалам, переданным мне ее сыном Александром.

Нина Федоровна (Федосеевна) Буйниченко родилась в 1924 году в деревне Сеньково Бабинического сельсовета Витебского района Витебской области. Это была типичная многодетная крестьянская семья, где все добывалось тяжелым трудом. Вместе с пятерыми своими сестрами и братьями она с детства помогала родителям по хозяйству, при этом хорошо училась в Бабинической школе-семилетке, была активной пионеркой.

Но недолгим было спокойствие в семье. В 1933 году, когда в Сенькове в разгар антирелигиозной истерии коммунисты рушили церковь, отец Нины Федос Титович активно воспротивился этому.

Конечно, такое ему простить не могли – вскоре он был арестован, объявлен «врагом народа» и сослан на Дальний Восток.

В 1938 году Федос Титович приезжал домой в короткий «отпуск», во время которого жена Полина зачала от него шестого ребенка, но отбыть до конца срок своей ссылки и увидеть сына так и не смог – 21 июля 1941 года, за день до начала войны, в семью пришло извещение о смерти Ф.Буйниченко в дальневосточных лагерях.

Что пришлось пережить юной Нине (она была вторым ребенком в семье) и всей семье «врага народа» после ареста отца и смерти деда-кормильца, рассказать, тем более представить и пережить трудно. Было все: унижения, оскорбления, голод.

Семья Буйниченко выстояла. Более того, несмотря на все, они «не обиделись» на Советскую власть и всей своей последующей жизнью верой и правдой служили социалистической Родине.

В 1940 году Нина окончила школу и поступила в Витебское фармацевтическое училище, вступила в комсомол. Доучиться не успела – началась война. Она вернулась в Сеньково.

Когда немцы пришли в деревню, старшим дочерям Буйниченко грозила депортация в Германию «на работы во благо рейха». Сестра Вера ушла в партизаны (затем ее перебросили на Большую землю и в последующем она воевала в действующей армии зенитчицей). Уйти из деревни в расположение партизанского отряда должна была и Нина (вступить в отряд ей помогла соседка и подруга Соня Копылова, которую, однако, постигла тяжелая участь, она была угнана на трудовые работы в Германию). Но судьба распорядилась по-другому.

Передо мной справка, подписанная командиром партизанского отряда № 1 Витебской партизанской бригады Г.Сысоевым и комиссаром того же отряда И.Григорьевым, выданная 30 сентября 1944 года «партизанке тов. Буйниченко Нине Федоровне¹, о том, что она состояла агентурной разведчицей партизанского отряда № 1 Витебской партизанской бригады т. Бирюлина с декабря 1942 года по июнь месяц 1943 года и проживала в Бабиническом с/совете, дер. Сеньково, Витебского района». В своей автобиографии от 23 августа 1944 года Нина Буйниченко указывает другую дату: «В январе м-це 1942 года с девушкой нашей деревни Небыковой Софией я была принята в партизанский отряд, нас оставили работать негласно в тылу противника».

Полагаю, что дата вступления в отряд, указанная самой Буйниченко, более верная, так как все командиры 1-й Витебской партизанской бригады свидетельствовали после войны, что Нина Буйниченко сотрудничала с партизанами сразу же после прихода немцев в Витебскую область.

Работая лично в Национальном архиве Белоруссии с документами партизанского движения, знаю, что в штатных списках отрядов агентурные разведчики, как правило, не состояли, а учитывались отдельным списком.

В чем состояла роль агентурных разведчиков? Они, проживая в городах и крупных населенных пунктах, в первую очередь следили и добывали сведения о дислокации и передвижении войск и эшелонов с вооружением, распространяли листовки, доставляли почту и продовольствие партизанам, служили связными партизанских отрядов.

Такие же поручения выполняла и Нина Буйниченко. В автобиографии она пишет: «Все задания, поручаемые отрядом, выполнялись в срок, как в распространении литературы в городе Витебске и окрестностях Витебска, передаче почты, переговорах с людьми по заданию и по сбору сведений на своем участке».

Чтобы остаться в Сенькове и не быть угнанной в Германию, Нине и партизанам пришлось пойти на хитрость – ее изобразили перед немцами молодой «фрау», которая якобы воспитывает своего маленького сына (на самом деле младшего братишку Жоржа, родившегося перед войной).

Справедливости ради надо сказать, что жители деревни, в мирное время третировавшие семью «врага народа» Буйниченко, в военное время, зная о подлинной сути «материнства» Нины, всячески поддерживали данную легенду перед немцами.

Однако родство с мнимым «врагом народа» (отец Нины был полностью реабилитирован в 1989 году) все же во время войны спасло ей жизнь. Какой бы хорошей ни была легенда Нины, немцы подозревали, что в Сенькове у партизан есть надежный помощник. В первую очередь подозревали Нину из-за ее гордого, независимого характера. В конце 1943 года ее арестовали, увезли в гестапо в Бабиничи, где допрашивали, жестоко избивали, пытаясь уличить в связях с партизанами. Она заявляла: «У меня отец репрессирован Советской властью, как вы можете мне не верить?» В конце концов от девушки отстали и отправили в лагерь в деревне неподалеку.

Позже Нина узнала, что немцы все же не поверили ей и переспросили о ее отце у местного старосты. Последний, будучи также направленным на эту должность партизанами (о чем разведчица, конечно, не знала), подтвердил сведения о ее отце и заступился за Нину. Тем самым горькая судьбина отца спасла жизнь дочери и всей семьи. А Нина вместе с подружками бежала из лагеря и вскоре встретила Красную Армию, которая развернула наступательные действия в Витебской области совместно с

партизанами еще в конце 1943 – начале 1944 годов, задолго до знаменитой операции «Багратион».

О роли Нины Буйниченко в установлении связи подпольной организации прибывшего в феврале в Витебскую область в составе карательной экспедиции 825-го батальона легиона «Идель-Урал» с партизанами написано немало; об этом говорится во многих документах и в нашей книге «Татары в партизанских отрядах Белоруссии...». Однако во всей этой истории есть один не известный для общественности сюжет, который не позволяет упрощенно сводить роль Нины к простому посредничеству.

При чтении документов, рапортов командиров и ее автобиографии меня, например, настораживал один момент: уж больно скоропалительно, ясно представляя неизбежность расстрела семьи в случае провокации, Нина Буйниченко решается открыться перед квартировавшими у нее дома легионерами и соглашается на оказание помощи в установлении связи с партизанами.

Сначала я видел причины такого поведения в большой «откровенности» перед ней верхушки подпольщиков легиона (именно они – Жуков, Рахимов и Муталло – в первую же встречу заявили о намерении батальона сдать партизанам и повернуть выданное им оружие против немцев) и в отсутствии времени для тщательного изучения друг друга и долгих переговоров: события развивались слишком стремительно – 18 февраля батальон эшелоном прибыл в Витебск, с ходу выдвинулся по суражскому шоссе на восток от Витебска и встал гарнизонами в Суварах, Гралева и Сенькове, и уже с 22 февраля был задействован в карательной операции; правда, как свидетельствовали партизанские командиры, это были какие-то «странные» вояки – они не наступали, на огневые действия партизан отвечали стрельбой в воздух и т.п. (Тогда партизаны еще не знали, что это были татары.)

О причине решительного поведения партизанской разведчицы поведали мне сын Нины Буйниченко Александр Иванович и муж Иван Харитонович Костюшкины, знавшие об этой истории, как говорится, из первых рук.

Дело в том, что уже при первой встрече с Буйниченко Жуков и его сотоварищи передали разведчице увесистый пакет документов, который представлял, со слов Нины, какие-то схемы оборонительных сооружений, дислокации частей или военных объектов и т.п.¹ Она немедленно связалась с партизанами и передала этот пакет в отряд Сыроева через начальника разведки отряда Игоря Тимошенко.

Видимо, партизаны сразу же поняли ценность полученных бумаг, поэтому незамедлительно поступил приказ Нине продолжать контакты с легионерами и начать переговоры о переходе.

В течение двух последующих суток она пыталась отправить переговорщиков от легионеров в отряд: в первый день сама вызвалась быть проводником, но попытка окончилась неудачей, по дороге легионеры-подпольщики вместе с Ниной наткнулись на немецкий патруль и с трудом смогли объяснить ее присутствие в компании татар. Лишь со второго раза четверо татар, направленные к партизанам с проводником Михальченко, переодетым в немецкую форму, благополучно добрались до отряда.

В тот же день совместно с ними был разработан план перехода легионеров к партизанам и этой же ночью, с 22 на 23 февраля 1943 года, переход 506 военнослужащих с вооружением и обозами был успешно осуществлен. При этом восставшими был уничтожен немецкий штаб (74 человека – весьма внушительные для немцев потери) и 3 командира рот из «своих» татар, активно сотрудничавшие с немцами.

Восставшие понесли минимальные потери (накануне восстания предателем были выданы немцам руководители подпольной группы Жуков, Таджиев и Рахимов, которые были увезены в Витебск и расстреляны, а также при попытке перерезать линию связи штаба батальона с городом был убит Анатолий Муталло).

Следует сказать, что полученные от Жукова документы были срочно переправлены партизанами в Центральный штаб партизанского движения в Москву, где они были,

видимо, по достоинству оценены, так как вскоре после этого в 1943 году из ЦШПД пришел приказ доставить Нину Буйниченко в Москву для получения высокой правительственной награды за содействие в добывании важных документов, но вылететь в столицу она не могла, так как ее длительное отсутствие в Сенькове вызвало бы подозрение у немцев и неизбежно привело бы к расстрелу семьи.

Потом, когда Беларусь была освобождена, о неврученной награде просто забыли... Лишь после войны, когда сама Нина стала писать в инстанции об этом, ее вызвали в Белоруссию (в это время она жила уже в Литве) и вручили орден Отечественной войны II степени¹.

Кстати, Жуков вместе с документами передал Нине и пачку фотографий легионеров, снятых в гражданской одежде и в военной форме, скорее всего в Польше. Часть из них хранилась в семье Буйниченко вплоть до конца 40-х годов, но однажды мама Поля, испугавшись ответственности за хранение «антисоветских документов», сожгла эти фотографии от греха подальше.

После освобождения Белоруссии в 1944 году Нина Буйниченко работала четыре года в родном колхозе помощником бригадира. По вечерам бегала в Витебск доучиваться на медсестру. По окончании медучилища уехала в Литву, где работала медсестрой в Вильнюсской городской психиатрической больнице, а затем в психиатрической больнице в Ново-Вильно. Здесь, в Литве, она встретила будущего мужа Ивана – бывшего партизана, служившего в органах МВД. Вместе Костюшкины воспитали двоих детей: сына Сашу и дочь Людмилу, дождались внуков и правнуков. Ушла Нина Федоровна на пенсию в 1990 году, проработав 47 лет.

В течение жизни Нину Федоровну несколько раз допрашивали партизанские особы, а после и белорусские чекисты о ее участии в переходе 825-го батальона на сторону партизан: в 1944-м, 1946-м, в последний раз в 1968 году. Все эти годы в обществе бытовало недоверие к бывшим легионерам, к ним относились как к предателям. Нина Федоровна же ни на одном допросе не допустила ни малейшего сомнения в честности бывших легионеров, осознанно решившихся на вооруженное восстание в батальоне, в их преданности своей социалистической Родине и решимости своей кровью смыть позорное пятно плена. Для такой твердой гражданской позиции тоже нужно было немалое мужество: вспомним, что Нине Буйниченко в 1944 году было всего 20 лет.

Уже после, благодаря ученым-исследователям, крупным военачальникам и партизанским командирам, в числе которых были, несомненно, начальник Центрального штаба партизанского движения и Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Понамаренко и генерал Махмут Гареев, пришло признание этого героического эпизода Великой Отечественной войны. А у истоков этого признания стояла юная комсомолка Нина Буйниченко. Уже потом о ней вспомнят и отдадут должное.

В 1969 году в Витебске вышла книга Н.Пахомова и Н.Дорофеенко «Витебское подполье» (в 1974 году она была переиздана большим тиражом в Минске), где впервые упоминается о Нине Буйниченко. В 1973 году в Казани выходит книга-поиск Рафаэля Мустафина о Мусе Джалиле «По следам поэта-героя» (выдержала несколько изданий, последнее в 2004 году), где автор также пишет о переходе батальона на сторону партизан на основе собранных им в 60-х годах в Белоруссии документов.

Сегодня ее исследователи упоминают практически в любой статье, посвященной переходу бывших военнослужащих 825-го батальона на сторону белорусских партизан. О Нине Буйниченко много писали витебские и вильнюсские газеты. Последние статьи о ней учителя из Бабиничей В.Васильева вышли совсем недавно – в 2008 и 2009 годах. Материал о разведчице представлен также в экспозиции Витебского музея им. М.Ф.Шмырева.

В 2008 году Нина Буйниченко-Костюшкина съездила к себе на родину в Витебск и Сеньково. Вернулась вдохновленная, на следующий год вновь планировала поездку в

родную Беларусь на Праздник Победы. Она всю жизнь уважительно относилась к татарам, татарскому народу, часто вспоминала боевых товарищей из числа татар, не очень надеялась, но все же ждала приглашения из Казани, где хотела рассказать о героических делах наших земляков – бывших военнослужащих 825-го батальона. Но приглашения не дождалась – 8 апреля 2009 года ее не стало...

Так незаметно уходят от нас последние живые свидетели и активные участники нашего недавнего героического прошлого. Успеть запечатлеть и сохранить для потомков дела и свершения этих связанных поколений – задача не только специалистов-историков, но и молодых людей, интересующихся историей своей страны, своего народа. Как это делали когда-то в Белоруссии и Литве челнинские следопыты во главе с Самуилом Лурье. Как это делали много лет в местах боевых сражений по всему Советскому Союзу «снежные десанты» Казанского университета. Как это делают сейчас поисковики-«долинники» Татарстана.

На снимках (см. вклейку) имеются:

- 1) Копия партизанской справки Н.Ф.Буйничико. 1944;
- 2) Фото Нины Буйниченко. 1950;
- 3) Фото Полины Александровны Буйниченко (мама Нины Буйниченко) с Самуилом Григорьевичем Лурье и челнинскими следопытами в д. Сеньково. 1984, июль;
- 4) Фото семьи Костюшкиных: Иван Харитонович, Александр Иванович и Нина Федоровна. Вильнюс. 2008, 9 Мая.

2010

Д.Якубовский,

студент исторического факультета

Белорусского государственного педагогического
университета им. М.Танка

БОЕВАЯ СУДЬБА БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 825-го БАТАЛЬОНА ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО ЛЕГИОНА ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА НА СТОРОНУ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН

23 февраля 1943 года в районе Сураж–Витебск–Городок 506 легионеров 825-го батальона Волго-татарского легиона, перебив своих немецких командиров, с вооружением и обмундированием перешли на сторону белорусских партизан, в расположение 1-й Витебской партизанской бригады под командованием В.Хабарова.

Этот факт широкоизвестен в исторической науке, имеется много публикаций на эту тему. Об этом пишут как белорусские историки, так и зарубежные¹. Этим активно занимаются и сами татары. Но эта проблема остается актуальной и по сей день.

На сегодня имеется много невыясненных фактов, и самое главное, не решен вопрос реабилитации. Предстоит еще собрать как можно больше документальных подтверждений о том, что подавляющее большинство легионеров, за исключением лишь единиц, всегда оставались верными своей первой присяге.

Как татары пошли на сотрудничество с фашистами? Известно, что татары-бойцы Красной Армии попали в плен в 1941 и в начале 1942 годов в городах Белосток, Гродно, Львов, Молодечено, Керчь и Харьков. До мая 1942 года будущие легионеры находились в лагерях военнопленных и переносили голод и зверства со стороны немецких солдат и офицеров. Выбор у них был невелик: либо согласиться на сотрудничество, либо умереть в плену. Но нельзя приравнивать их согласие к измене. Если обратиться к подробностям перехода, то весь татарский командный состав и подавляющее большинство личного

состава душою было на стороне Красной Армии и партизан. Кроме того, по последним данным татарстанских историков, подготовка к переходу началась еще в Радоме, задолго до отправления батальона в Белоруссию², поэтому можно сказать, что это согласие на сотрудничество по большей мере было тактическим ходом.

825-й батальон входил в состав легиона «Идель-Урал». Причинами создания его были поражение гитлеровцев под Москвой, провал плана «молниеносной войны».

Немецкая армия остро нуждалась в живой силе. Именно тогда рейхсминистр оккупированных территорий Востока Альфред Розенберг предложил Гитлеру использовать военнопленных разных национальностей Советского Союза в борьбе против собственной родины.

Для исполнения директивы Гитлера в течение 1942 года под руководством Восточного министерства был создан ряд «национальных комитетов», в том числе и Волго-татарский, приказ о создании которого был подписан в августе 1942 года.

За период с 1942 года по 1943 год в составе легиона было сформировано семь батальонов. Среди них и 825-й, который был направлен в Витебщину, в деревни Сеньково, Сувары и Гралево по берегу Западной Двины.

Этот батальон должен был вступить в бой уже через три дня с момента их прибытия на место 20 февраля 1943 года. Но произошло событие, в корне изменившее планы немецкого командования. В ночь с 22 по 23 февраля произошел переход легионеров к партизанам, что подтверждает их преданность Родине.

Здесь возникает большая проблема, так называемое очередное «белое пятно» в истории. О судьбах легионеров после перехода мы знаем очень мало. Изданная литература по истории войны не изобилует фактами о самом батальоне, о переходе, а тем более нам неизвестны боевые судьбы и подвиги наших братьев-татар.

Именно поэтому автор поставил цель на основании архивных данных найти доказательства героизма, храбрости и преданности Родине бывших легионеров-татар после перехода их к партизанам в феврале 1943 года.

Известно, что уже в первый день после перехода был дан жестокий бой против немецких войск с использованием переданных партизанам трех 76-миллиметровых пушек. При этом надо отметить, что при пушках и пулеметах в основном были сохранены расчеты из подготовленных специалистов-татар.

Татары совместно с партизанами вступили в бой в районе деревень Красный двор и Тарасовка.

В ходе боя артиллеристы и минометчики выпустили более четырехсот мин и снарядов по противнику. Пулеметчики подпускали на близкое расстояние противника и косили его пулеметным огнем.

Бой шел с утра до ночи. Отличились в этом бою и наши татары, а именно командир батареи Латыпов, командир взвода Юсупов; командиры 1-го, 2-го и 3-го орудия Хафизов, Шакиров, Касимов, а также минометчики и пулеметчики.

После этого боя немецкие солдаты и офицеры спрашивали у населения: «Что за воинская часть была?» Население отвечало: «Это партизаны». Они с криком, ударяли тех, кто отвечал: «Нихт партизан, это солдат, воинская часть»¹.

Позже, 28 февраля, отряд Сысоева, в котором незадолго до этого была сформирована отдельная рота из татар, прорвал окружение гитлеровцев и нанес им сокрушительный удар с тыла в щелбовских лесах. При этом бывшие легионеры не щадили себя в боях. Вот как описывали этот эпизод исследователи истории витебского подполья: «...в районе д. Поповичи отряд уничтожил 6 фашистских танков, автомашину и захватил в плен несколько гитлеровских солдат. В этой операции особенно отличились партизаны И. Тимошенко, С. Сергиенко, И. Хафизов, И. Юсупов и А. Сайфутдинов. Высокий героизм проявил боец Н. Гарнаев и комсорг созданного из татар истребительного батальона Ахмет Зиятдинович Галеев. Комсомольская организация возбудила ходатайство перед Суражским подпольным райкомом комсомола о даче ему рекомендации для вступления в

партию. Грозой для гитлеровцев была партизанская рота под командованием Х.Латыпова, состоявшая из татар»².

Как мы видим, татары героически сражались и отличились в боях даже в самые первые дни после перехода.

В мае 1943 года немцами была проведена вторая, более внушительная, чем февральская, карательная экспедиция против партизанских соединений в районе Сураж–Витебск–Городок с привлечением кадровых мотопехотных и танковых частей, артиллерии и других приданных подразделений, в частности батальона «СС». И уже 8 мая отряд партизан с участием бывших бойцов 825-го батальона вел бой с немцами в районе д. Гребеница, в результате которого было убито 3 и ранено 2 гитлеровца. В этом бою отлично действовал расчет станкового пулемета Салихова и Казакова³.

Но самые жестокие бои в районе действия Витебской партизанской бригады начались 13 мая. 18–19 мая противник замкнул окружение отрядов бригад М.Бирюлина и Райцева.

17 мая, когда противник вышел на рубеж обороны отряда В.Сазонова, в бою героически погиб пулеметчик из Башкирии С.Шарафутдинов. О его подвиге комиссар бригады В.Хабаров написал в штаб партизанского движения следующее: «Пулеметчик тов. Шарафутдинов, расстрелявший огнем пулемета в упорседавших гитлеровцев, не сошел со своего боевого поста»⁴.

Расчет станкового пулемета в лице Салихова и Казакова, уничтоживший свыше 10 гитлеровцев, во второй раз показал пример героизма¹. Также в этом бою мужественно вели сражение пулеметчики Фазылов и Абдулаков, которые огнем своих пулеметов уничтожали по 5–8 гитлеровцев².

8 февраля 1944 года произошел еще один жестокий бой с участием татар. Бригада под руководством комиссаров бригад Потапенко, В.М.Козловского и начальника штаба бригады И.А.Тимошенко наступала на гарнизон Милюшка Сененского района.

Гарнизон состоял из 220 «народников» и 30 немцев, имеющих на вооружении две 45-миллиметровые пушки, 4 миномета, 2 станковых пулемета, 16 ручных пулеметов, 10 автоматов, винтовки. Укрепления гарнизона состояли из 4 дзотов и окопов. Кроме того, каждый дом, где располагался противник, был обнесен валом.

В 5.00 отряды, подойдя на рубеж атаки, начали штурм и, несмотря на сильное сопротивление, ворвались в гарнизон. В результате огнестрельного боя, доходившего до рукопашных схваток, противник был выбит из гарнизона. При этом было уничтожено 46 «народников» и 5 немцев, ранено 18 «народников» и 2 немца. Захвачены трофеи. Но противник начал быстро подбрасывать укрепления для 13 ближайших гарнизонов Богданово и Подворица с целью отрезать пути отхода штурмующей группы. В связи с создавшимся превосходством противника бригада отошла на исходный рубеж.

Тем не менее в этом бою отличился командир взвода Асхат³. Он со своим взводом имел дело с 5 укрепленными домами противника, в результате чего было уничтожено 15 гитлеровцев. Смертью героя погиб боец Т.Е.Мухтодинов⁴.

Весьма интересный документ представляет «Приказ по Витебской партизанской бригаде, д. Кобыляк, 5 апреля 1943 г.», где упоминается имя бывшего legionера Юсупова: «Подводя итоги ожесточенной борьбы отрядов бригады с двумя карательными экспедициями немецко-фашистских войск, с 14 февраля по 25 марта 1943 г., необходимо отметить, что весь личный состав бригады в абсолютном большинстве оправдал высокое доверие, возложенное на нас Родиной, – быть народными мстителями-партизанами, проявляющими чудеса храбрости и героизма»⁵.

Ниже идет перечисление отличившихся отрядов, среди которых в отряде Сысоева упоминается имя этого бывшего legionера: «Отряд № 1 тов. Сысоева, комиссар тов. Григорьев, начальник штаба тов. Потапенко, начальник разведки тов. Тимошенко;

командиры взводов: Стрельцов, Шилов, Парфенов, Чикишев, Вдовин, командир орудия Юсупов, ком.диверсионной группы Юпатов, ком.отделения Смеков»¹.

И далее следует сам приказ: «Приказываю: 1. Партизанам и партизанкам, командирам и политработникам отряда № 1 тов. Сысоева и отряда № 4 тов. Сазонова за отличные действия в борьбе с немецко-фашистскими бандитами объявить благодарность. Командирам и комиссарам отрядов представить рапорта на особо отличившихся партизан и командиров для представления к правительственной награде».

Как видим, вышеупомянутый среди отличившихся командир орудия Юсупов, возможно, тоже был представлен к правительственной награде.

Но татар становилось все меньше и меньше. Особенно ощутимые потери были в отряде Сысоева, когда в жестоком бою 19 мая 1943 года погибли или пропали без вести более половины приписанных к отряду татар.

После войны М.Ф.Бирюлин во время беседы с краеведом из Татарстана С.Лурье дал такие пояснения: «Во-первых, бывшие военнопленные, в отличие от партизан из местных жителей, плохо знали местность, где шли бои с карательными экспедициями фашистов, хуже в ней ориентировались и поэтому часто гибли в болотах или попадали в засады карателей. Во-вторых, бывших военнопленных не удалось переодеть, они воевали на стороне партизан в своих серо-зеленых немецких шинелях, и многие местные жители и партизаны соседних отрядов могли перебить их, принимая за немцев. В-третьих, некоторые командиры отрядов, вначале не очень доверявшие восставшим, при наступлении направляли их в первые ряды атакующих, а при отступлении оставляли прикрывать отход основных сил отряда»².

Все это приводило к тому, что потери среди бывших военнопленных были значительно большими, чем среди партизан – местных жителей.

Кроме того, легкораненых подлечивали в отряде, а тяжелораненых перебрасывали через линию фронта в армейские госпитали самолетами ПО-2. После излечения в госпиталях местные партизаны, как правило, возвращались в свои отряды, бывшие военнопленные же направлялись (большей частью после проверки в фильтрационных лагерях) в части действующей армии, чаще всего в штрафные батальоны³.

В настоящее время из 10 тысяч участников легиона «Идель-Урал» официально реабилитировано около двух десятков человек. В их числе 11 джалильцев и несколько бывших легионеров, перешедших в 1944 году к «маки» и сражавшихся в рядах французских партизан. Участников восстания в 825-м батальоне среди них нет¹.

Однако приведенные нами в статье даже немногочисленные факты боевой судьбы бывших военнослужащих 825-го батальона заслуживают достойной оценки. И те подвиги, которые они совершали после перехода, должны быть преданы гласности. Примеров таких подвигов было много, и они фиксировались документально, подтверждением чему служат приведенные выше факты, найденные в документах Национального архива Республики Беларусь. Однако в литературе о Великой Отечественной войне, в списках отличившихся и награжденных мы не увидим ни одного бывшего легионера, поэтому было бы весьма благородно к 65-летию Великой Победы наградить белорусскими или российскими наградами отличившихся партизан-татар, в том числе и Юсупова.

М.Хакимов,
генерал-полковник,
доктор юридических наук

КАК ПОПОЛНЯЛСЯ СПИСОК БОЙЦОВ
825-го БАТАЛЬОНА

В издании «Гасырлар авазы – Эхо веков» № 1 за 2005 год в рубрике «К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне» была опубликована статья Р.Гайнетдинова «Переход 825-го батальона легиона «Идель-Урал» на сторону белорусских партизан». В исследовании кандидата исторических наук Р.Б.Гайнетдинова в научный оборот введены интересные документы и материалы, полученные из архивных фондов, и поставлен ряд вопросов, на которые можно было ответить лишь в результате дальнейшего поиска новых данных, дополняющих и уточняющих сложившуюся в отечественной историографии картину.

В течение десятилетий исследователи вели такой поиск и постепенно выявили многие обстоятельства перехода татарского батальона к партизанам в Белоруссии 23 февраля 1943 года. В числе исследователей и авторов публикаций следует отметить татарского писателя Р.Мустафина, краеведа С.Лурье, московского профессора А.Ахтамзяна, татарского ученого И.Гилязова, наконец, генерала армии М.А.Гареева. Особую ценность представляют публикации, которые вводят в научный оборот новые архивные документы и материалы. Одной из таких работ стала и статья Р.Гайнетдинова. Научный историографический интерес представляет собой опубликованный им документ «Донесение комиссара 1-го партизанского отряда И.Григорьева комиссару 1-й Витебской партизанской бригады В.Хабарову о приеме в отряд личного состава 825-го батальона Волго-татарского легиона» от 5 марта 1943 года. Первым документом об этом событии был, как известно, документ, датированный 23 февраля 1943 года: «Сообщение ответственного Витебского обкома КП(б)Б К.И.Шемялиса секретарю Витебского обкома КП(б)Б И.А.Стулову о переходе на сторону партизан 825-го батальона волго-татарских легионеров 23 февраля 1943 года», который зафиксировал по свежим следам первоначальную версию события со слов его участников. Затем последовали уточнения, особенно относительно количества перешедших бойцов, организаторов перехода и др.

По данным Р.Гайнетдинова, оригинал публикуемого им документа хранится в Витебском областном музее им. М.Ф.Шмырева. Еще в 1979 году поисковый отряд школы № 28 в Набережных Челнах предпринял под руководством краеведа С.Лурье поход по местам партизанской славы белорусского Полесья. В итоге похода С.Лурье ознакомился в Музее им. М.Ф.Шмырева с этим документом и сделал рукописную копию. Позже он передал копию исследователю Р.Гайнетдинову, который и подготовил публикацию.

В течение нескольких лет исследовательская группа Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка поддерживает контакты с Витебским областным музеем им. Героя Советского Союза М.Ф.Шмырева, проводит совместные конференции и семинары по истории партизанского движения, в том числе по истории перехода татарского батальона к партизанам в феврале 1943 года.

По запросу президента Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Российской Федерации генерал-полковника В.Г.Шевченко летом 2007 года были получены ранее неизвестные исследователям документы из Национального архива Республики Беларусь. Среди полученных ксерокопий имеется написанный каллиграфическим почерком документ под названием «Секретарю Витебского обкома КП(б)Б тов. Жилинину от комиссара п/отряда тов. Сысоева 1-й Витебской партизанской бригады Григорьева Исаака Георгиевича». Документ имеет подпись Григорьева, но не имеет даты. Надо полагать, что документ составлен после 5 марта 1943 года. Документ идентичен документу от 5 марта 1943 года, хотя имеет некоторые редакционные отличия не только по стилю и правописанию, но и по содержанию. Полагаю, что факсимильная публикация ксерокопии представляет интерес не только для исследователей и архивистов, но и для более широкого круга общественности.

В пакете документов из Национального архива Республики Беларусь имеются и другие документы, представляющие интерес для общественности Татарстана и России в целом. Особый интерес представляют списки личного состава партизанских отрядов, которые

приняли в свои ряды татарских легионеров. В развернутых списках имеются сведения о довоенном месте жительства, образовании, партийности, составе семьи, профессии и даже о размере зарплаты до войны. В отдельных случаях указаны даты гибели в бою или отправки за линию фронта, в РККА и т.п.

Полагаю, что в дальнейшем возможна будет передача пакета документов в коллекцию Национального архива Республики Татарстан вместе с другими документами и с согласия архива, где хранятся подлинники: Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 109.

Президент Академии проблем безопасности, обороны правопорядка генерал-полковник В.Г.Шевченко сделал 26 июня 2007 года официальный запрос органам Республики Беларусь относительно хранящихся в архивах партизанского движения списков бойцов 825-го батальона Волго-татарского легиона, перешедших к партизанам 23 февраля 1943 года и включенных в состав партизанских отрядов. Ответом было получение ряда материалов, переданных исследователям и включенных в данную публикацию.

Список бойцов батальона, перешедших
на сторону партизан

Отряд Гурко:

1. Валиулин Давид, 1918 г.р.
2. Садыков Иван Маликович, 1913, шофер
3. Мангулов Сергей Фахриевич, 1918, учитель
4. Гилязов Шайнудин, 1918
5. Хузияхметов Хадий, 1913
6. Гайнуудинов Кассия, 1919
7. Гариев Натфула Искел, 1921
8. Гатим(н) Гари, 1914
9. Абдурахманов Кулиахмет, 1911
10. Тугаев Сайт, 1914
11. Акчердаков Мукодес, 1917
12. Мукасымов Хан, 1917
13. Камалов Сочин, 1911
14. Ярулин Тухтар, 1923
15. Шанкудинов Ганус, 1921
16. Беляев Шарил(п), 1921
17. Бахмедов Афал Хафизович, 1912
18. Шарифулин Нургалий, 1911
19. Ахмаленденов Н., 1914
20. Багаудинов Ш.Г., 1910
21. Галимов Н.П., 1915
22. Рахимзанов, 1916
23. Калимулин Г., 1919
24. Гумиров Ф., 1917
25. Садыков Г.М., 1914
26. Халимов А.Л., 1922
27. Олимов С.П., 1917
28. Шайдулин К., 1916
29. Аухатов Р., 1919
30. Охмедшен С.Ш., 1920
31. Агишев Р.С., 1905
32. Гамудинов А.Н., 1921
33. Сайтгараев К., 1912

34. Тухватулин М.С., 1916
35. Олекимов М.Х., 1921
36. Гайнулин С.С., 1913
37. Шамсудынов М., 1913
38. Азизов А.У., 1913
40. Муста(е)в С.С., 1917
41. Галеев Ахмет Химатович?, 1918
42. Гельметинов Гиль...?, 1921?
43. Гибадулин Генсат, 1918
44. Галемзанов Шамнук?, 1913
45. Халилов Файзи ...?, 1907
46. (не поддается прочтению в копии), 1917, учитель
47. Нурмадин Шакир Киясович, 1916
48. ...ртанов Ахун Г...дович, 1914
49. Каримов Зин(н)ат, 1914

Из архива музея п. Сураж (Витебская область Белоруссии).

Копия записи В.Т.Кухаревой со списка, найденного лесниками в 1980 году.

Из фондов Витебского областного музея им. Героя Советского Союза М.Ф.Шмырева.

Отряд Сысоева:

1. Гизатулин Фазым(л) Шойдакович, 1916 г.р.
2. Юсупов Заир Григорьевич, 1917
3. Хузин Гибербай, 1920, Тат. АССР, р-н п.Шиз?ы
4. Азаматов Мостаким Шанейрович, 1923
5. Хаоризов Искандер Хайоризович, 1914, Баш.АССР, башкир, д. Сабановка, Ме(л)четинский р-н
6. Шапиров Анвар Шакирович, 1915

Отряд Курмелева:

1. Галеев Ахмет Зигазис ?, 192? г.р., член ВЛКСМ с 1936 г., образование 10 классов, сержант, в отряде с 23.02.42 г.?, до войны жил в Челябинске
2. Газизов Хузи Ганеевич, 1914, из тат. легиона
3. Ба(я)зитов Садык Умарович, 1916, из тат. легиона
4. Мухамедьянов Газис М..., 1912/14 ?, из тат. легиона
5. Фаскудинов Фаскудин, 1911
6. Газизов Нурлы Газиз, 1914
7. Заединов Садрий, 1914
8. Суликов Ерамей Александрович, 19??. из тат. легиона
9. Авдеев Садык Мубитович, 1915
10. Сагитов Н(Р)аель Уштубедир, 1920
11. Галеев Мин(ч)ей Ахмедович, 1910, до войны жил в Челин (Челны?)
12. Сиразеев Ярхам Аибзелович, 1913
13. Бикеев Гумшер Мухтар, 1918

Р.Гайнетдинов,

кандидат исторических наук

НОВЫЕ СПИСКИ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 825-го БАТАЛЬОНА ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО ЛЕГИОНА

В 2005 и 2009 годах в научно-документальном журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков» автором были опубликованы архивные документы о бывших военнослужащих 825-го батальона Волго-Уральского легиона, обнаруженные в архивных и музейных учреждениях России и Белоруссии¹. Обнародование списков бывших легионеров, перешедших к партизанам, и свидетельств дальнейшей боевой судьбы татар в партизанских отрядах Белоруссии имело большой общественный резонанс и вызвало положительный отклик в республике. Оказалось, что о судьбах большинства приведенных в списках лицах ничего не было известно как их родным, так и общественности. Поэтому самый благодарный отклик вызвала поддержанная Президентом Республики Татарстан М.Ш.Шаймиевым инициатива нашей исследовательской группы (А.Ахтамзян, М.Хакимов и Р.Гайнетдинов) об установлении от имени Республики Татарстан в Витебской области, в районе неподалеку от места перехода легионеров к партизанам, мемориальной стелы татарам, воевавшим в Белоруссии. Она была торжественно открыта 10 ноября 2009 года при участии общественности Татарстана и Витебщины (Беларусь). Плодом наших исследовательских итогов является также представляемый общественности к 65-летию Великой Победы сборник документальных материалов «Татары в партизанских отрядах Белоруссии...», посвященный участию бывших военнослужащих 825-го батальона и других татар в борьбе за освобождение нашей Родины от гитлеровского фашизма.

В ходе подготовки этого сборника в конце 2009 года автором в фондах Национального архива Республики Беларусь /НА РБ/ были выявлены новые списки бывших военнослужащих 825-го батальона, распределенных, кроме 1-й Витебской партизанской бригады М.Бирюлина², в 1-ю Белорусскую партизанскую бригаду, а также в бригады им. Ленинского комсомола и Алексея (всего 277 листов документа). Обнародование этих списков, по нашему мнению, в настоящее время приобретает большое гражданское и политическое значение в связи с необходимостью поименной юридической реабилитации бывших легионеров, а также для организации воспитательной работы по пропаганде этого героического эпизода Великой Отечественной войны среди молодого поколения и разоблачения фальсификаций истории Второй мировой войны в период празднования 65-летия Великой Победы.

В донесениях комиссара 1-го партизанского отряда 1-й Витебской партизанской бригады Исаака Григорьева говорится, что большинство из 506 перешедших на сторону партизан бывших военнослужащих 825-го батальона¹ были распределены в 1-ю Белорусскую партизанскую бригаду Я.Захарова (356 человек), 120 человек – мелкими группами в остальные бригады Суражской зоны². Данные сведения партизанского командира подтверждаются документами НА РБ.

Действительно, большая часть легионеров была направлена в бригаду Якова Захарова, при этом большинство – в отряд Григория Курмелева (79 человек). Вторым по численности татар был отряд Алексея Гурко. Кроме того, бывшие легионеры были распределены небольшими группами до 10–15 человек в отряды Ф.Воропаева, М.Машкова, А.Погорелова, А.Дика, И.Жаворонкова. При этом следует сказать, что это была относительно новая бригада, сформированная в сентябре 1942 года из разросшейся бригады М.Бирюлина. Первоначально она состояла из трех рот, лишь в начале 1943 года произошло разделение на отряды. При этом вплоть до второй половины 1943 года шло переформирование отрядов и создание новых в результате прибывавшего пополнения (в том числе из бывших пленных татар). Поэтому отследить списочное движение татар в этой бригаде в течение 1943 года достаточно сложно. Например, отряд Жаворонкова был создан в 1943 году, в нее из отряда Гурко была выделена группа в 40 человек, в том числе несколько татар. В ходе февральско-мартовской кампании того же 1943 года один из командиров партизанских отрядов Воропаев был снят с должности и исключен из партии за низкие моральные качества, бойцов его отряда влили в созданный новый отряд Машкова, нескольких бойцов для улучшения морального духа распределили по другим

отрядам. Кроме того, в течение года несколько татар было переправлено на самолетах через линию фронта на лечение и по другим причинам.

В докладной записке в Белорусский штаб партизанского движения от 3 марта 1943 года комбриг Я.Захаров писал: «Рост партизанской бригады в основном происходит: 1) за счет населения Суражского, Витебского и Городокского районов; 2) за счет Волго-татарского легиона, перешедшего на сторону партизан 23 февраля 1943 г.; 3) за счет в/пленных, уходивших из немецких лагерей»¹.

Далее Захаров замечает, что людской резерв из местного населения к 1943 году практически исчерпан, поэтому надо сказать, что пополнение, прибывшее в бригаду Захарова из числа бывших военнослужащих 825-го батальона, сыграло весьма важную роль и послужило причиной для формирования нескольких новых отрядов бригады.

В конце октября 1943 года началась новая, третья по счету карательная операция фашистов против партизан. В центре ее оказалась бригада Я.Захарова. В течение двух недель отряды бригады оказались полностью отрезанными от своих партизанских баз и вытеснены на восток, ближе к фронту. Командир бригады Я.Захаров срочно вылетает в Москву, где в Центральном штабе партизанского движения (ЦШПД) планируется масштабная операция по прорыву партизанских соединений Витебской зоны к своим, на воссоединение с частями Красной Армии. Захаров назначается командиром партизанской группировки. 23 октября 1943 года, после 19 дней боев, в результате стремительного и неожиданного для немцев маневра, отряды 1-й Белорусской и 2-й Витебской, имени Ленинского комсомола и имени Кутузова партизанских бригад соединились с частями Красной Армии в районе действия 334-й стрелковой дивизии, сформированной в 1941 году в Казани и получившей впоследствии наименование «Витебской» за освобождение названного города.

В бригаде Захарова из 711 человек по списочному составу в прорыв вышел 461 человек. При этом 318 бойцов были направлены в Суражский райвоенкомат для дальнейшей службы в рядах РККА (в их числе 54 бывших военнослужащих 825-го батальона, воевавших в партизанах²), 120 человек оставлены для восстановления советской и партийной работы в освобожденных районах Витебской области. В ноябре 1943 года 1-я Белорусская партизанская бригада была расформирована, при этом пополненный из других бригад отряд Гурко³ в количестве 248 человек (в их числе около десятка татар) был оставлен в тылу противника в Холопниченском районе Борисовщины и действовал до лета 1944 года.

В бригаде Домукалова (Алексея)¹ названия отрядов носили номерной и именной характер. Татары – в основном специалисты (разведчики, пулетметчики) – служили в отрядах № 4 «Смерть врагам», № 6 «Моряк», № 9 «Победа», № 15 «Сокол», № 16 «Комсомолец», № 17 «Мститель», № 36 «Марат». После соединения с частями РККА часть бойцов бригады Алексея была направлена в тыл врага в Борисовщину в составе отряда Гурко.

Бригада имени Ленинского комсомола действовала в Суражском и Городокском районах. Это было одно из первых партизанских соединений на Витебщине, достаточно сказать, что ее командир Даниил Райцев² был назначен на эту должность уже в июле 1941 года. В этой бригаде татар было немного. После соединения с частями РККА в ноябре 1943 года 5 бывших легионеров были направлены для прохождения дальнейшей воинской службы в распоряжение Суражского РВК, а один боец – для службы в Витебский полк НКВД. Сам Райцев в это время съездил в короткий отпуск в Татарстан, где в селе Ютаза Бавлинского района находилась его жена Мария, эвакуированная из Белоруссии в 1941 году.

Надо сказать, что Д.Ф.Райцев прожил долгую жизнь и сохранил у себя практически весь архив своей партизанской бригады. Недавно вдова партизана передала документы в Витебский областной музей им. Героя Советского Союза М.Ф.Шмырева, которые сейчас

разбираются специалистами, и, как обещает руководство музея, интересные материалы в отношении наших соотечественников в бригаде Райцева будут преданы гласности.

Одновременно наша поисково-исследовательская группа ведет обработку списков бывших военнослужащих 825-го батальона, выявленных в Национальном архиве Республики Беларусь в декабре 2009 года и переданных нам благодаря доброй воле Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь и неоценимой помощи сотрудников НА РБ.

Сегодня же мы публикуем лишь первый, самый большой из вновь выявленных списков наших соотечественников, зачисленных в отряд Курмелева бригады Захарова. В его основе лежит список отряда, составленный в июле 1943 года. Некоторые сведения уточнялись по более позднему списку, составленному на основе первого в ноябре того же года. При разночтении данных даются сведения из обоих списков.

О каждом лице публикуются следующие сведения: фамилия, имя и отчество (последнее указано не у всех); год рождения; национальность; образование; партийность; место рождения; где и чем занимался до войны (у некоторых – с указанием довоенного оклада по занимаемой должности); воинское звание; дата вступления в партизанский отряд; занимаемая должность в отряде; домашний адрес; откуда попал в отряд. В квадратных скобках даны или отсутствующие части текста, или по возможности уточненные, соответствующие современному административно-территориальному делению страны названия областей, районов, населенных пунктов. В круглых скобках даны, как правило, двойко читаемые буквы в фамилиях или именах лиц (следует сказать, что списки составлялись не по личным документам, а в основном со слов опрашиваемых, поэтому ошибки партизанских писарей в написании труднопроизносимых татарских имен и фамилий были неизбежны).

Надеемся, что публикуемый список явится документальным основанием для дальнейшей работы военных комиссариатов и муниципальных образований по розыску родственников и доведению до них сведений о безызвестных героях минувшей войны, бесспорно, совершивших подвиг в белорусском Полесье в далеком феврале 1943 года.

Список личного состава партизанского отряда Курмелева 1-й Белорусской партизанской бригады т. Захарова¹
(1943 и 1944 гг.)²

Отряд № 1 тов. Курмелева³:

1. *Шоистанов Граф (Гариф?) Тогатынович*, 1911 [года рождения], тат[арин], [образование] 4 кл[асса], б[ес]п[артийный], [место рождения] – Б[ашкирская] АССР [ныне Республика Башкортостан], Кандр. [Кандринский – ныне Туймазинский] р[айон], д. Каховская [Казнаковка?], [где работал и кем до войны] – в колхозе, колхозник, [звание] – ряд[овой], [время вступления в отряд] – 26.02.43 г., [военная специальность] – ряд[овой], [домашний адрес] – Баш[кирская] АССР, Кандрин. р[айон], Стар. с/с, д. Каховская, [откуда прибыл в отряд] – [из] плен[а], пропал б/вести 6.03.43⁴.

2. *Довлекаев Ефим Степанович*, 1910, тат., м[ало]гр[амотный], [в другом списке – 1 кл.], б/п, Сталингр[адская] обл., Ленинск[ий] р-н, Бахтияровский с/с, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Стал. обл., Ленинск. р-н, Бахтияровский с/с, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

3. *Нигмадзянов Газьяд*, 1911, тат., м/гр. [в другом списке – 1 кл.], б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Кокмор [Кукморский, ныне Сабинский] р-н, д. Шемордан, п[омощник] машин[иста] с окладом в 400 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казанская обл., Кокморск. р-н, д. Шемордан, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

4. *Убейкин Федор Петрович*, 1920, чуваш, 3 кл., б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Аксубайский [Аксубаевский] р-н, в колхозе, колхозник, рядовой, 26.02.43 г., рядовой, Казанская обл., Аксубайский р-н, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

5. *Измайлов Газис Ибрагимович*, 1910, тат., м/гр., б/п, Казанская обл., [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Дубъязский [ныне Высокогорский] р-н, д. Б[ольшой] Битаман, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казанская обл., Дубъязск. р-н, д. Б.Битаман, из плена.

6. *Бикеев Захар Захарович*, 1922, тат., м/гр. [в другом списке – 1 кл.], ВЛКСМ, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Юмагузинский р-н, д. Мутаево, Средняя Азия, рабочий с окладом в 450 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАССР, Юмагузин. р-н, д. Мутаево, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

7. *Галимулин Ярулха (Ярулла?) Галимулинович*, 1912, тат., м/гр. [в другом списке – 1 кл.], б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Балтач. [Балтасинский] р-н, д. Бурбаш, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казанская обл. [ныне Республика Татарстан], Балтачин. р-н, д. Бурбаш, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

8. *Гузаиров Хойлан (Хейгал) Пелгурович*, 1912, тат., м/гр., [в другом списке – 2 кл.] б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Дубъязский [ныне Высокогорский] р-н, д. Каракуль, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казанская обл., Дубъязский р-н, д. Каракуль, из плена.

9. *Закиров Гариф Закирович*, 1908, тат., 4 кл., б/п, Казанкая обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Новош[ешминский] р-н, д. Верх. Никитино, Архангельск, продавец с окладом в 400 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казанская обл., Новошешминск. р-н, Верхнекаменск. с/с, д. Верх. Никитино, из плена.

10. *Гулеев Ахмат [в другом списке – Ахмет] Туктоязович*, 1913 [в другом списке – 1915], туркм[ен], 5 кл., б/п, Турк. АССР, Аджипулакский р-н, д. Артизан, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Ордж[оникидзеvский] [ныне Ставропольский] край, Туркменский р-н, Чурский с/с, д. Чур [правильно – Чур аул], из плена.

11. *Горшков Семен Федорович*, 1917, тат., м/гр. [в другом списке – 3 кл.], б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Красноарм[ейский] [Кзыл-Армейский, ныне Чистопольский] р-н, д. Чувьялтан [правильно – Чувашский Елтан] [в другом списке – г. Краснодар], Туапсе, рабочий с окладом в 550 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казанская обл., Красноарм. р-н, д. Чувьялтан [в другом списке – г. Краснодар], из плена.

12. *Чеботарев Шавкет Абдулович*, 1918 [в другом списке – 1919], тат., 2 кл., б/п, Куйб[ышевская] [ныне Ульяновская] обл., Барышевский [Барышский] р-н, д. Ст.Тимошкино [правильно – Старотимошкино], [в другом списке – Ст.Ильюшино], грузчик с окладом в 300 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Куйб[ышевская] обл., Барышский р-н, д. Ст.Тимошкино, из плена.

13. *Сибатуллин Гатав*, 1917, тат., 2 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Атнинский р-н, д. М[алая] Аtnя, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Атнинск. р-н, д. М.Аtnя, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

14. *Насардинов Васбий Насардинович*, 1913, тат., 4 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Илишевский р-н, д. Итаевск.(?) [Итево?], Илишево, лесник, с окладом в 110 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАССР, Илишевск. р-н, д. Итаевск., из плена, пропал б/вести 6.03.43.

15. *Беляков Илья Алексеевич*, 1915, мариец, 6 кл.. Мар[ийская] АССР [ныне Республика Марий Эл], Йошкар-Олинский [ныне Медведеvский] р-н, д. Тарханово, в колхозе, завхоз, мл.серж[ант], 26.02.43 г., рядовой, Мар. АССР, Йошкар-Олинск. р-н, д. Тарханово, из плена.

16. *Гареев Рамай Сахипович*, 1913, тат., м/гр. [в другом списке – 1 кл.], б/п, НСО [Новосибирская область – ныне Кемеровская], Юрга [город Юрга], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, НСО, ст. Юрга, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

17. *Шафииков Абдулхан Шафиикович*, 1914, башкир, среднее [образование], ВЛКСМ, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Белокатайский р-н, д. Учасево [Верхнее

Утяшево?], д. Учашово, фельдшер, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Белокат. р-н, д. Учашово, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

18. *Магдеев Наби Хадыевич*, 1914, башкир, среднее [образование], ВЛКСМ, Челябинская обл., Кр[асно]арм[ейский] р-н, д. Таукаево, Кунашак, педагог с окладом в 420 рублей, рядовой, 26.02.43 г., рядовой, Челябин. обл., Красноарм. р-н, д. Таукаево, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

19. *Валеев Абдулхай*, 1920, тат., 4 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Алькиевский [Алькеевский] р-н, д. Ст[арые] Ургагары, Средняя Азия, жест[янщик] с окладом в 350 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Алькиевский р-н, д. Ст.Ургагары, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

20. *Ахмадулин Ениет Нигаматович*, 1918, тат., 4 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Стерлиб[ашевский] р-н, в колхозе, колхозник, мл[адший] сер[жант], 23.02.43 г., рядовой, Стерлиб. р-н, Бузатов. с/с, д. Асанай [Учаган Асаново?], из плена, пропал б/вести 6.03.43.

21. *Латыпов Мубарак*, 1914 [в другом списке – 1909], тат., 4 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Ленин. (?)р-н, д. Урмада(?), РОМ, машин[ист] с окладом в 285 рублей, рядовой, 26.02.43 г., рядовой, БАССР, Ленин. р-н, Сулеймбеков. с/с, д. Урмада, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

22. *Нурзалов (Нурзипов?) Фатхулла*, 1909, тат., 4 кл., б/п, Стал[инградская] обл., г. Астрахань, рабочий с окладом в 300 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Сталин. обл., г. Астрахань, Урыманск. (Наримановский?) р-н, д. Баянка, из плена, пропал б/вести 6.03.43.

23. *Сибгагуллин Ибрагим С.*, 1922, татар., 7 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Дубъязский [ныне Высокогорский] р-н, д. Б[ольшой] Сулабаш, в колхозе, колхозник, лейтенант, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Дубъязский р-н, д. Б.Сулабаш, из плена.

24. *Рязяпин Кашаф Зарипович*, 1921, татар., 7 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Кугарчинский р-н, д. Кугарчин [правильно – Кугарчи], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАССР, Кугарчинский р-н, д. Кугарчин, из плена.

25. *Махмутов Фо(а)яз Кутузович (Кутдусович)*, 1914, татар., 4 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Янаульский р-н, д. Истяково [правильно – Истяк], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАССР, Янаульский р-н, Истяковский с/с, д. Таш-Елга, из плена.

26. *Ахмадеев Манур О(А)рсланович*, 1919, татар., 4 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Кандр. [Кандринский – ныне Туймазинский] р-н, д. Кандракуль, зав[едующий] маг[азином] с окладом в 350 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАССР, Кандр. р-н, д. Кандракул. с/с, д. Кандракуль, из плена.

27. *Хайбулин Ма(и)фтах Ф.*, 1912, татар., 4 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Ушалинский [Учалинский] р-н, Ушалинск. [Учалинский] с/с, д. Молдашево [правильно – Мулдашево], шахта, забойщик с окладом в 800 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАССР, Ушалинск. р-н, Ушалинск. с/с, д. Молдашево, из плена.

28. *Калимуллин Яро(у)лла Гарифович*, 1916, татар., 2 кл., б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Буинский р-н, д. Серки-Гришино [правильно – Черки-Гришино], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казанская обл., Буинский р-н, д. Серки-Гришино, из плена.

29. *Кабиров Касим Шакирович*, 1917, татар., 5 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Ворошиловский [Мензелинский?, Сармановский?] р-н, д. Народкино [название деревни точно не идентифицировано, возможно – д. Наратлы-Кичу Мензелинского р-на РТ или Нарат Асты Сармановского р-на РТ], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казань, Ворошиловский р-н, д. Народкино, из плена.

30. *Калимулин Хазис Хайбулович*, 1921, удмурт, 4 кл., б/п, Уфимская обл. [БАСССР – ныне Республика Башкортостан], Янаульский р-н, Орлянский [Орловский?] с/с, д. Наркан [Карман-Актау?], в колхозе, колхозник, рядовой, 22.02.43 г., рядовой, БАСССР, Янаул. р-н, Орлянский с/с, д. Наркан, из плена.

31. *Богатов (Вогатов) Хасян Исмаилович*, 1921, татар., 5 кл., б/п, Пенз[енская] обл. [ныне Республика Мордовия], Кадушкинский [Кадошкинский] р-н, д. Латышевка [правильно – Латышовка], Донбасс, молотобоец с окладом в 400 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Пенз. обл., Кадушкинск. р-н, д. Латышевка, из плена.

32. *Мустафин Нурғали М.*, 1909, татар., 4 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Цип(ь)инский [ныне Арский] р-н, д. Тионгир [правильно – Толонгер], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Ципинский р-н, д. Толонгер, из плена.

33. *Хайрулин Габдрахим Агап.*, 1910, татар., 4 кл., б/п, Куйб[ышевская] [ныне Самарская] обл., Н.Буянский [ныне Красноярский] р-н, д. Мулловка [относится к Елховскому району], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Куйб. обл., Буянский р-н, д. Мулловка, из плена.

34. *Гарипов Хатип Зарипович*¹, 1914, татар., 2 кл., б/п, Казан[ская] обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Калининский [ныне Актанышский] р-н, Азаевский [Адаевский?] с/с, д. Уменей [Улиманово – Олы Имѣн?], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казан. обл., Калининск. р-н, с. Уменей, из плена.

35. *Фазуллин Галим Зинатович*, 1917, башкир, 10 кл., б/п, БАСССР [ныне Республика Башкортостан], Миякинский р-н, д. Менеуз-Тамак, обл[астной] ф[инансовый] о[тдел], главный бухгалтер с окладом в 715 рублей, лейтенант, 23.02.43 г., п[омощник] к[омандира] в[звода], БАСССР, Миякинский р-н, д. Менеуз-Тамак, из плена.

36. *Галиев Ахмет Галиевич*, 1913, татар., 3 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Бондюговский [Бондюжский – ныне г. Менделеевск] химзавод, ул. Ярухана, д. 47/18, химзавод, рабочий с окладом в 450 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Бондюговск. химз-д, ул. Ярухана, д. 47/18, из плена.

37. *Танмурзин Изият Танмурзинович*, 1919, мариец, 4 кл., б/п, БАСССР [ныне Республика Башкортостан], Калтачиевский [Калтасинский] р-н, д. Коянка [правильно – Кояново], РККА, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАСССР, Калтачиевский р-н, д. Коянка, из плена.

38. *Зиннатулин Саг. Зинат[ович]*, 1921, татар., 7 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Сарман[ов]ский р-н, д. Демет. Орлова [правильно – Димитарлау], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Сарман. р-н, д. Демет. Орлова, из плена.

39. *Гарипов Хатиб Зарипович*, 1914, татар., 4 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Калинин[ский] [ныне Актанышский] р-н, д. Умань [Улиманово – Олы Имѣн?], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Калинин. р-н, д. Умань(а), из плена.

40. *Ахмадеев Шамал Гар[ипович]*, 1922, татар., 4 кл., б/п, БАСССР [ныне Республика Башкортостан], Тубинский р-н, д. Туби [правильно – Тубинский], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАСССР, Тубинский р-н, д. Туби, из плена.

41. *Галеев Ахмет Зиятдинович*, 1916, татар., 10 кл., ВЛКСМ, Челяб[инская] обл., г. Троицк, ул. Жукова, г. Троицк, директор школы с окладом в 600 рублей, сержант, 28.01.42 г., рядовой, Челяб. обл., Механск. [Миасский?] р-н, д. Ишкино, из окружения.

42. *Сибгатуллин Г.*, 1921, татар., 4 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Рыбно-Слободский р-н, д. Б[ольшая] Елга, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Рыбно-Слободск. р-н, д. Б.Елга, из плена.

43. *Ильмурзин Илинбай*, 1914, мариец, 3 кл., б/п, БАСССР [ныне Республика Башкортостан], Калтасинский р-н, д. Кокуш, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАСССР, Калтасинский р-н, д. Кокуш, из плена.

44. *Орскудинов Фатхуш*, 1911, татар., 3 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Актанышский р-н, д. Бугазино [правильно – Буаз-Куль], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Актанышск. р-н, д. Бугазино, из плена.

45. *Ахмадеев Ху(а)сан*, 1910, татар., 3 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Агрызский р-н, ст. Агрыз, ул. К.Маркса, Агрыз, зав[едующий] складом с окладом в 285 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Агрызский р-н, ул. К.Маркса, 132, из плена.

46. *Мухамеджанов Газис М.*, 1921, татар., м/гр., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Балтач(с)инский р-н, Балтасинский с/с, д. Сардыган, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Балтачинск. р-н, Балтачинский с/с, д. Сардыган, из плена.

47. *Газизов Мирула (Нурулла?) Газизович*, 1914, татар., 2 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Рыбно-Слободский р-н, д. Б[ольшой] Ошняк, в колхозе, весовщик с окладом в 450 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Рыбно-Слободский р-н, д. Б.Ошняк, из плена.

48. *Аюпов Ма(у)баракша А.*, 1911, татар., 5 кл., б/п, Куйб[ышевская] [ныне Ульяновская] обл., Старокултинский [Старокулаткинский] р-н, с. Н.Зеленица [правильно – Новые Зимницы], г. Баку, пекарь с окладом в 300 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Аз.ССР, г. Баку, Сталинский р-н, ул. Фрунзе, 181, из плена.

49. *Амиров Рустам Абаз[ович]*, 1916, татар., 5 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Мелузовский р-н, с. Зерга [правильно – Зирган], Самарканд, сберкасса, служащий с окладом в 400 рублей, сержант, 23.02.43 г., рядовой, БАССР, Мелузовский р-н, ул. Смоленская, 86, из плена.

50. *Базиштов Садых(к) Х.*, 1916, татар., 3 кл., б/п, Пенз[енская] обл., Городищенский р-н, ст. Чаадаевка, с. В.Разяп, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Пензен[ская] обл., Городищенский р-н, ст. Чаадаевка, с. В.Разяп, из плена.

51. *Николаев Михаил Миронович*, 1918, татар., 5 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Чугарский (?) [возможно, Заинский] р-н, д. Федотово, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Чугарский (?) р-н, д. Федотово, из плена.

52. *Абдуллин Габдур Абдул[ович]*, 1919, татар., 7 кл., б/п, Казань, Татарский р-н (?), д. Курхайбак (?), Казань, токарь с окладом в 300 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казанская обл., Татарский р-н, д. Курхайбак, из плена.

53. *Газизов Хазип*, 1914, татар., 3 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Азнакаевский р-н, д. Кормала [правильно – Карамалы], Саратов, шофер с окладом в 450 рублей, шофер, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Азнакаевский р-н, д. Кормала, из плена.

54. *Насыров Рубани Насырович*, 1910, татар., 3 кл., б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Сарман[ов]ский р-н, д. Н.Шавтали [Нижние Чершилы – Тубѣн - Чыршылы?], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Сарман[ов]ский р-н, д. Н.Шавтали, из плена.

55. *Суликов Еремей Александрович*, 1909, мариец, 3 кл., б/п, НСО [Новосибирская, ныне Кемеровская область], Таштановский [Таштагольский] р-н, д. Усть-Селезень, зав[едущий] маг[азином] с окладом в 500 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, НСО, Таштановский р-н, д. Усть-Селезень, из плена.

56. *Мухамадзянов Абдулл Ахметович*, 1909, татар., 2 кл., б/п, ТАССР [записано ошибочно: правильно – БАССР, ныне Республика Башкортостан], Бузовязовский [ныне Аургазинский] р-н, д. Курманай [Курманаево?], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Бузовязовский р-н, д. Курманай, из плена.

57. *Бикташев Ш(М)анували М.*, 1919, татар., 4 кл., ВЛКСМ, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Рыбно-Слободский р-н, д. Ст[арый] Арыш, РККА, рядовой, 23.02.43 г., ком[андир] отд[еления], ТАССР, Рыбно-Слободский р-н, д. Ст.Арыш, из плена.

58. *Зяядинов Садры(и) Зяядинович*, 1914, татар., 4 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Наб.Челнинский [ныне Тукаевский] р-н, д. Ст.Гардале [правильно – Старые

Гардали], Макеевка, шахта «София», породчик с окладом в 400 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, г. Макеевка, ул. Карбит Колония, из плена.

59. *Авдеев Александр Мабинов[ич]*, 1911 (1915?), тат., негр., б/п, Астраханский р-н, рыбзавод № 1, ул. Батуми, рыбзавод, рулевой с окладом в 200 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Астраханский р-н, № 4, ул. Батуми, из плена.

60. *Серад(з)еев Ярхан Абзалович*, 1913, татар., 7 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Кулангинск[ий] [ныне Апастовский] р-н, д. Каратон [Каратун], г. Грозный, шофер с окладом в 450 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Кулангинск. р-н, д. Каратон, из плена.

61. *Ифатуллин Игенат*, 1913, татар., 4 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Дубьязский [ныне Высокогорский] р-н, д. Бикнарат, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Дубьязский р-н, д. Бикнарат, из плена.

62. *Качалов Михаил Иванович*, 1907, мордв[ин], 4 кл., б/п, Морд[овская] АССР, Атяшевский р-н, д. Селищи, Челябинск, водоканал, слесарь с окладом в 700 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Морд[овская] АССР, Атяшевский р-н, д. Селищи, из плена.

63. *Давлетбаев Фахардин*, 1916, татар., 2 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Красносольский [Красноусольский – ныне Гафурийский] р-н, д. Юлук [правильно – Юлуково], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Уфа, Красносольский р-н, Кусаадинский с/с, д. Юлук, из плена.

64. *Набиулин Сафа*, 1914, татар., 7 кл., б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Кайбицкий р-н, д. Бурундук [Бурундуки], Москва, воинская часть, шофер с окладом в 450 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Казань, Кайбицкий р-н, д. Бурундук, из плена.

65. *Сагитов Яляль Бадардинович*, 1920, татар., 4 кл., б/п, Челяб[инская] обл., д. Куначак [райцентр Кунашак], Челябинск, артель, рабочий с окладом в 1700 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, г. Челябинск, ул. Сталина, 575, из плена.

66. *Галеев Ме(у)хамед Садыкович*, 1910, татар., 3 кл., б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Набер[ежные] Челны, Центр[альная], 37, Наб.Челны, книготорг[овец] с окладом в 450 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Наб.Челны, Центр[альная], 37, из плена.

67. *Ахметгалеев Газис*, 1914, татар., 3 кл., б/п, г. Казань, Узбекистан, колбасн[ик] с окладом в 500 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Узбекистан, г. Бухара, ул. Ленина, 38, из плена.

68. *Баторбаев Касим Мус.*, 1916, казах, 3 кл., б/п, Го(у)рьевская [ныне Атырауская] обл. [Республики Казахстан], Денгийский [Денгизский, ныне Курмангазинский] р-н, с. Бутахон, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Горьевская обл., Денгийский р-н, с. Бутахон, из плена.

69. *Каримов Абдул Каримович*, 1922, татар., 2 кл., б/п, Омская [ныне Тюменская] обл., Ярковский р-н, д. Матмас, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Омская обл., Ярковский р-н, к-з Сталина, из плена.

70. *Мирсаяков Салихьян*, 1911, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Муслимовский [Муслюмовский] р-н, к[олхо]з Рохматуллина, в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Муслимовский р-н, к-з Рохматуллы, из плена.

71. *Шафеев Абдулл Камальд[инович]*, 1918, татар., 1 кл., б/п, Куйб[ышевская] [ныне Ульяновская] обл., С.Кул[атк]инский р-н, д. Кирюшкино, спиртзавод КИМ, аппаратчик с окладом в 450 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Тульская обл., Ким[ов]ский р-н, Бронский с/с, из плена.

72. *Андержанов Абдулбаган*, 1922, татар., 7 кл., б/п, Горьк[овская] обл., Кр[асно]-Окт[ябрьский] р-н, д. Пица [правильно – Пильна, входит в Пильнинский район], г. Москва, электрик с окладом в 450 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Москва, ул. Каланчевская, из плена.

73. *Мухамедгалеев Хурматул*, 1920, татар., 7 кл., б/п, Казанская обл. [ТАССР – ныне Республика Татарстан], Балтачский [Балтасинский, ныне Сабинский] р-н, ст. Шемордан, Ташкент, бетонщик с окладом в 500 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Ташкент, из плена.

74. *Еникеев Гуммер Мухариям[ович]*, 1918, татар., среднее [образование], ВЛКСМ, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Благовар[ский] р-н, д. Каргали [правильно – Верхние Каргалы], Давлекан[ово], учитель с окладом в 550 рублей, сержант, 15.02.42 г., командир роты, БАССР, Благовар. р-н, д. Каргали, из окружения, в советском тылу – август 1943 г.

75. *Камалтинов Заки Нургал[иевич]*, 1923, татар., 6 кл., ВЛКСМ, Молот[овская] [ныне Пермский край] обл., Бардинский [Бардымский] р-н, д. Казы(?), в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Кайбицкий р-н, с. Бурундук, из плена, пропал б/вести.

76. *Хафизов Фатхул Хафизович*, 1915, татар., среднее [образование], б/п, ТАССР [ныне Республика Татарстан], Муслимовский [Муслюмовский] р-н, д. Муслюмово, Казань, учитель, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, ТАССР, Муслюмовский р-н, д. Муслюмово, из плена, пропал б/вести.

77. *Юсупов Исхак Кальниз[ович]*, 1911, татар., среднее [образование], б/п, Астрахань, ул. Батумская, 8/26, Астрахань, рабочий с окладом в 400 рублей, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, Астрахань, ул. Батумская, 8/26, из плена, пропал б/вести.

78. *Афлято(у)нов Талип*, 1919, татар., 4 кл., б/п, БАССР [ныне Республика Башкортостан], Ярнякинский [Ермекеевский?] р-н, д. Янганаяк(?), в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, БАССР, Ярнякинский [Ермекеевский?] р-н, д. Янганаяк(?), из плена, пропал б/вести.

79. *Салимзянов Кадыр Хал.*, 1923, татар., 4 кл., б/п, НСО [Новосибирская область], Чановский р-н, д. Ч.Кушкуль [Кошкуль], в колхозе, колхозник, рядовой, 23.02.43 г., рядовой, НСО, Чановский р-н, д. Ч.Кушкуль, из плена, убит 6.03.43.

*Списки хранятся в Национальном архиве
Республики Беларусь
(Ф. 1450. Оп. 5. Д. 2. Л. 47–107).*

Р.Гайнетдинов,
кандидат исторических наук

ПАРТИЗАН-РАЗВЕДЧИК НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

В годы Великой Отечественной войны в белорусских лесах в составе партизанских отрядов воевало немало бойцов-татар, выбравшихся из окружения, оставших от отступавших войск, бежавших из плена, которых укрывали местные жители под видом своих родственников и т.п. Мы расскажем о судьбе лишь одного из них – нашего земляка, крещеного татарина Николая Федорова.

Федоров Николай Федорович родился в 1914 году в деревне Нижние Чершилы Сармановского района Татарстана. Он рано лишился родителей – в 1917 году отец ушел на фронт и не вернулся, а в 1918 году умерла мать. Круглый сирота воспитывался у деда, но никогда не был лишним ртом, вместе со взрослыми обрабатывал землю, убирал урожай, стоял за сохой. Любил технику и, повзрослев, поступил в Набережночелнинскую профтехшколу. Здесь получил хорошие профессии слесаря по сельхозмашинам, тракториста и шофера. Но работать по специальности не пришлось – в те годы, особенно

после выхода на экран фильма «Тимур и его команда», все мальчишки Советского Союза хотели стать военными.

Вот и Николай Федоров в 1940 году стал курсантом Саратовского военного училища. В следующем 1941 году уже молодым лейтенантом бронетанковых войск прямо с первомайского военного парада в Москве он был направлен в только что присоединенную к СССР Западную Белоруссию в качестве командира танкового взвода. Расположились в местечке Хорщ в 20 км от Белостока. Жили в летних лагерях, непрерывно маневрировали. Здесь и застало Николая Федорова военное утро 22 июня 1941 года.

В 1975 году Н.Ф.Федоров написал собственные воспоминания, в которых отмечает, что в первые часы войны его танковый взвод, выстроившись в боевой порядок, но не получив из-за потери связи приказов на дальнейшие действия, под непрерывными бомбежками двинулся на Брест. Но его танкисты из-за полной неразберихи так и не дождались никаких военных приказов, поэтому продолжали двигаться на запад под бомбежками. На четвертый день кончилось горючее и, чтобы не оставлять технику врагу, танки взорвали. Двинулись с бойцами на Барановичи пешком. Во время одной из бомбежек Николая подкинуло взрывной волной от близко разорвавшейся бомбы, в результате чего он был контужен и сломал руку. Но бойцы не кинули своего раненого командира и оставили его на поправку у местной белорусской женщины в Барановичах, которая представила его немцам как своего родственника.

Оправившись от контузии, Николай поступил на работу в немецкую эксплуатационную часть при Барановическом аэродроме. На работе приглядывался к сослуживцам. Постепенно сложилась подпольная боевая группа из 4 человек, в которую, кроме Николая, вошли уроженцы Белоруссии Иван Кучкин, Василий Ковалев и Семен Исаченко. Поклявшись бороться с немецко-фашистскими захватчиками, Николай со своими товарищами проводил мелкие диверсии на аэродроме и складах: приводили в негодность различные детали обслуживавших аэродром автомашин и тракторной техники, похищали со складов и раздавали населению нужные в обиходе товары, в частности, однажды передали местным жителям сбруи для лошадей и около 200 железных осей для телег, ежедневно сливали на землю до 150–200 литров авиационного бензина и керосина.

Вскоре в окрестностях Барановичей сформировались первые партизанские группы товарища Виноградова, которые установили связь с городскими подпольщиками. После отбытия отряда Виноградова из этого района подпольная группа Николая Федорова поступила в распоряжение командира диверсионно-разведывательного отряда подполковника Громова. При этом по заданию командира он и его товарищи остались на прежней работе при аэродроме Барановичей. Вскоре всех рабочих одели в немецкую рабочую форму, и они могли свободно передвигаться по всей территории аэродрома, что еще больше увеличило возможности подпольщиков.

Как писал Николай Федорович в своих воспоминаниях, с 26 декабря 1942 года они стали выполнять специальные задания отряда Громова, а именно:

- еженедельно готовили сводку Громову о движении самолетов по Барановическому аэродрому, в том числе указывали: количество самолетов, их типы и марки, опознавательные знаки; направления полетов самолетов, время вылета и время возвращения; вооружение самолетов и его калибр;
- сообщали сведения о противовоздушной обороне немецкого аэродрома, в том числе: количество и место нахождения батарей, калибр их вооружения; сведения об инженерных укреплениях, ангарах, складах, дотах, номерах и расположении постов;
- давали сведения о противовоздушной обороне г. Барановичи с указанием места нахождения батарей и вооружения на них;
- регистрировали движение воинских составов и эшелонов к аэродрому (нефтебазе) от станции Барановичи;
- снабжали отряд медикаментами, бензином, аккумуляторными батареями для радиостанций;

– несколько раз Н.Федоров по заданию командования начертил и передал в отряд подробный план аэродрома с нанесением мест расположения ангаров, бомбо- и бензоскладов, нефтебазы с привязкой к точным ориентирам;

– однажды Николаю удалось раздобыть и передать в отряд немецкую военно-топографическую карту с нанесенными боевыми курсами немецких самолетов и боевой обстановки.

Свои сообщения Николай Федоров подписывал псевдонимом «Тигоров», кроме того, всегда носил при себе справку следующего содержания: «Выдана настоящая справка гр. Тигорову в том, что он действительно работает в пользу подполковника Громова. Настоящая справка гарантирует неприкосновенность личности данного гражданина и его имущества, в чем и удостоверяется». Она была исполнена на небольшом клочке бумаги, которую при непредвиденных обстоятельствах можно было просто зажевать и съесть.

Имея возможность свободно передвигаться по аэродрому, Николай потребовал у командования отряда мины замедленного действия для совершения диверсионных актов в отношении авиационной техники. В 1943 году его группой были получены три английские мины с трехчасовым химическим замедлителем. Две из них были установлены на самолеты, в результате чего были взорваны тяжелый истребитель-бомбардировщик «Фокке-Вульф» и истребитель «Юнкерс». Одну мину с товарищами закрепили на цистерне воинского состава, стоявшего под погрузкой на нефтебазе. Так как эшелон вскоре отбыл с места погрузки, подпольщики так и не узнали о результате своей диверсионной акции...

Так диверсионная группа Николая Федорова успешно действовала до изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории Белоруссии.

После освобождения Барановичей в июле 1944 года Н.Ф.Федоров направляется для борьбы с бандформированиями в районы Западной Белоруссии, а День Победы встречает уже в тылу, занимаясь укомплектованием воинских частей боевой техникой.

После демобилизации Николай Федорович работал на Казанском заводе РТИ, мастером в профтехучилище и долгое время – главным механиком на Казанском винзаводе, откуда и ушел на пенсию. В 1972 году он получил удостоверение партизана Великой Отечественной войны, в котором говорится, что он участвовал в партизанском движении Белоруссии с 15 декабря 1942 года по 27 июля 1944 года.

Ушел из жизни Николай Федорович в 1993 году. В Казани живут две его дочери и внуки, которые по праву гордятся боевыми делами деда-героя...

При написании очерка использованы собственноручные письменные воспоминания и фотографии Н.Ф.Федорова, переданные автору членами его семьи (см. вклейку).

*Р.Измайлов,
Журналист*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Никто не забыт, ничто не забыто

«Никто не забыт, ничто не забыто» – эта крылатая фраза родилась давно и прочно вошла в лексику мемориальных событий, относящихся к Великой Отечественной войне. Она вспоминалась и упоминалась не раз и в ноябре 2009 года во время пребывания на Витебщине делегации татар во главе с первым вице-премьером Республики Татарстан Равилем Фатыховичем Муратовым.

Визит многочисленной делегации более чем полусотни человек на белорусскую землю был логическим завершением той большой, кропотливой поисково-исследовательской работы, изложенной в предыдущих главах этой книги. Потому что 10 ноября 2009 года в Витебской области Республики Беларусь торжественно был открыт памятный знак нашим соотечественникам-татарам, погибшим в Великую Отечественную войну в борьбе против фашистских захватчиков. Он установлен недалеко от деревни-агродорожка Копти. В том самом месте, где в феврале 1943 года, уничтожив штаб из немецких офицеров, на сторону белорусских партизан перешли более 500 бойцов 825-го батальона легиона «Идель-Урал», сформированного фашистами из военнопленных.

Автор памятника – известный скульптор, член Союза художников Беларуси Азат Торосян. Изготовлен он на витебских предприятиях ОАО «Доломит» и ОДО «ИлКос» на средства, собранные татарстанцами. Поражают темпы изготовления и установки памятника – от идеи до воплощения потребовалось всего полгода.

В составе делегации были официальные лица, ветераны войны и военной службы, представители общественности, суворовцы, журналисты. А также два известных общественных деятеля из Москвы – профессор Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ Абдулхан Абдрахманович Ахтамзян и советник президента Всемирной академии комплексной безопасности, председатель Международного благотворительного фонда «Родничок», генерал-полковник Мансур Салахутдинович Хакимов. К сожалению, не смог участвовать в мемориальных торжествах наш легендарный соотечественник президент Российской академии военных наук, генерал армии Махмут Ахметович Гареев. Неутомимые исследователи, именно они во многом способствовали увековечению героизма погибших в книге, которую вы сейчас, дорогие читатели, держите в руках, и в гранитном обелиске, установленном в Белоруссии.

Именно письмо А.Ахтамзяна от имени своих давних сподвижников Президенту Татарстана Минтимеру Шариповичу Шаймиеву послужило толчком к принятию решения о сооружении этого памятника.

«Исследователи Москвы и Казани в течение нескольких последних лет изучали один из малоизвестных эпизодов Великой Отечественной войны: переход на сторону партизан в Белоруссии 825-го батальона так называемого Волго-татарского легиона, сформированного нацистами для борьбы против партизан, – говорилось в том письме-обращении к М.Ш.Шаймиеву. – Результаты исследований позволяют оценить этот факт как значительное событие Великой Отечественной войны. Более 500 бойцов с вооружением, в том числе тремя артиллерийскими орудиями и боеприпасами на 26 подводах, уничтожив германский штаб (примерно 50–60 офицеров), в ночь на 23 февраля 1943 года перешли к партизанам по льду р. Зап. Двины в районе фабрики «Руба» и вступили в борьбу с фашистами. Немало татарских патриотов погибло в боях с карателями, особенно в сражении 19 мая 1943 года».

Эти исследования, говорилось далее в письме, получили отражение в статьях и книгах писателя Рафаэля Мустафина, генерала армии Махмута Гареева, генерал-полковника Мансура Хакимова, профессора Абдулхана Ахтамзяна и других. В публикациях в журналах «Татарстан», «Гасырлар авазы – Эхо веков», а также в газетах «Труд», «Татарские новости» был обнародован большой объем ранее неизвестной архивной информации об этом событии, в том числе данные об участниках перехода. Установлены имена более 100 участников перехода, включенных в состав партизанских бригад и принимавших активное участие в боях против оккупантов.

«В связи с этим, уважаемый Президент Республики Татарстан, – писал А.Ахтамзян от имени своих единомышленников, – обращаемся к Вам за советом и содействием. Считаем необходимым и целесообразным в память об этом событии и героических наших соотечественниках-патриотах издать в Татарстане отдельную книгу с документами и материалами, полученными из российских и белорусских архивов по запросам генералов Гареева и Хакимова, а также с комментариями исследователей. Такой сборник представил

бы интерес и для родственников погибших, значительная часть которых родом из Татарстана, и для широкой общественности. Было бы также целесообразным установить мемориальную плиту на месте исторического перехода».

В письме сообщалось также о предварительных беседах на эти темы, которые состоялись в Белоруссии во время встреч с ветеранами партизанского движения в Музее им. Героя Советского Союза М.Ф.Шмырева в г. Витебске и в администрации Витебского района Витебской области. «Белорусские власти, ветераны войны и тыла с большим вниманием отнеслись к этой идее и изъявили готовность оказать посильную помощь. Но основную поддержку мы ждем, конечно, от Татарстана», – заканчивалось обращение к Президенту Республики Татарстан.

Ответ Президента М.Ш.Шаймиева был оперативный и положительный. Впрочем, на другое и не рассчитывали авторы письма. Потому что до этого уже был опыт установления мемориальной плиты в Музее сопротивления фашизму в Берлине с именами 11 татарских патриотов «курмашевцев-джалильцев», создания специального стенда, посвященного им, в тюрьме Плётцензее, где они были обезглавлены.

Эти памятные и важные акции начинались также с письма Президенту Татарстана, который безоговорочно и всецело поддержал идеи инициаторов, дал необходимые указания. Правительство республики организовало поездки в Германию специальных делегаций на торжества по случаю установления памятной доски и открытия стенда и электронной базы данных о татарских героях немецкого движения сопротивления в тюрьме Плётцензее.

По сути, подвиг Курмаша – Джалиля, их единомышленников и переход бойцов 825-го батальона на сторону партизан – это тесно связанные между собой события. А по мнению некоторых исследователей, именно переход бойцов татарского батальона на сторону партизан предопределил во многом и дальнейшие активные действия Джалиля среди военнопленных-татар в антифашистском подполье...

Глава Республики Татарстан к очередному обращению отнесся со свойственным ему вниманием и конкретностью. Он активно поддержал идею памятника, в то же время значительно расширил ее суть, указав, что памятник должен быть установлен в честь не только тех, кто перешел на сторону партизан, а в честь всех воинов-татар, погибших на Витебской земле.

Но мы еще вернемся к Воинскому мемориалу имени Ленинского комсомола, где был установлен памятный знак. А сейчас несколько слов о той теплой встрече, которую устроили витебчане, нам, гостям из Татарстана и Москвы, вниманием, которым были окружены члены делегации все семь часов (или – короткие семь часов!) пребывания на белорусской земле. Эти часы, можно с полным правом сказать, по содержанию, емкости вместили в себя десятилетия...

* * *

В аэропорту Витебска татарскую делегацию, прибывшую специальным рейсом, встречали руководство области, представители общественных организаций, белорусские журналисты. Одетые в национальные костюмы девушки преподнесли традиционный хлеб-соль. Затем прямо с аэропорта на нескольких автобусах гостей повезли в исполком Витебского областного комитета.

Здесь в просторном зале заседаний состоялось взаимное знакомство гостей и хозяев, обоюдная презентация экономического потенциала Витебской области и Республики Татарстан.

С приветственной речью к членам делегации обратился первый заместитель председателя облисполкома Владимир Новацкий.

«Программа вашего пребывания сегодня на Витебской земле многосторонняя, – сказал он, открывая встречу. – Это и знакомство с достопримечательностями, и акции по

укреплению, расширению взаимопонимания и делового партнерства. И, разумеется, это дань уважения нашему обществу, героическому прошлому, связанному с освобождением Белоруссии и области от фашистских захватчиков, 65-летие которого мы отметили в этом году. А в это знаменательное событие встраивается и открытие мемориального знака в честь совместной борьбы белорусов и татар в составе Красной Армии и партизанских бригад на нашей территории».

В.Новацкий с любовью рассказал гостям о своей родной области, и его ознакомительный рассказ, сопровождаемый видеороликом, как он и предрекал, был действительно «приятным и полезным» всем участникам встречи. По существу, он презентовал гостям свою область, природные богатства, красоту «края озер и рек, заповедных мест», ее экономический и интеллектуальный потенциал.

Как и Татарстан, Витебская область в Республике Беларусь занимает значимое положение. Здесь производится 44 процента всей электроэнергии республики, 64 процента трикотажа, 65 процентов телевизоров и обуви, 98 процентов ковровых, 100 процентов льняных изделий. Развиты химическая индустрия, машиностроение, агропромышленный комплекс. Своего рода визитной карточкой Витебщины являются открытые акционерные общества «Полоцк – Стекловолокно», Республиканское унитарное промышленное предприятие «Витязь», «Оршанский молкомбинат», акционерное общество «Витебский мясокомбинат», заводы электроизмерительных приборов и тракторных запчастей, которые являются крупными производителями товаров на внутренний и внешний рынки. В непростых условиях кризиса область имеет положительную динамику, обеспечивая рост по 13 из 15 основных прогнозных показателей.

Многих удивили некоторые цифры, приведенные В.Новацким: за три квартала трудного, кризисного 2009 года область на 4 с лишним процента увеличила выпуск промышленной продукции по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, на 6,8 процента – потребительских товаров. На 1,6 процента вырос выпуск товарной продукции села, в том числе сельскохозяйственных организаций – на 8,5 процента.

Заинтересовал делегатов-татар и следующий факт: в Белоруссии на экспорт ориентировано более половины выпускаемой продукции.

Разумеется, мировой финансовый и экономический кризис не обошел стороной и Республику Беларусь. Он оказал значительное влияние и на показатели области, особенно на экспорте, который сократился на три процента, что в денежном выражении составило 3 миллиарда рублей, о чем откровенно поведал заместитель председателя облисполкома. В то же время он выразил уверенность, что Беларусь вместе с Россией, как единое союзное государство, сообща преодолеют эти трудности.

Владимир Новацкий подробно остановился на сотрудничестве Витебской области с Республикой Татарстан, подчеркнув, что «оно развивается динамично».

В самом деле, не каждый регион или страна, имеющая торгово-экономические отношения с нашей республикой, может похвастаться такими, например, цифрами. За девять месяцев 2009 года объем внешнеторгового оборота между Витебщиной и Татарстаном увеличился в три раза и составил 16,3 миллиона долларов США. Основу экспортных поставок в Татарстан составляют продукты нефтепереработки. С нашей республикой активно торгуют ОАО «Полоцк–Стекловолокно», Витебский завод телевизоров «Витязь», налажена поставка электроизмерительных приборов и тракторных запчастей, ковров и напольных покрытий, мяса и молочной продукции, развиваются отношения между хозяйствующими субъектами, доля которых все возрастает. Так, к примеру, ОАО «Витебский мясокомбинат» в 2009 году увеличил поставки охлажденного мяса в 3,5 раза.

Татарстан тоже не остается в долгу. Из нашей республики в регион экспортируются лекарственные средства, трубы и шланги из вулканизированной резины, продукты для производства завоевавших широкую популярность у кулинаров и домохозяек кетчупов и

соусов и многое другое. Налаживаются отношения для выпуска автомобилей специального назначения, расширения сети автозаправочных станций.

Но возможности для углубления деловых отношений с татарстанскими партнерами далеко не исчерпаны, отметил В.Новацкий. Выражают готовность к сотрудничеству предприятия государственного сектора, в частности, перерабатывающие предприятия мясомолочной отрасли, объединения пищевой промышленности.

«В целях повышения эффективности внешней торговли, углубления сотрудничества с татарстанскими партнерами, полагаю, необходимо содействие руководства Татарстана», – заявил заместитель главы облисполкома. По его мнению, необходимо активнее создавать совместные предприятия, постоянные представительства области в Татарстане и Татарстана в Витебске, представительства торгово-промышленных предприятий.

«Развитие двусторонних отношений является чрезвычайно важным для обеих республик, оно послужит на пользу как народу Татарстана, так и Беларуси», – заключил В.Новацкий свою речь.

Его выступление было выслушано с большим интересом первым вице-премьером Республики Татарстан Р.Ф.Муратовым и членами делегации.

«Нам очень приятно сегодня быть у вас в гостях, представлять нашу Россию, один из ее 86 регионов – Республику Татарстан, – сказал в ответной речи Равиль Муратов. – Мы здесь, действительно, с двойной миссией. Нам предстоит обсудить направления нашего сотрудничества, которые помогли бы развитию наших отношений. А другая важная задача – отдать дань уважения всем нашим соотечественникам, которые здесь в годы Великой Отечественной войны отдали свои жизни за великую Победу».

В семи сформированных в Татарстане дивизиях были представители всех народов Советского Союза и в первую очередь, конечно, прилегающих к Татарстану республик и областей Поволжья. Четыре дивизии были направлены в Белоруссию и практически все полегли на земле Белоруссии.

«Такова цена победы, и мы обязаны чтить память погибших, отдать дань уважения и почитания ветеранам, которые сегодня среди нас, – отметил руководитель татарской делегации. – Они олицетворяют историю нашей родины своей героической жизнью, своей неустанной патриотической деятельностью показывают пример молодому поколению, которое сегодня живет, здравствует, учится, постигает спортивные высоты и строит совершенно новый, будем надеяться, справедливый мир».

Равиль Фатыхович охарактеризовал социально-экономическую ситуацию в России. Он сообщил, что наблюдается рост промышленного производства, отметив, что это свидетельствует о постепенном выходе из кризиса и успехах российской промышленности. Он подчеркнул, что структура промышленного производства, как в целом экономика, многонациональный состав Витебской области и Татарстана схожи. Поддерживая предложения витебских руководителей о необходимости изменения структуры торгового оборота между Татарстаном и Беларусью, вице-премьер РТ призвал более активно выходить на двусторонние отношения как республик, так и хозяйствующих субъектов, предпринимателей. Тем более возможности для этого есть. Одна из них – компьютерные технологии, «электронные торги», которые позволяют не просто присутствовать на торговых площадках в качестве наблюдателей, а виртуально работать на них.

Вице-премьер сослался на опыт Татарстана, где работает одна из трех созданных в России электронных торговых площадок, где сегодня в режиме реального времени производятся торгово-закупочные операции.

«Сегодня около 46 процентов от объема закупок и продажи идет через электронную площадку, что дает почти 30 процентов экономии времени и средств, – рассказывал Равиль Фатыхович. – Электронные торги исключают коррупцию и другие негативные явления, существующие в мире бизнеса».

Естественно, белорусских руководителей серьезно заинтересовала готовность, высказанная первым заместителем председателя правительства Татарстана: предоставить им возможность пользоваться электронной площадкой, что, безусловно, даст новый импульс развитию торгово-экономических связей, росту товарооборота между республиками.

«Нас роднят и тянут друг к другу не только экономические интересы, – подчеркнул Равиль Муратов, – но и историческое прошлое Витебска и Казани. У обоих наших городов очень богатая, 1000-летняя история, многовековая история наших столиц ко многому нас обязывает, побуждает относиться друг к другу по-братски бережно. И установление памятника в честь воинов-татар на Витебской земле мы расцениваем именно как проявление таких братских чувств». Руководитель делегации выразил огромную благодарность белорусским властям и витебчанам «за большую подготовительную работу по выбору места для установления памятного знака, за оперативное решение этого вопроса и заботливое обустройство территории».

Затем Равиль Фатыхович предоставил слово первому заместителю министра торговли и промышленности Татарстана Владимиру Соловьеву, который подробно рассказал об экономическом и научно-техническом потенциале республики, направлениях и перспективах сотрудничества. Его рассказ, вызвавший неподдельный интерес хозяев, также иллюстрировался красочным видеороликом о Татарстане и слайдами на широком экране.

Историческую тему продолжила на встрече заместитель председателя исполкома Казани Людмила Андреева. Она акцентировала внимание на праздновании 1000-летия Казани, ставшего событием международного уровня. Ее рассказ о масштабных проектах, осуществленных в ходе подготовки к юбилею, в частности о выполнении президентской программы ликвидации ветхого жилья, в результате чего 45 тысяч семей переселились в современные, благоустроенные дома совершенно бесплатно, вызвал необычайный интерес у витебчан. Людмила Николаевна сообщила также о той большой работе, которая сейчас развернута в республике и столице Татарстана по подготовке к Универсиаде 2013 года в Казани, к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

* * *

В «презентационную часть», позволившую сторонам ближе и конкретнее узнать друг друга и определившую широкий вектор возможного дальнейшего сотрудничества, органично вплелось торжественное чествование участников и ветеранов Великой Отечественной войны, всех тех, кто участвовал в поиске и увековечивании памяти погибших. Как белорусы, так и члены татарской делегации были отмечены ценными подарками и различными наградами. Тут воистину никто и ничто не были забыты.

Государственную награду России – медаль «В память 1000-летия Казани» и памятный подарок Президента Республики Татарстан первый вице-премьер РТ Равиль Муратов вручил председателю Витебского областного исполкома Республики Беларусь Александру Косинцу. Памятного подарка Премьер-министра РТ и Благодарственного письма главы Правительства РТ был удостоен его первый заместитель Владимир Новацкий. Медалью «В память 1000-летия Казани» были награждены председатель Витебского районного исполкома Иван Возмитель, ветераны Великой Отечественной войны Дмитрий Газин и Петр Кадашевич (живые участники перехода 825-го батальона на сторону 1-й партизанской бригады Бирюлина), директор Витебского областного музея им. Героя Советского Союза М.Ф.Шмырева Ирина Шишкова, активисты татарской общины Витебской области.

Эта награда «нашла» здесь, в Витебске, также профессора МГИМО МИД РФ, председателя Татарского общества академической науки Москвы, известного ученого-германиста, джалиловеда и одного из инициаторов установления памятника татарам

Абдулхана Абдрахмановича Ахтамзяна. Благодарственное письмо Президента РТ вручено другому инициатору – Мансуру Хакимову, генерал-полковнику, доктору юридических наук, меценату и неутомимому собирателю биографий героев-татар. (Не могу не вспомнить тут одно уникальное издание. В 2008 году вышла в свет книга «Татары: Воины. Труженики. Патриоты», написанная им совместно с ученым Российской академии образования Маратом Сафаровым. В этом энциклопедическом сборнике даны биографические сведения 398 представителей татарского народа, включая участников Первой мировой и Гражданской войн, Героев Социалистического труда и Героев Советского Союза, кавалеров ордена Славы и Героев России. В качестве подарка Мансур Салахутдинович привез в Витебск несколько экземпляров этой книги, одну из которых вручил Р.Ф.Муратову.)

Особо были отмечены автор памятного знака и руководители тех предприятий, которые воплотили идею скульптора в материале. Скульптор, член Союза художников Республики Беларусь Азат Торосян, генеральный директор ОАО «Доломит» Иван Бабак, директор ОДО «ИлКос» Константин Федосов удостоены памятных подарков и Благодарственного письма Премьер-министра Республики Татарстан.

За активную работу по патриотическому воспитанию молодежи четверем ветеранам Великой Отечественной войны председатель Комитета ветеранов и военной службы РТ, заместитель председателя Республиканского Совета РОСТО (ДОСААФ) РТ Ахат Юлашев вручил знаки «За патриотизм», учрежденные этими организациями.

Свои награды и подарки приготовили для участников встречи также Министерство по делам молодежи, спорту и туризму РТ, исполнительный комитет города Казани, Военный комиссариат Татарстана. Их вручили адресатам соответственно заместитель министра по делам молодежи, спорту и туризму Андрей Кондратьев, заместитель председателя исполкома Людмила Андреева, военный комиссар Татарстана Сергей Погодин.

В 2009 году Беларусь отметила 65-летие освобождения от гитлеровских оккупантов. В честь этого исторического события здесь учреждена юбилейная медаль «65 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков». Летом этой медалью, как сказал Владимир Новацкий, были награждены практически все ветераны, проживающие на территории Витебской области Республики Беларусь, а также те, кто прилагает силы и старания для увековечивания памяти погибших воинов, ведет патриотическую работу среди молодежи. Оказалось, что и в Татарстане уже немало ветеранов награждены этой юбилейной медалью. Как заявил на встрече Равиль Муратов, 690 воинов-освободителей Беларуси награждены этой белорусской медалью, что вызвало позитивный общественный резонанс, особенно среди молодежи. Во время торжественного вечера в исполкоме эту награду получили еще несколько членов татарской делегации: участники Великой Отечественной войны, Герои Советского Союза Борис Кузнецов и Сабир Ахтямов, военные в отставке Аркадий Лейченко, Мустафа Сабирзянов и руководитель ветеранской организации Татарстана Ахат Юлашев.

Получая эту медаль, ветераны не смогли сдержать своих эмоций. Их краткие речи были переполнены воспоминаниями о тех суровых днях войны и радостью одержанной победы. Приведу лишь одно выступление: «Я преклоняюсь перед героизмом, самоотверженностью и трудолюбием белорусского народа, – сказал Мустафа Сабирзянов, воевавший в составе 17-й Бобруйской дивизии. – При отходе гитлеровцы применяли тактику выжженной земли. Когда мы освободили Витебск, он представлял развалины. В округе не было ни одного целого села, деревни, города – фашисты, отступая, сжигали и уничтожали все. Но они не смогли покорить белорусский народ. Особая благодарность от нас, воинов, партизанам. Они валили деревья, сооружали мосты, гатили болота, давали проводников, чтобы могли пройти войска. Они открыли нам дорогу на Кёнигсберг, на Берлин, к Победе. Их героизм, мужество, самопожертвование вдохновляли и нас... От имени еще живых фронтовиков передаю нашим братьям-белорусам самый горячий привет».

После завершения церемонии награждения состоялось еще одно событие – подписание соглашения о сотрудничестве Комитета ветеранов войны и военной службы РТ и Витебского областного совета общественного объединения ветеранов. Под ним поставили подписи заместитель председателя Витебского областного совета ветеранов Владимир Алексеевич Цецохо и председатель общественной организации «Комитет ветеранов (инвалидов) войны и военной службы Республики Татарстан» Ахат Гайнуллович Юлашев.

Затем путь делегации лежал в агрогородок Копти, где и предстояло главное торжество – открытие памятника советским воинам-татарстанцам, сражавшимся с фашистами на территории Белоруссии, и бойцам-татарам, воевавшим в отрядах белорусских партизан.

* * *

На торжественную церемонию в Мемориале воинской славы имени Ленинского комсомола собрались не только коптяне, но и жители всех близлежащих деревень, потому что это место для всех священо.

Мемориал сооружен на живописном берегу реки Лососинка в деревне Копти, что всего в 20 километрах от Витебска. В окрестностях этой деревни в конце 1943 и начале 1944 годов шли ожесточенные бои. На шестикилометровом участке погибли тысячи солдат и офицеров Красной Армии. Именно отсюда 23 июня 1944 года начался прорыв немецкой обороны по витебскому направлению в операции «Багратион».

Память о кровопролитных сражениях и павших героях жители деревни Копти решили увековечить созданием Воинского мемориала имени Ленинского комсомола. Большая заслуга в появлении этого уникального мемориального комплекса принадлежит подполковнику в отставке, одному из инициаторов его создания Виктору Демьяновичу Терещенко. А в сооружении его участвовали все жители Копти и близлежащих деревень. Они собственноручно насыпали Курган Славы высотой в три метра. На его вершине установили танк Т-76, который был подарен в год 50-летия Победы коптянам министром обороны Республики Беларусь А.И.Костенко. Между гусеницами танка прикреплена беломраморная доска с таким текстом:

«В этом месте погибло свыше 12 000 советских воинов
33-й и 39-й армий. Более 50 % из них были комсомольцами.
Именно здесь начинался прорыв операции «Багратион»
23 июня 1944 года».

На левой половине плиты еще одна надпись:

«Чтобы никогда не повторились ужасы войны, люди
не имеют права забывать, что такое фашизм, и какой ценой досталась спасительная
Победа нашему народу
9 Мая 1945 года».

Рядом с танком – стела воинам 33-й и 39-й армий, освобождавших Витебскую землю от фашистов, и пять братских могил, где захоронены около трех тысяч воинов. Вокруг холма внизу – 10 гранитных памятников. На них выгравированы сведения о количестве погибших в боях за каждую деревню. А на шестиметровой стене – карта-схема прорыва и перечень соединений 39-й армии 3-го Белорусского фронта, участвовавших в операции «Багратион».

На этом мемориале увековечены имена и самих коптянцев, и жителей близлежащих деревень Маклаки, Лобаны, Лососино, Ганьково, Заходники, Зазыбы, героев-партизан, павших в борьбе с фашистскими оккупантами, а также имена летчиков легендарного авиаполка «Нормандия-Неман», погибших в воздушных боях операции «Багратион», командира артиллерийской батареи, старшего лейтенанта Якова Джугашвили,

оборонявшего Витебскую землю в июле 1941 года, – всех тех, кто участвовал в защите и освобождении края от «коричневой чумы». Здесь, в Коптях, в братском захоронении нашли вечный покой также 14 бойцов-татар.

Вот в этом Воинском мемориале витебские власти определили место для установления отдельного памятника и татарстанцам, погибшим в боях за Витебщину, и бойцам-татарам 825-го батальона легиона «Идель-Урал», влившимся в ряды партизан в феврале 1943 года.

* * *

...Когда участники церемонии прибыли на место, памятник еще был покрыт белым покрывалом. Около него – часовые роты почетного караула.

Вот Равиль Муратов и Ахат Юлашев подходят к обелиску. Медленно спадает покрывало. И взорам собравшихся открывается устремленный ввысь обелиск из искусственного красного гранита, напоминающий штык прославленной винтовки-«трехлинейки». Наверху изображен барельеф головы воина-автоматчика, ниже – Герб Республики Татарстан. И цифры: 1941–1945.

Под ними текст:

«Воинам 18-й Казанской, 334-й Витебской, 352-й Оршанской, 86-й имени Президиума Верховного Совета ТАССР стрелковых дивизий, сражавшихся на территории Беларуси против немецко-фашистских захватчиков, и бойцам-татарам, воевавшим в отрядах белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны от Республики Татарстан 2009 г.»

Начинается митинг.

На правах хозяина его открывает первый заместитель Витебского облисполкома Владимир Новацкий. Его речь эмоциональна и конкретна.

«В повседневных делах есть события, – говорит он, – когда глубоко осознается величайшая ценность мира, возможность спокойно жить, трудиться, строить планы на будущее. В эти моменты особую благодарность мы испытываем к старшим поколениям, отстоявшим в годы войны право на жизнь для детей и внуков. Сегодня у нас мероприятие именно такого рода: открытие мемориального знака воинам 18-й Казанской, 334-й Витебской, 352-й Оршанской, 86-й имени Президиума Верховного Совета Татарской Автономной Советской Социалистической Республики стрелковых дивизий. На территории Беларуси и Витебской земли они воевали против немецко-фашистских захватчиков в рядах Красной Армии. Это и оценка вклада бойцов-татар в сражениях отрядов белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны».

Владимир Новацкий представляет участникам митинга делегацию Республики Татарстан во главе с первым заместителем Премьер-министра республики Татарстан Равилем Фатыховичем Муратовым и от имени областного исполнительного комитета сердечно приветствует гостей на белорусской земле.

«Проходят годы, отдаляя нас от событий самой страшной и кровавой войны XX века. Но и со временем не меркнет величие и значимость подвига советского народа, одержавшего победу в смертельной схватке с коварным и сильным врагом, – продолжает он свою речь. – Великая Отечественная война для жителей Беларуси имеет особое значение. Она прошла практически через каждый дом, каждую семью, нанеся республике ни с чем не сравнимые материальные и людские потери. Погиб каждый третий житель страны и области».

Но Витебщина осталась не покоренной врагу. Более двух с половиной тысяч памятников, обелисков, воинских и братских захоронений являются свидетелями жестоких сражений и напоминают о подвигах защитников Отечества. В боях за

освобождение области 238 воинов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в их числе – наш земляк Валит Хазиев. С оружием в руках плечом к плечу с белорусами оказывали сопротивление врагу на оккупированной территории Придвинья русские, украинцы, татары, латыши, сыновья и дочери других национальностей.

«Особая наша благодарность воинам-татарам, которые в составе партизанских бригад на Витебщине боролись с немецко-фашистскими захватчиками», – говорит Владимир Новацкий.

Он отметил символичность встречи, которая проходит в памятные дни: «Сразу после Дня Октябрьской революции, отмечающегося в Беларуси как государственный праздник, в год 65-летия освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков и подготовки к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне».

«Эти события – великие страницы прошлого, – подчеркнул заместитель главы облисполкома. – Они и сегодня оказывают глубокое влияние на мировой процесс, что не устраивает тех, кто извлекает на свет пещерные идеи нацизма, кто нагло пробует заставить нас отречься от памяти о героизме и братстве народов. Как молния бьет в самое высокое дерево, так и переписчики истории метят в самые дорогие нам духовные реликвии, делаются попытки отождествлять советских людей с солдатами фюрера, партизан и подпольщиков с бандитами. Но собравшиеся здесь знают, за что боролись, против кого и с кем сражались советские люди. А они сражались с фашизмом, за Родину, за свободу и независимость. И другой истории, которая досталась нам от предков, нам не надо. В ней, как глыба, – Великая Победа – духовный мост между прошлым и будущим, между народами бывшего Советского Союза, всеми борцами с фашизмом».

Владимир Новацкий во имя светлой памяти о жертвах прошедшей войны призвал «отслеживать вызовы времени, разоблачать попытки переиначить историю, умалить значение нашей Победы, принимать меры по укреплению дружбы и сотрудничества, мирному созиданию, воспитанию молодежи в духе исторической правды, любви к Родине, на образцах мужества погибших на этих землях воинов и партизан, на примере таких несломленных героев, как поэт-патриот Муса Джалиль».

Заместитель главы Витебского облисполкома удивил участников митинга знанием поэзии Мусы Джалиля, процитировав строки из его стихотворения, написанные им в Моабитской тюрьме в ожидании казни: «Жизнь моя песней звенела в народе, смерть моя песней борьбы прозвучит»...

«Только на признании и уважении подвигов наших дедов и отцов, на памяти об их героических делах можно воспитывать достойных граждан, патриотов, хранителей и защитников Отечества», – подчеркнул витебский руководитель. Вместе с тем он отметил и важность проверенных временем связей, надежных партнеров, к числу которых он отнес и Республику Татарстан.

«Тенденция внешнеторгового сотрудничества между областью и Татарстаном нарастает, – повторил он и на митинге в честь открытия памятника. – За 9 месяцев этого года объем внешней торговли увеличился втрое по сравнению с прошлогодним и достиг 16,3 млн долларов. Имеются перспективные предложения «Татнефти» по созданию на Витебщине сети заправочных станций, а в Республике Татарстан проявляют интерес к расширению поставок продуктов нефтепереработки, стекловолокна, телевизоров и других изделий».

Откровенно говоря, эти тезисы, казалось бы, не имели никакого отношения к открытию памятника. Так думалось вначале. Но по истечении времени, осмысливая состоявшееся в Коптях событие, стало понятно, что это имело большой просветительский и воспитательный характер. Ведь на церемонию открытия памятника собралось практически все население агрогородка Копти и ближайших сел района. И в основном молодежь. Для многих из них Татарстан был «белым пятном».

О дружбе народов, значении содружества, цене победы над фашизмом, невосполнимых потерях, понесенных белорусским и татарским народами, напомнил в

своем выступлении на митинге и первый вице-премьер Татарстана Равиль Фатыхович Муратов.

«В суровые годы Великой Отечественной войны мы разделили горе невосполнимой утраты миллионов соотечественников и гордость за героическую победу советского народа в кровавой битве с фашизмом, – начал он краткую, эмоциональную речь. – Закаленные в жестоком горниле Второй мировой войны вековые узы братства российского и белорусского народов стали воистину нерушимыми».

Глава татарской делегации высоко оценил подвиг Республики Беларусь, которая выступила форпостом советского государства в безжалостной схватке с «коричневой чумой», развернула беспощадную партизанскую войну против фашистов. Республика потеряла в войне каждого третьего своего жителя, но не склонила колени перед врагом.

«В 2009 году мы отмечаем 65-летие освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков. В этот знаменательный год и в преддверии празднования 65-й годовщины Великой Победы, мы с болью в душе склоняем головы перед памятью всех, кто пожертвовал своей жизнью ради счастья и свободы на родной земле. Мы чтим бессмертный подвиг советского солдата и тружеников тыла и низко кланяемся здравствующим ветеранам Великой Отечественной войны», – заявил Равиль Муратов.

Республика Татарстан также заплатила громадную цену за победу в боях с фашизмом. Она отправила на войну около 700 тысяч своих сыновей и дочерей, 360 тысяч из них пали на полях сражений, не вернулись в родные дома.

В годы Великой Отечественной войны четыре из семи стрелковых дивизий, сформированных в Татарии, вели бои с фашистами в Белоруссии и практически полностью погибли на ее территории. Известны места захоронения 12 тысяч воинов из Татарстана и других республик Поволжья.

Останки бойцов 86-й имени Президиума Верховного Совета ТАССР стрелковой дивизии до сих пор находят в Гродненской области, где она приняла на себя первый удар врага на границе.

18-й Казанской стрелковой дивизии довелось вступить в бой в июле 1941 года на Днестре. Символично, что среди населенных пунктов, которые пришлось оборонять казанцам, была деревня Бородино в Витебской области.

В 1944 году звание Витебской заслужила 334-я стрелковая дивизия, а звание Оршанской – 352-я стрелковая дивизия. За подвиги, совершенные в Белоруссии, были удостоены звания Героя Советского Союза шесть татарстанцев. Их имена увековечены в «Книге Героев», изданной в Республике Татарстан.

Напомнив участникам митинга эти трагические и героические страницы Великой Отечественной войны, руководитель делегации вместе с тем отметил, что «в тени истории осталось еще множество примеров выдающегося мужества и самоотверженности, не отмеченных высокими наградами», и призвал продолжать поиски имен этих героев, чтобы никто не был забыт. Как бы в назидание Р.Муратов привел новые, свежие примеры настойчивости и целеустремленности исследователей, благодаря кому в летопись трагических событий 1941–1945 годов добавляются все новые героические страницы, написанные татарами и татарстанцами.

Так, на территории Витебской области 29 декабря 1943 года совершил огненный таран Алексей Семенович Клещевников из Мензелинского района. А 23 июня 1944 года повторил подвиг Александра Матросова (думается, здесь уместно напомнить еще раз: Шакир Мухаметзянов его настоящее имя!) Бари Ганиевич Шавалиев из Рыбно-Слободского района Татарии.

К разряду таких открытий глава татарской делегации отнес и трагическую и в то же время героическую судьбу бойцов 825-го батальона.

«Памятник, который мы сегодня открываем, – сказал Р.Муратов, – увековечит память не только наших земляков, сражавшихся в составе кадровой армии. Он установлен недалеко от того места, где произошло символическое событие, имеющее историческое

значение для большой семьи народов России и Советского Союза. Именно здесь, в Витебской области, в ночь на 23 февраля 1943 года более 500 бойцов 825-го батальона легиона «Идель-Урал», созданного фашистами из военнопленных, перешли на сторону белорусских партизан», – подчеркнул он.

Из предыдущих глав этой книги мы видим: свидетельства об этом событии были опубликованы еще в 70-е годы прошлого столетия. Но широкоизвестным это событие становится лишь в XXI веке. Благодаря деятельности поисковиков Татарстана и Белоруссии, исследованиям татарстанских, московских, белорусских ученых, которые глубоко, тщательно и всесторонне изучали этот малоизвестный эпизод Великой Отечественной войны.

«Открытие этого памятника – дань памяти и уважения всем солдатам и офицерам сформированных в Татарии дивизий, – заявил в своем выступлении Р.Муратов. – В то же время сегодняшнее событие – значимая веха в работе по реабилитации доброго имени воинов-татар, вырвавшихся из гитлеровского плена и сражавшихся в рядах белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны».

Свое выступление Первый вице-премьер Татарстана завершил сердечными словами благодарности руководителям Витебской области и Витебского района, «без чьей поддержки сегодняшнее событие не состоялось бы», за оказанное им внимание, «бережное отношение к общему героическому наследию».

Глубоко в душу членов татарской делегации и всех участников митинга запало выступление руководителя ветеранской организации Витебской области Владимира Алексеевича Цецохо: «С чувством глубокого волнения и с ощущением сопричастности каждого из нас к историческим судьбам Отчизны собрались мы в очередной раз здесь, на Воинском мемориале имени Ленинского комсомола. Собрались, чтобы вспомнить героическое прошлое нашей многонациональной Советской Родины, поклониться этой священной земле, которая навеки сроднила нас совместно пролитой кровью, – сказал он. – Сюда нас постоянно приводят народная память и высокий гражданский долг, великое и святое чувство товарищества».

«Наша сегодняшняя встреча с представительной делегацией Республики Татарстан, Российской Федерации, приехавшей почтить и увековечить память земляков, отважно сражавшихся на белорусской земле против фашистских захватчиков, – говорил ветеран, – в очередной раз ярко демонстрирует искреннее стремление наших народов к миру, согласию и добрососедству, к прочным и интенсивным межгосударственным отношениям на основе подлинного уважения и соблюдения взаимных интересов».

От имени ветеранов Витебщины Владимир Цецохо выразил твердую убежденность в том, что эта встреча, подписанные договоры о сотрудничестве позволят регионам добиться дальнейших успехов во всех сферах материальной и духовной жизни белорусов и татар.

Действительно, мужество и героизм, братство, рожденное в боях за свободу и скрепленное кровью, никогда не будут забыты. Они не подвластны политической конъюнктуре, их не затмят никакие политические амбиции и сиюминутные интересы. Они были и будут высоким гражданским образцом для наших молодых сограждан. Почти во всех выступлениях на митинге (как и во время встречи в облисполкоме) наказом звучала мысль: отстаивать правду о Великой Победе над фашизмом, очистить ее от попыток развенчать наши духовные ценности.

Митинг на мемориале завершился оружейным салютом в честь воинов-татар, павших за освобождение Придвинья от фашистских захватчиков. Затем прозвучали Государственные гимны Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Татарстан.

* * *

Из Коптей делегация отправилась в Витебский областной музей им. Героя Советского Союза М.Ф.Шмырева.

Здесь собраны уникальные документы, свидетельствующие о героической борьбе белорусских партизан в тылу врага. Тут развернута и экспозиция с документами, посвященная бойцам 825-го батальона, которые плену и предательству предпочли смерть в бою с оккупантами. В том числе указана часть фамилий участников перехода батальона на сторону партизан, которая найдена была в лесу в районе поселка Сураж. Член татарской делегации, заведующий Музеем-мемориалом Великой Отечественной войны в Казанском Кремле Михаил Черепанов передал музею новые документы о батальоне, а также полный список наших земляков, погибших в боях за Витебскую область.

В музее состоялось еще одно памятное событие – было подписано Соглашение о сотрудничестве между Витебским музеем им. М.Ф.Шмырева и Государственным музеем Великой Отечественной войны РТ, которое скрепили своими подписями И.Шишкова и М.Черепанов.

А вечером в честь татарской делегации, ветеранов войны и всех участников церемонии открытия памятного знака Витебский облисполком устроил торжественный ужин.

* * *

Так завершилась многолетняя эпопея поиска и восстановления доброго имени наших соотечественников. Те, которые пережили кошмары плена, годы забвения, но нашли в себе силы стереть клеймо предателя, вновь встали в строй борцов против фашизма и погибли за освобождение Родины. После смерти, через десятилетия, они вернулись к своим семьям, родным и близким, снова обрели имена и фамилии, известность. Вернулись из небытия с незапятнанной честью и совестью. И свершилось это благодаря людям с беспокойной совестью.

Впрочем, завершилась ли? Ведь из 500 с лишним имен бойцов, которые в феврале 1943 года нашли в себе мужество вновь обрести свободу и влились в партизанские отряды, установлены пока имена лишь 200(?) человек. Значит, поиски остальных героев будут продолжены. Чтобы никто не был забыт, и ничто не было забыто.

Такой взаимный обет дали друг другу и участники церемонии открытия памятника в деревне-агродордке Копти Октябрьского сельского совета Витебского района Витебской области Республики Беларусь.

Научно-популярное издание

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «ШАРОВАЯ МОЛНИЯ»

Татары в партизанских отрядах Белоруссии
в годы Великой Отечественной войны

Составитель Мустафин Рафаэль Ахметович

Казань. Татарское книжное издательство. 2010

Редактор *Г.А.Рожкова*

Художник *Р.Х.Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка

А.С.Газиззяновой

Корректор *Э.Р.Миннуллина*

Оригинал-макет подписан в печать 10.08.2010. Формат 60x108 1/16.

Усл. печ. л. 12,0. Тираж 1000 экз. Заказ О-1111.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru> e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™

Филиал ОАО «Татмедиа»

полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.